Конан

КОНАН И КАДІКИ АСУРЫ

Annotation

В незапамятные времена северные боги уничтожили друг друга в страшной битве, положившей конец старому миру. Их убийца, коварный Хёггсен, не ушел от возмездия. Тысячу лет он провел в заточении, в пламенеющих ямах Тьяргарда. Теперь он же вырвался из плена. Отец тьмы намерен воссоздать свое мрачное царство. Но уже собирается на севере отряд бесстрашных воинов и магов, готовых встать на защиту Хайбории. И ведет их никто иной, как Конан-киммериец.

- Марко Леонетти
  -
  - Пролог
  - Часть первая. Клыки Асуры
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
  - Часть вторая. Альтинг Родвара
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
  - Часть третья. Зал Факелов
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
  - Часть четвертая. Слезы Крома
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
    - VI
    - VII
  - Часть пятая. Топор Модгуд
    - I
    - II

    - III
    - VI
    - V
- Часть шестая. Цепь Рокка
    - I
    - II
    - III
    - IV
- Часть седьмая. Отплытие Нагльфара
    - I
    - II
    - III
    - IV
    - V
- Эпилог

Марко Леонетти

Клыки Асуры

(Конан — 107)

(Издательство АСТ, 2005, том 107 «Конан и клыки Асуры»)

Пролог

За четыре года до момента описываемых событий…

Стылая равнина. Вкрадчивый шепот ледяного ветра вторит завыванию снежной метели. Тысячи нестерпимо ярких белых точек кружатся у лица, оседают на сомкнутых ресницах, вплетаются в волосы, тают, расплавленные жарким дыханием, и вновь замерзают, превращаясь в горсти мелких алмазов.

Лютый мороз больно покусывает кончики ушей, обнимая непокрытую голову своими леденящими ладонями. Кожа на озябших руках стягивается и деревенеет, становясь нечувствительной и грубой, как холодный валун. Кровь медленно застывает в жилах, тело наливается обманчивой теплотой, мышцы слабнут, делаясь все более жесткими и непослушными.

Молочная пелена таит в себе целый сонм образов. Это не вой ветра, это стонут полчища хищных призраков, жадные до теплого мяса новой жертвы, попавшейся в тенета его величества холода!

С посиневших губ все реже и реже срываются рваные облачка пара. Дыхание смерзается в легких, холодное горло сжимается, иней набивается в ноздри.

Скоро, уже очень скоро нового пленника снежных равнин со всех сторон обступит непроглядная тьма, и бездна, пустая и гулкая, лишенная всякой жизни, всосет героя в свое необъятное чрево…

Звук хрустящих шагов распугивает кружащихся в воздухе хладных духов, и бесплотные существа исчезают, оставляя в пространстве искрящийся след. Или это только привиделось? Инистые силуэты были на самом деле всего лишь игрой застывшего воображения?

Нет! Звук шагов реален. Реален, как гром проклятья, разразившийся в поднебесье.

Он приводит воина в чувство, и холодные пальцы северянина скребут обледенелые валуны ущелья, заставляя слабнущее тело двигаться.

Лучше уж быть растерзанным ледяными слугами Имира, нежели пронзенным копьями врагов. Ему удается подняться с колен, оторвавшись от белой поверхности. Воин напряженно всматривается в снежную вуаль, силясь разглядеть чужаков из-под полуопущенных век.

Они появляются. Высокие и грозные, словно бессмертные боги, темные и безжалостные на фоне искрящегося белым снежного безумия. И, тем не менее, это живые люди.

Варвар кашлянул, исторгнув из промерзлых легких струю пара, который тут же растаял в воздухе. Негнущаяся спина отзывается тяжкой ноющей болью, и, кажется, даже слышен мерзкий скрип позвонков. Жесткие ладони растирают снег — по пальцам струится жаркий огонь.

Человек, словно вытянутый из ледяной могилы, распрямляется и становится видно, что воин велик ростом и крепок телосложением, словно сам король снежных ётунов.

Некоторое время люди стоят в нерешительности, изучая рослого темноволосого варвара, который до сих пор чудом не отправился в темную обитель мертвых. Но в их глазах нет ни страха, ни сострадания, они просто наблюдают, как наблюдали бы за предсмертной агонией раненого вепря. Любопытство — лучшее из того, что могли выразить их пристальные взгляды.

Один из северян долго смотрит на алые крупицы льда, примерзшие к мечу и помятым латам воина.

— Киммерийский пёс! — наконец, шипит он, перекрывая вой ветра. — Клянусь бородой Ольрика, этот гаденыш заодно с белоголовыми. Один из тех бандитов, что пришли в Ванахейм грабить селения и похищать наших женщин.

— Мы пришли сюда вернуть своё, — прохрипел севшим голосом воин.

— Смотри-ка, небо! Это отродье еще и разговаривать умеет, — замечает другой ванир, грузный и мощный, как старый утес, с обожженными солнцем волосами. — Пусть прекрасная Атали вырвет мой лживый язык, если я скажу хоть слово неправды, но этот юный волк — тот самый киммериец из банды Гуннара, которому единственному удалось уйти из засады живым.

— Да, да, я узнаю его, — низким зловещим голосом объявляет третий северянин. Прищуренные глаза цвета грозовых туч замирают на лице варвара. — Этот мерзавец — убийца моего брата!

С резким холодным лязгом из ножен выпрыгивает тяжелый меч. Внезапно рука четвертого ванира, самого молодого из всей группы, отгораживает своего компаньона от обессиленного воина. Варвар успевает удивиться столь необычной для северянина внешности человека — лицо юноши отличается резкими, но не грубыми, как у других жителей Нордхейма чертами лица, а волосы — волосы отсвечивают матово-черным блеском и темны, словно крылья ворона!

— Не спеши орошать свой клинок кровью, Хьорт, — медленно произносит юноша. — В таком состоянии этого человека даже карл может задушить голыми руками. Как он убил твоего брата?

— Вспорол ему брюхо, словно свинье, когда пробивался из западни, устроенной нашими!

— Удар в живот, Хьорт, но не в спину. Значит, это был честный бой. — Темные глаза оценивающе исследуют варвара сверху вниз. — Ведь ты убиваешь своих врагов только в честном бою киммериец?

Воин молча вернул ваниру пристальный взгляд. Несколько мгновений они глядели друг на друга, точно два вожака волчьей стаи, и каждый чувствовал силу своего противника.

— Мое имя Конан, — произнес голубоглазый великан. — Если ты сомневаешься в честности моих слов, я докажу свою правоту в поединке с любым из вас. Но, знай, я никогда не убиваю своих врагов исподтишка.

— Какая разница, о, вечная тьма?! — вскричал северянин, именовавшийся Хьортом, так, что дрогнули стены ущелья. — Этот подлец убил моего брата, и я отомщу ему за это, клянусь рукой Тюра!

— Твое право, — согласно кивнул юный лидер ваниров. — Но только в том случае, если твой должник будет твердо стоять на ногах и в состоянии держать меч. В противном случае, ты совершишь злодеяние, недостойное человека нашего племени, и в наказание после смерти твой дух правится не в залы Вальхаллы, а будет проглочен душным мраком Хель!

Зубы Хьорта громко скрипнули.

С одной стороны, он не мог пойти против древних законов, но с другой, когда убийца брата находился всего в двух шагах, без оружия в руках, сломленный холодом и усталостью…

Рука молодого вождя отпустила предплечье Хьорта. Северянин повернулся спиной к киммерийцу. Его примеру последовали и остальные ваниры.

Лишь Хьорт остался неподвижен, и его огненный взгляд по-прежнему обжигал лицо варвара.

— Мы уходим, Хьорт, — бросил юный лидер северянину, чья душа жаждала возмездия, невзирая ни на какие законы. — У тебя есть выбор: либо ты идешь с нами, либо остаешься ждать здесь, пока твой противник не поправится и не возьмет в руки меч.

Глаза ванира гневно вспыхнули.

— Ладно, щенок, ты мне еще попадешься… — сквозь сжатые зубы проронил он и отвернулся.

… чтобы в следующее мгновение вонзить меч в грудь киммерийца чуть выше сердца. Клинок пробил пластинчатые доспехи, распорол кожу и с хлюпаньем погрузился в плоть на полдюйма. Если бы Хьорт ударил чуть сильнее, следующий миг Конан встретил бы уже в темных чертогах Крома. Но злость и бешенство затмили разум ванира. Он разил для того, чтобы отомстить, не заботясь о том, насколько губительным окажется удар для врага.

Мелкие капли крови плеснули на переливающийся снег, расчертив красную дорожку от киммерийца в сторону двух холодных валунов. Варвар тяжко вздохнул, осел на одно колено, но правая кисть воина крепко сжала лезвие меча, стремясь вырвать оружие из рук противника. Из-под одеревеневших пальцев выползла змеящаяся дорожка красного цвета. Несколько капель алой влаги плюхнулись в снег, сворачиваясь льдинками на холодной поверхности.

— Умри, несчастный!

Высвобожденный из хватки клинок вспорол судорожно сжатую ладонь. Хьорт занес меч для повторного удара, который должен был разрубить голову Конана.

В сотую долю мгновения тонкая и сильная кисть черноволосого северянина прыгнула вперед, точно ядовитая змея. Пальцы, словно зубы, впились в запястье ванира, до хруста сжав лучевую кость.

Чудовищная хватка оказалась настолько сильной, что даже крепкий воин Хьорт пронзительно вскрикнул и выпустил меч.

— Это было скверное решение, — быстро сказал юный вождь, не выпуская из своей хватки кисть ванира.

Северянин закричал. Кожа Хьорта, в том месте, куда впились железные пальцы юноши, сделалась молочно-белой. Воздух вокруг сцепленных рук подернулся рябью, невидимые волны всколыхнулись. Послышался высокий звук, точно сорвавшаяся с уступа сосулька раскололась о ледяную глыбу.

«Маг» — быстро скользнуло в мыслях варвара.

Что-то пугливо вздрогнуло в воздухе, и в холодном пространстве разошлись круги, словно невидимый камень потревожил спокойствие ровной глади магической субстанции…

Хьорт громко взвыл, держась за изувеченную конечность. Отмороженная кисть, прозрачная и мертвая, с угловатыми ледышками-пальцами была похожа на кристаллы горного хрусталя. Ванир с болью и обидой во взоре глядел на своего лидера. Глаза юноши оставались все такими же бесстрастными — неподвижными, наблюдающими.

— Хенгест, оставь киммерийцу перевязки для ран и разогревающие мази, — отдал приказ юный повелитель. Бранн, помоги Хьорту подняться.

Один из воинов снял с плеча мешок со снадобьями и бросил его Конану, второй ванир поставил на ноги своего компаньона. Группа северян потянулась к выходу из ущелья.

— Подожди… — хрипло произнес киммериец, обращаясь к лидеру своих врагов. — Я не

забываю долгов. Даже если в будущем нам предстоит биться в смертельной схватке, победителем из которой выйдет только один из нас, я хочу знать твое имя.

Молодой чародей опустил глаза, размышляя, какое значение имеют только что сказанные воином слова.

— Мое имя Авар Нидхеггсон, — сказал юный вождь. — Думаю, в будущем тебе предстоит услышать его еще не раз.

Последнее он произнес с уверенностью, не похожей на столь обычное для его возраста щегольство, точно маг и в самом деле ведал немало о грядущих событиях. И, тем не менее, он бросил варвару улыбку, быструю и яркую, словно проблеск солнца среди зловещих туч.

Вскоре удаляющиеся черные силуэты ваниров скрыла густая белая мгла.

Часть первая. Клыки Асуры

I

Вендия. Два года спустя…

Оранжевый диск купался в море темно-серых туч, поспешно плывущих по небосводу.

Время от времени светило затмевали мглистые лоскутья их тонких тел, но желтое пламя неумолимо и властно разрывало покрывало сумрака, разверзая темное скопление облаков своими острыми копьями-лучами.

Солнечный свет падал на многорукие статуи, расцвечивая огнем их неживые глаза, золотил доспехи каменных великанов — и словно дыхание жизни возвращалось в их холодные тела на те бесконечно краткие мгновения, когда солнце окунало их в свои ярко-оранжевые волны. Но вот слепящее сияние меркло, оттененное напором угрюмых туч, и каменные стражи вновь замирали, возвращаясь во всеобъемлющую пустоту покоя, чтобы спустя какое-то время снова пробудиться ото сна.

Свет лился в каменные чаши, наполняя сосуды обманчивым блеском иллюзий, точно невидимые боги собирали нектар для своего очередного пира. Их лики, замурованные в барельефные стены, расточали в мир благоговейное дыхание, полное паров волшебного напитка солнца. Казалось, еще немного света, и оживет древнее изваяние, расцветятся новыми красками выцветшие рисунки, старые лица богов озарятся улыбками, и от священных стен разнесется во все стороны счастливый смех.

Но лукавые владыки тщательно сдерживали порывы безумного веселья, всё также взирая на мир смертных с тайной мистерией и торжественным ликованием.

Лучи стелили свои яркие тела по земле, липли к поверхности массивных колонн, закрадывались во тьму внутренних помещений храма через узкие двери и окна. Потревоженный сумрак, хранитель тишины, покоя и всех сокровенных тайн, неохотно отползал вглубь, жался в комки и таял, лелея надежду на скорое наступление ночи, которая прогонит орды светлых захватчиков. Точно божественная паутина валакхилий, свет оплетал великое здание, проникая в самые скрытые места древнего строения. Однако ему было не под силу преодолеть ту плотную завесу неприкосновенности, что была накинута поверх священных секретов храма.

Свет никогда не найдет того, что спрятано Свет никогда не обнаружит того, что тщательно сокрыто от посторонних глаз. И уж точно свет никогда не украдет то, что хранится в глубине темного святилища. Потому что свет безволен и стихиен.

Люди совсем другое дело. Они целенаправленны и непредсказуемы. Они способны на многое — даже перевернуть трон самого Асуры, даже закрыть своими ладонями светлые очи Катара.

Разрушить устоявшиеся идеалы, развенчать массовые иллюзии, поставить под сомнение могущество владык — все что угодно. Нет предела возможностям того, кто готов противопоставить себя целому миру. Особенно если у него есть отвага, мастерство и желание во что бы то ни стало добиться поставленной цели, невзирая ни на какие преграды, не считаясь ни с какими жертвами.

У Гана Ганглери все вышеперечисленные качества как раз имелись. Если бы кто-то вдруг посмеялся над этим человеком, велев достать с неба луну, непревзойденный мастер

разбоя и кражи непременно сорвал бы яркий фонарь со звездного потолка, после чего убил бы дерзкого наглеца.

Его прошлое представляло собой сплошное покрывало из темных пятен. Его знали под многими именами — Жадное Лезвие, Паррак, Тандар-убийца, Безликий Демон, Ночной Охотник.

Кто-то узнавал в нем ученика лучших колдунов севера, кто-то признавал его как выдающегося воина, многие твердо верили в то, что Ган — вор высшего класса. И каждый знавший этого человека-без-лица был по-своему прав, ровно, как и бесконечно далек от истины.

Воин, маг, вор, разбойник, наемный убийца, охотник за сокровищами, миссионер, жрец неведомых богов, начальник городской стражи — это лишь малый список всех тех занятий, за которые брался Ган в своей жизни. Не было такой работы, связанной с риском, не попробованной Парраком хоть однажды.

К этому моменту Ганглери являлся, наверное, самым высокооплачиваемым наемником во всей Хайбории. Работодатели знаменитого вора могли быть полностью уверенными, что желаемая вещь окажется у них в руках с момента заключения сделки.

Он никогда не подводил и никогда не ошибался. Число провалов Ганглери было так же мало, как количество грешников, помилованных Тагалом.

Цена его услуг временами достигала баснословных высот — даже ходили слухи, будто Ганн владеет несколькими дворцами, отданными ему в качестве уплаты за выполненную работу. Его подземные сокровищницы ломятся от золота, в его погребах ждут своего часа не откупоренные бутылки лучшего вина, среди его наложниц числятся самые красивые девушки мира — казалось бы, все условия, чтобы прожить, купаясь в блеске роскоши, до самой старости.

Однако охотник за сокровищами вообще никак не представлял свою старость, и нажитое богатство приносило ему мало пользы. Ганглери проводил большую часть жизни в странствиях и опасных походах, постоянно ставя на карту свою жизнь, так что старость, скорее всего, боялась притрагиваться к дерзкому искателю приключений, и жизнь его, по всей вероятности, когда-нибудь быстрее оборвется от выпущенной врагом стрелы, чем постепенно завянет от веяния смрада преклонных лет.

Своей родиной Безликий Демон считал север. Ганглери родился в пограничной области Асгарда и Киммерии, в горном краю на самом востоке Нордхейма.

Еще не выбравшись из пеленок, он уже умел слышать и распознавать шаги всех, кто приближался к их жилищу. Он еще не научился ходить, как приобрел умение владеть кинжалом. В семь лет отрок стрелял из лука не хуже любого мужчины их племени. В шестнадцать Ган выполнил свое первое задание — выследил и убил трех охотников за головами из народа пиктов, которые проникли в их земли.

Отрезанные уши своих врагов юный воин принес в селение, в награду он получил дочь вождя в жены. Впрочем, брак распался уже через год. Праздная жизнь и отягощающие узы быта быстро наскучили молодому северянину, в чьих жилах кипела жаркая кровь демонов.

В семнадцать лет он покинул родные земли, чтобы с востока на запад прошагать через всю Киммерию и присоединиться к отряду вольных мореплавателей-пиратов. В компании отпетых негодяев Ганглери провел три года, пока ему не исполнилось ровно двадцать зим. Дальше их пути разошлись, и молодой наемник пошел попытать счастье на западе.

Следующие восемнадцать лет Ган провел в сражениях, разбойных набегах и походах,

выполняя различные миссии.

Куда только не завлекал искателя приключений свежий ветер странствий. Уроженец Нордхейма побывал во многих королевствах Хайбории. Ганглери приходилось мерзнуть в холодных пещерах Ванахейма, изнывать от жажды в жарких пустынях Стигии и Куша, тонуть в ядовитых болотах Зингары, спасаться бегством от людоедов из Черных Королевств, прятаться в лесах Немедии, бродить по бескрайним лугам Бритунии, карабкаться на крутые скалы Иранистана, скакать на коне по степям Гиркании и даже биться в рядах кхитайских повстанцев, дерзнувших бросить вызов императорскому двору.

Убийца и наемник, маг и воин, он отдавал предпочтение любой работе, связанной с риском. И чем выше казался этот риск, чем выше была ставка в опасной игре, тем охотнее искатель славы и приключений брался за дело.

Ночной Охотник не всегда действовал в одиночку. Иногда под его командованием в бой шли целые отряды, иногда, напротив, он сражался в строю солдат наравне со всеми, как обычный воин. Просто в этот раз сложилось так, что его задание требовало максимальной скрытности и чрезвычайной осторожности, и потому Ганглери отправился в Вендию в одиночку.

Храм Асуры нисколько не притягивал, равно, как и не отталкивал его. Древнее святилище Ган рассматривал, как огромный сундук, просторный ларец, в коем некогда заперли сокровище, и которое требовалось оттуда извлечь.

Однако в этот раз работа многим отличалась от той, что нередко приходилось выполнять опытному вору. Во-первых, предмет его интересы представлял древний артефакт, имеющий легендарную предысторию и уникальную ценности для тех, кто знал, как им можно воспользоваться.

Во-вторых, работодатель Ганглери являлся ярлом Ванахейма, многоуважаемым вождем, лидером, каких Парраку приходилось встречать не часто.

И именно с этим была связана и третья особенность задания: награду он мог получить только по свершению замысла великого северного колдуна. Впрочем, такой расклад дел вполне устраивал наемника, ибо щедрость той награды превосходила все мыслимые пределы — в случае успеха нордхеймского чародея, его помощник мог разделить с хозяином власть над всем миром. Золото и драгоценности давно перестали прельщать мастера разбоя, пресытившегося обилием всевозможных богатств, и на этот раз Ган действовал во имя идеи.

Служить интересам молодого и могущественного ярла для него было честью. А честь, как известно, за деньги не продается, — по крайней мере, среди тех, кто не считает себя подлецом или законченным негодяем.

Ганглери потратил пару колоколов на изучение строения храма и оценку предполагаемой опасности, с которой неизбежно придется столкнуться — количество стражи, возможные ловушки, устроенные жрецами, степень мастерства охранников артефакта, При этом он не приближался к зданию ближе, чем на полмили, постоянно оставаясь в тени и тщательно пряча лицо под прикрытием шафранового капюшона. Привлекать к себе лишнее внимание, и возбуждать ненужные подозрения среди служителей культа вендийского бога было ни к чему.

Собрав необходимую информацию, Ган удалился в город, чтобы закупить необходимые предметы, призванные облегчить выполнения задания. Хотя все воровское снаряжение — крючья для лазанья по стенам, отмычки и веревки — он всегда носил при себе, требовалось приобрести еще целую кучу всяких мелочей. Нужно было смазать кинжал ядом, приготовить

порошки, усыпляющие стражу, и вернуть к жизни его секретных помощников, которых Ганглери содержал в небольшой шкатулке из слоновой кости.

Ган терпеливо дождался, пока на город опустится темное покрывало звездной ночи, после чего зашагал в обратном направлении, в сторону древней обители поклонников Асуры.

II

Лунный блеск прошелся острой косой по несжатому полю теней, срезав туманные лоскутья своим приглушенным сиянием. Ночная тьма, наконец, поборовшая армию светлых чужаков, пытавшихся проникнуть внутрь храма, обрела полную власть по обе стороны древней обители. Секрет, спрятанный в темных глубинах святилища Асуры, безмятежно покоился на высоком алтаре, обласканный заботой ночного мрака, и даже малочисленные светильники, развешанные по стенам, не тревожили его каменного покоя.

Ган это чувствовал. Шуршание шагов вендийских жрецов, призванных хранить священную тайну, их спокойное и ровное дыхание, слабое колыхание холодных, как сама ночь, мыслей.

Служители великого бога избегали касаться своими помыслами таинственного предмета, окутанного мраком забвения, потому ночной вор не мог определить природу вожделенного артефакта, который предстояло выкрасть из храма.

Как свирепый хищник, настоящий демон или жуткий призрак, Ганглери пробирался в ночных сумерках, отталкивая даже прикосновение лунного света. Угольно-черный плащ скрадывал его фигуру, так что наемник полностью сливался с ночной темнотой, окутавшей храм.

Он приступил к своей миссии, и теперь с удовольствием ощущал новый привкус необычного — словно все здешнее окружение замерло в ожидании, полнясь неясной тревогой за последствия непрошенного визита. Причем обитель жрецов не просто пугало появление чужака, здесь было нечто иное, гораздо большее, чем можно представить. Огромный нематериальный разум, рожденный мыслями всех умерших и ныне живущих обитателей храма, в котором тлела искра сознания, — но все же слепой и стихийный — зрел в будущее и страшился великих перемен, призванных затронуть весь мир. Начало должно быть положено здесь.

Тревога и смятение. Боязнь неопределенности и пылающее беспокойство.

Ган мысленно улыбнулся. Тратить много времени на эмоции и переживания было непозволительно, потому уже через миг он отстранил себя ото всех волнений окружения и сосредоточился на более полезных вещах. Следовало уточнить план кражи.

По правилам действуют только новички. Профессионалы разбоя, каким он и являлся, всецело полагаются на собственные инстинкты и интуицию — которые и ведут их через все преграды к успешному финалу. Прочувствовать ситуацию, слиться с объектом задания, представить себя большим храмом, неспящим жрецом или холодной каменной статуей — и вот ты уже отыскал правильную дорогу, которую они тебе невольно подсказали, и вот ты уже идешь верным путем, заранее зная, что не можешь ошибиться.

Тандар-убийца не стал искать обходные пути и направился прямиком к главному входу. Все тайные лазы могли быть защищены ловушками, о которых он не имел ни малейшего представления, в то время как главный портал был предназначен для своих. Чтобы проникнуть внутрь, требовалось лишь немного хитрости, удачливости и, разумеется, мастерства. Остальное подскажут ночь и острый кинжал.

Двух невнимательных охранников храма Безликий Демон усыпил с помощью сонного порошка, после чего быстро оттащил недвижные тела в нишу стены каменной лестницы, ведущей к входу. Двоих жрецов, охранявших портал, он неслышно зарезал кинжалом.

Бесшумно и резко, не потревожив пол шарканьем шагов, Ган ворвался внутрь. Ворвался и сразу же исчез, словно проглоченный тьмой.

Трое служителей Асуры подоспели к месту, откуда исчезли охранники, ровно через семь ударов сердца. Паррак их уже ждал, и потому последовавшая расправа была короткой.

Одному вендийцу Ночной Охотник свернул шею, подкравшись сзади — жрец умер, так и не успев понять, что на него напали. В грудь второму Ганглери метнул свой ядовитый кинжал — и служитель таинственного культа отправился в подземное царство догонять своего товарища.

Третий оказался крепким бойцом. С ним Гану пришлось повозиться, хоть и недолго. Сначала вор выбросил вперед правую кисть, целя в горло противнику, однако жрец уклонился и, поднырнув под руку Ганглери, поймал наемника в цепкий захват. Никогда не удивляющийся Паррак был готов и к такому повороту событий. Его левый кулак, врезавшийся в бок врага, сокрушил печень оппонента, он быстро высвободился из ослабевшей хватки и, не теряя драгоценных мгновений, нанес удар в основание черепа вендийца.

Жрец не упал, напротив, он устоял на ногах, словно врос ими в землю, и в свою очередь ударил Ганглери в переносицу. Великий вор не позволил фалангам его пальцев даже коснуться своего носа — кисть Безликого Демона захватила кулак противника, после чего Ночной Охотник резко вывернул конечность охранника, сломав руку в запястье. Упавшего со стоном врага он добил точным ударом каблука в горло. Тихий хрип — и вновь воцарилась зловещая тишина.

У одного из убитых почитателей Асуры Ган позаимствовал ключ от двери, ведущей в первый зал храма. Теперь следовало немного поторопиться, но, ни в коем случае, не так, чтобы позволить спешке овладеть мыслями. Отворив тяжелую дверь, аккуратно и все также бесшумно, так что даже не лязгнул сердито замок, он вошел внутрь, разверзая темноту.

Осторожно ступая, прощупывая подошвой сапог поверхность каменных плит, Безликий Демон прошел первые десять футов зала. Конечно, поклонники Асуры могли устроить ловушку и здесь — все-таки в ночное время храм был закрыт для любых посетителей. А для воров жрецы могли припасти какой-нибудь особый сюрприз. За долгую практику кражи Ган не раз сталкивался с подобным — в самый неожиданный момент из ниши в стене могли вылететь стрелы или упасть с потолка тяжелая плита, в полу мог открыться зияющий провал или выскочить пара десятков острых как бритва шипов.

Все ловушки предугадать все равно невозможно, да и к тому же у Ганглери имелось мало знаний относительно степени мастерства, мудрости и того опыта, что имелся у вендийских брахманов в создании разного рода ловушек. Однако прекрасная интуиция грабителя высшего класса позволяла Парраку определить, что никаких каверз поблизости не замечено. И наемнику, несмотря на удачное начало, очень хотелось верить, что он не ошибается и на этот раз.

Преодолев половину зала, Ган заподозрил, что, несмотря на все мыслимые предосторожности, что-то он упускает или, точнее, какая-то мелочь неуловимо ускользает от него.

Приобретенные инстинкты настойчиво пытались донести до его подсознания сигналы о невидимой опасности.

Мастер кражи остановился и внимательно огляделся. В зале не было ни души, след дыхания последнего человека, посетившего этот зал, истаял пару часов назад. Значит, все-таки здесь есть какая-то невидимая ловушка, устроенная жрецами. Может быть,

усыпляющий газ? Или ядовитая пыльца?

Зоркий глаз охотника за сокровищами еще раз пошарил в темноте, силясь зацепиться за малейшую деталь, которая бы подсказала ключ к разгадке. Так и не отыскав источника опасности, замеченный его верной интуицией, он не собирался продолжать миссию. Одно дело знать, что опасности поблизости нет и выполнять задание, тщательно устраняя всевозможные намеки на угрозу. Совсем другое — знать, что опасность есть и идти с ней весь путь бок о бок.

Ганглери сделал пару шагов вправо и поднял странную вещь, очень похожую на предмет одежды. Головной убор напоминал шапку, только менее плотную и оголяющую верх черепа. Если бы он решился примерить ее, то странная вещь закрыла бы только его уши. Только уши…

Вот же в чем дело! Этот тончайший звук, почти неслышимый и так схожий со звоном абсолютной тишины. Ночной Охотник разглядел десятки маленьких колокольчиков, развешанных по разным точкам зала — их хрупкие язычки время от времени соприкасались с хрустальной поверхностью, издавая едва уловимый слухом звук.

Но странный головной убор как раз и предназначался для того, чтобы этот звук не слышать. Ведь, несомненно, жрецы покрывали свои головы этой повязкой, когда проходили через зал в ночное время!

Не медля, Ган натянул вещь на голову.

Однако чары хитрой ловушки уже успели распространиться по телу, отзываясь ноющей болью в спине, неприятным шумом в голове и жуткой ломотой в костях. Мышцы налились непонятной тяжестью, исчезла всякая охота двигаться, не говоря уже о выполнении задания. На каждое новое действие требовалось сил втрое больше прежнего, Проклятые колокольчики отравили его своей магией!

Безликому Демону потребовалось чуть больше четверти колокола, чтобы нейтрализовать действие чар. Срок слишком долгий. Хвала неизвестным силам, за это время никто из жрецов не ворвался в темный зал. В таком состоянии он ничего бы не смог противопоставить поклонникам Асуры.

Но вот утраченные силы медленно вернулись к Ганглери, а с ними пришла и злость. Наемник затаил злобу на храм и на себя, за то, что дал поймать себя в эту ловушку, Теперь уж он точно не отступит. Пусть выполнение миссии будет стоить ему жизни, но он дойдет до конца!

Миновав зал со злополучными колокольчиками, Тандар-убийца вошел в следующее помещение, затворил за собой дверь и сорвал с головы защитную повязку. Здесь колокольчиков не было, зато здесь были три входа, предлагавшие непрошенному гостю сделать выбор — подняться на один уровень вверх, спуститься вниз или продолжить путь на этом же этаже.

С этим у Гана проблем не оказалось — у одного из торговцев информацией мастер воров купил ценные сведения о том, где жрецы хранили древний артефакт. Внизу располагались кельи служителей культа и подвалы, вверху — библиотеки и молитвенные залы, в то время как священный предмет покоился в Рубиновой Палате, на первом этаже храма. Однако это совсем не означало то, что добраться до него будет просто.

Рубиновую Палату стерегли потомственные брахманы-стражи, именовавшиеся Святыми Хранителями. Именно на них возлагалась вся ответственность за сохранность таинственного предмета — опасного и недоступного для глаз людских. В случае его утери, насколько знали

старшие из Святых Хранителей, вендийцы могли поплатиться не только своими жизнями, но и судьбой всей страны, конечно, при том условии, что удачливый вор сумеет воспользоваться украденным артефактом.

После скверной истории с поющим залом, Ганглери пришла в голову идея подстраховаться.

Никто не знает храма лучше его обитателей. Воплощая свою идею, охотник расправился только с одним из двух жрецов, охранявших железные ворота. Другого храмовника Ган прижал к полу и выхватил из кармана алый камень — кристаллизированную кровь дракона.

— Смотри внутрь камня! — приказал он своему пленнику.

Человек не подчинился. Он все так же продолжал сжигать врага ненавидящим взором. Паррак этим и воспользовался. Ган защитил свои глаза огненным камнем, и магический предмет вмиг сковал сознание служителя Асуры.

— Встань, раб! — приказал Ганглери, и на этот раз вендиец выполнил приказ. — Теперь твое тело, твой разум и твоя душа принадлежат мне. Ты исполняешь мои приказы, у тебя нет собственной воли. Повтори!

— Я исполняю твои приказы, у меня нет собственной воли, — отстраненно произнес служитель древнего культа.

— Хорошо, — удовлетворенно кивнул наемник, ликуя от столь удачного исполнения задумки. — Кто ты, раб?

— Банун, хранитель ключей, брахман низшей ступени, исполнитель воли великого бога Асуры.

— Коридор за этой дверью ведет в Рубиновую Палату?

— Да.

— Палату охраняют Святые Хранители?

— Да.

— Каковы их силы, раб? Я могу их победить?

— О, они очень сильны, повелитель! Но они не готовы к схватке, и потому не смогут защитить сокровище, если действовать быстро.

— Как выглядит тот волшебный предмет, который они стерегут?

— Этого мне не позволено знать.

— Веди меня!

Брахман починился и стал показывать дорогу. Все-таки гипноз — отличное средство для достижения цели. Временами — просто незаменимое. Можно долго рубиться с врагом и не продвинуться вглубь ни на дюйм, но можно пленить разум одного из них, и тогда он сам покажет тебе дорогу. Когда вендиец очнется, ему будет из-за чего рвать на себе волосы. Только Ганглери сомневался, что его пленнику суждено дожить до утра.

Темные коридоры дышали тайной, все окружение, казалось, застыло, с неудовольствием взирая на два крадущихся силуэта — чужака с севера и его раба. На пути им встретилась всего одна преграда — решетка из железных прутьев, опечатанная тяжелым замком. Однако столь незначительное препятствие не задержало надолго мастера кражи и его безвольного пленника — у Бануна имелся ключ, отпирающий замок. Двое взломщиков преодолели три четверо коридора, после чего брахман остановился. Даже чары гипноза не могли до конца уничтожить идола суеверий, господствовавшего в разуме жреца храма.

Вендиец упал на колени и закрыл глаза. Рука, простертая в сторону далекой двери, ведущей к алтарю, тряслась как в лихорадке. Даже в темноте Ганглери мог видеть крупные

капли пота, струящиеся по затылку человека, даже на расстоянии он мог ощутить жар, вспыхнувший в теле хранителя культа и сжигавший его изнутри.

— Умоляю, повелитель! Отпусти меня. Если я пойду дальше, на меня падет проклятье бога, и Асура непременно покарает предателя. Я умру, умрет мой клан, погибнет вся наша страна. Как только священный предмет, веками хранившийся в глубинах храма, вновь впитает солнечный свет, великое зло охватит весь мир. Я не могу знать всего, что будет, но чувствую сердцем, что успех твоей миссии поставит под угрозу истребления многих праведных смертных…

Вендиец едва не сорвался на рыдания.

— Хорошо, — Ган никогда не предавался эмоциям. — Можешь дальше не идти. Только в таком случае мне придется убить тебя, чтобы ты ничего не смог рассказать своим единоверцам. Я предлагаю тебе справедливый выбор — скорую смерть от кинжала, вонзившегося в твое чувствительное сердце, или оставшиеся шаги до Рубиновой Палаты, где поклонники Асуры хранят свою драгоценность.

— Я пойду, — внезапно сказал Банун окрепшим голосом. — Но не из-за страха потерять свою жизнь. Ты — хозяин. Ты приказываешь — я повинуюсь, ибо в твоих руках горит зловещим огнем красный камень, подчинивший мою душу. Я иду и, быть может, еще станется так, что твоя миссия не приведет тебя к успеху, и не свершится то несчастье, о котором меня предостерегает мой бог.

— Неужели ты попытаешься меня остановить, раб? — без усмешки спросил Ганглери.

В то, что жрец сумеет одолеть его, охотник за сокровищами не верил, однако, его начали терзать сомнения насчет того, что алый кристалл мог утратить власть над душой пленника.

— Тебя остановит рок, — уверенно сказал вендиец. — Даже если ты уйдешь из храма живым и унесешь с собой священную вещь, злая судьба накажет тебя за все прегрешения.

— Уж не Асура ли возьмется исполнить справедливую кару? — вновь в словах Паррака не мелькнуло ни капли иронии.

— Я не знаю, что за предмет охраняют Святые Хранители, повелитель, но догадываюсь, что прячут они этот артефакт отнюдь не из-за небывалой ценности этого сокровища. О, да! Он воистину бесценен — но совсем в другом мире, ибо он есть чистое зло! Вернуть его на поверхность — значит объявить войну всему живому. Задумайся, о, хозяин, сковавший мои силы проклятым камнем! Я предостерегаю тебя и прошу отказаться от задуманного, потому что уже прошу не за свою жизнь, но за жизни всех смертных. Падет не только Вендия, горе прокрадется в любые земли, куда бы ты ни взял с собой этот артефакт. Внемли моим словам. Молю, откажись от своей миссии!

— Нет, — твердо сказал солдат удачи. — Обратного пути нет. Я служу интересам великого человека, который ждет, когда ваше тайное сокровище окажется в его руках, а ему, поверь, наплевать и на вендийских богов и на то, какая сила дремлет в этой проклятой вещице. Я не стану сворачивать с пути только из-за того, что на долю мгновения прислушался к бреду религиозного фанатика. А теперь шевелись! Мы и так уже потеряли много времени с твоей болтовней.

— Глупец! — со злобой выдохнул служитель Асуры. — Ты не представляешь, во что может вылиться твой богопротивный план!

Банун качнулся в сторону, словно получил удар. Было даже видно, как мотнулась его голова. Кристалл драконьей крови по-прежнему держал пленника в жестких оковах.

— Я бессилен остановить тебя… — проронил он тяжкий вздох. — О, повелитель ясного

пламени, хранитель Вендии, обрати свой взор на храм и своих почитателей! Не дай свершиться несчастью…

Но великий Асура остался слеп и глух к мольбе своего почитателя. Храм все также наполняла ночная тишина. Его каменные стены с холодным интересом впитывали каждый шорох.

— Вперед! — железным тоном приказал Ганглери.

Вендиец, с низко опущенной головой и безвольно повисшими вдоль боков руками, сделал шаг в сторону двери, ведущей в Рубиновую Палату.

III

Шагнув вслед за своим пленником, Ган осознал причину страхов вендийца. Здесь начиналась запретная область, священные чертоги, о сокровенном покое которых так заботились неведомые силы. За дверью, которой они еще не достигли, среди сгустков ночной мглы, где-то в самом сердце Рубиновой Палаты он уловил дыхание жизни своих врагов. Не размеренное колебание волн, подобных спокойному и ровному сердцебиению, но нарастающий шторм тревожных мыслей, которые искали нарушителя невидимых границ.

Брахманы еще не знали твердо о чьем-либо присутствии в храме, однако, ощущали его сознание, сознание вторгшегося в священные пределы, и уже плавно нащупывали ритмы активности чужака, отличные от всего прочего окружения древнего, храма.

В первые мгновения, растянувшиеся на целое десятилетие, Паррак испытал неуверенность и сомнение. Нет, это был не страх. Проявление чувств, совсем не похожее на то, что люди называют страхом — точно кто-то мудрый и высокий мягко спрашивал его: не повернуть ли тебе назад, воин? Да, ты могуч и силен, ты воистину велик, и ты доказал это. Но дальше лежит область, неподвластная твоим силам — здесь гордость, честь, отвага и смелость будут отринуты, сметены слепой силой, которой неприсущие вообще никакие человеческие характеристики. Назад, поверни, назад. Послушайся мудрого совета, и ты сбережешь свою жизнь и душу. Назад…

Поддавшись внезапному порыву, Ган замер. Замер на мгновение, чтобы в следующий миг уже снова продолжить путь. Никакие каверзы хитрых жрецов не остановят его. Почитатели Асуры умелые и коварные. Однако простым внушением мастера воровства нельзя остановить.

Даже если бы многоликий Кфурус снизошел бы сейчас в храм со своим воинством, Ган не отступил. Ведь медитация брахманов — обычная практика, так что даже пришествие воинственного слуги великих богов могло оказаться простой иллюзией, не более чем картинкой, показанной жрецами незваному гостю.

Словно видя бесполезность своих притязаний, неведомая сила отступила. Рассеялась, растаяла…

Ее место заняло другая сила, бездушная и слепая. Будто жрецы, стерегшие таинственную ценность по ту сторону двери, в одно мгновение превратились в единое сплоченное оружие, способное покарать любого неприятеля по воле самого храма. Само строение, точно гигантский каменный еж, выставило защитные колючки — только не наружу, а внутрь, стремясь проткнуть ими своего врага.

Тандар-убийца чувствовал, как потоки невидимой энергии вьются от пола к потолку, закручиваясь тугими кольцами. Знаток магии, он мог определить, что Святые Хранители готовились нанести упреждающий удар, чтобы растереть в порошок своего единственного — но пока еще невидимого — противника.

А он уже близко к священным покоям. Так близко, что может вызвать помрачение ума не только последователей тайного культа, но и самого великого Асуры.

В следующие мгновения, вновь свернувшиеся в цепь скорых событий, Ган понял, что его спасение в скорости. Время — его козырь, его надежда и защита. Добраться до Рубиновой Палаты, пока жрецы не отыскали его своим мысленным взором! Нанести удар, расправиться с врагами, забрать священный артефакт и скрыться. Только так можно выбраться из

западни, — иначе паутина вскоре стянется, и он окажется во власти магии этого древнего места. А это, само собой, означает полный провал.

Ганглери рванулся вперед — впрочем, он был не настолько опрометчив, чтобы оставить пленника позади себя. Резкий толчок в спину заставил Бануна повысить скорость как минимум вдесятеро. Вдвоем они преодолели за один рывок почти двадцать футов.

Словно в протест их скорому приближению к темной сокровищнице, плиты пола скорбно зашелестели, по их каменным телам пробежала мелкая дрожь. Сумасшествие лязгающей лихорадки не спало ни через миг, ни через десять мгновений. Наоборот, храм совершил еще несколько судорожных спазмов, прокатившихся по его коридорам пищевода, от которых у Безликого Демона клацнули зубы.

Вперед! Туда, где воля невидимых жрецов раскручивает вихри неподвластной пониманию силы. Туда, где отчаянно сопротивляются наступлению неизбежного хранители тайного культа.

Плиты под ногами вздрогнули — на этот раз необычайно сильно, так что их древние холодные тела расчертили тонкие змейки трещин. Новый толчок из-под земли раскрошил серые квадраты и разметал по воздуху острые осколки.

Ганглери толкнул своего пленника к двери.

— Отпирай! — приказал он.

Вендиец дрогнул, но приказ выполнил — трясущаяся рука нашарила заветный ключ, тяжко скрипнул замок, створки двери разъехались в стороны, и перед грабителями открылся вход в Рубиновую Палату.

— Ты идешь первым!

Банун сделал шаг.

… И умер.

Из спины жреца торчал каменный наконечник копья, пробивший служителя храма насквозь. Две многорукие статуи, охранявшие вход, ожили и атаковали дерзких разбойников. Почитатель великого бога стал первой жертвой каменных защитников святилища.

— Проклятье Асуры…! — перед тем, как умереть хрипло прошептал Банун, давясь собственной кровью. Его пугала не столько смерть, сколько знание того, что его могущественный покровитель, которого он предал, хоть и не по своей воли, все-таки подверг его справедливой каре. В глазах брахмана, в которых уже начал затухать огонек жизни, застыла тень ужаса. Еще мгновение — и он свалился на пол, парализованный и оцепеневший, и последняя искра жизни оставила его тело.

Паррак не стал терять время. Задумайся он хоть на миг, и он бы разделил горькую участь почитателя Асуры. Когда твоя жизнь висит на волоске, который кажется тоньше той лунной нити, коими Атали расшивает свое звездное покрывало, предаваться размышлениям не лучший выход. Ты сможешь подумать над этим потом, когда заветный предмет будет в твоих руках, когда от проклятого храма тебя будет отделять целая пропасть лиг, но не в те краткие моменты, когда все окружение так и дышит ненавистью, где каждый дюйм пространства пропитан мерзким смрадом желания погубить тебя. Когда в твое тело направлены вражеские копья и мечи, готовые вот-вот вонзиться и разорвать твое сердце, время действовать, отдав разум во власть выработанных рефлексов.

Копье прошло мимо правого бока Ганглери. Каменный меч рассек воздух где-то в полфута над его головой. Бездушный охранник размахнулся верхней рукой и ударил Гана дубиной, которая поразила не самого убийцу, но стену за его спиной.

Храм внезапно затих, выбросив в пространство звон тишины. Другая статуя, убившая Бануна, сделала шаг в сторону Тандара-убийцы, наступив на распростертое тело брахмана. Краем уха Ган услышал, как хрустнули кости под тяжелой ступней. Кинжал здесь не поможет. Поразить врагов таким тонким лезвием — все равно, что пытаться проткнуть иглой прочные доспехи.

Один из кхитайских мудрецов, у которого Ганглери случилось побывать учеником, говорил: «Если не можешь одолеть врага, заставь его работать на себя».

Статуи две — одинаково неуязвимые и безмозглые. Они созданы для того, чтобы крушить, ломать, убивать, но не для того, чтобы сражаться!

Уклоняясь от страшных ударов, способных размозжить его череп или обратить в порошок позвоночник, сильно рискуя — но все же не так, чтобы открыто подставляться под атаку — охотник за сокровищами занял позицию как раз между двумя своими противниками. Каменное оружие одного из защитников зала гулко ухнуло, столкнувшись с мечами и копьями своего двойника. Мелкая пыль брызнула во все стороны. Ганглери избежал попадания чудовищных орудий убийства. Едва он успел перевести дух, как статуи атаковали вновь — быстро и до смешного бездарно. Меч одного из стражей, слившийся с рукой владельца, пробил каменную плоть своего напарника и там застрял. В одно мгновение дубина второго с надсадным скрежетом обезглавила первого. Два многоруких воина повалились наземь — уже не парой опасных противников, но грудой бесполезных обломков. Ган не стал торжествовать. Внимание вора тут же поглотил открытый вход в Рубиновую Палату. Предмет его надежд и безотчетных страхов вендийских жрецов был как никогда близко. Стоило сделать еще несколько шагов — и он, наконец, заполучит вожделенный артефакт. Секрет Асуры был занавешен тьмой — даже на алтарь, на котором хранился волшебный предмет, не падал свет. Словно тень таинства, облекшаяся в плоть ночного мрака, навеки объяла святыню храма. Было похоже, что печать забвения, которую так старательно берегли почитатели великого бога, уже никогда не будет сломана вторжением чужака. Ган готовился опровергнуть это заблуждение.

Безликий демон ворвался в зал и замер — всего на миг, чтобы оценить степень риска и всевозможные преграды, которые могут возникнуть на последних шагах его миссии. Здесь он встретился лицом к лицу с той силой, что стерегла святыню. У ступеней небольшой лестницы, той, что вела к темному алтарю, сидел глубокий старик. Отсутствие дыхания, противоречивое в сложившейся ситуации спокойствие мыслей, полная недвижность — казалось, Рубиновую Палату стережет мертвец. Тем не менее, глава Святых Хранителей, вопреки мимолетному впечатлению, был полон силы.

Слева от пожилого поклонника Асуры стоял более молодой почитатель. У этого вендийца наблюдался горячий нрав, свойственный его годам — человек готовился к бою, к жаркой схватке, которая поможет предотвратить, казалось бы, неизбежное, и, если понадобится, брахман был готов расстаться с жизнью без малейших колебаний. Его взор из-под грозно сошедшихся бровей прожигал Ганглери насквозь. Одно мановение руки его наставника, один слабый жест — и он растерзает дерзкого грабителя голыми руками.

— Ты — тот, кто несет зло, — провозгласил старец, едва потрудившись разомкнуть веки. — Пророчество подсказывало мне, что ты придешь — придешь внезапно одной бесцветной ночью и унесешь с собой то, что покоилось здесь веками, чтобы, некто выпустил в мир море хаоса былых дней.

— Мудрые слова, жрец, — бросил Ган наставнику Святых Хранителей. — Мудрые, но

бесполезные. Равно, как и твоя жизнь и жизни тех, кто встанет у меня на пути. Я убью всех, кто попытается помешать забрать мне драгоценность, ради которой я явился в этот древний храм.

— Ты не знаешь ценности этого предмета и своим неведением ты наделяешь свои поступки разрушительной силой.

— Может, я и не знаю. Но мой мастер желает заполучить эту вещь, а, следовательно, я исполню его повеление — во что бы то ни стало!

— О, нечестивый вор! — голос брахмана едва не упал до стенаний. — Разве ты не ведаешь, что в услужении корыстным интересам этого человека, ты рискуешь навлечь беду на мир и погубить нас всех?!

Ган не ответил. Ему уже стала надоедать эта игра — никакого азарта, одни пустые препирательства. Стоит ли убеждать врагов в том, что ему действительно нужен этот предмет? Стоило ли говорить, что ему вообще наплевать на Асуру и все темные пророчества? Разумеется, лучше решить этот спор в свою пользу — только с помощью силы и острого кинжала.

— Ты уже выбрал свою судьбу, — внезапно произнес жрец, который, похоже, все это время копался в мыслях Тандара-убийцы. — Но не *ты* сделал выбор, выбор сделан за *тебя*.

Ночной Охотник рванулся к алтарю, готовясь вспороть плоть защитников святыни. Но что-то необъяснимо властное удержало его на миг, отдав преимущество Святым Хранителям.

— Гонг, Валанх, — тихо приказал глава брахманов своему ученику. — Пробуждай к жизни Голос Тииранта, сын мой.

— О, да, отец… то есть, учитель.

Избранник Асуры бросился в тень зала, где на постаменте пепельного цвета возвышалось нечто плоское, круглой формы.

С трудом оторвав от пола непослушные ноги, Ганглери занялся не старшим из хранителей, а начал преследование юного жреца, ибо интуиция верно подсказала ему, что обитатель храма ни в коем случае не должен коснуться медной поверхности гонга. Преодолев неожиданное смятение, которое едва не захватило его врасплох, наемник вновь был готов действовать с убийственной быстротой. В долю мгновения он оценивал последние слова почитателя вендийского бога — неужели эти двое и вправду отец и сын? Тогда убрать их с дороги будет сложнее; кровное родство — могучий щит. Однако если они всерьез намерены помешать ему, осуществить план, тогда их обоих ждет печальный конец.

Паррак подлетел к служителю Асуры и выбил из его рук таран, призванный разбудить Голос Тииранта.

Потом он убедился, что, оказывается, не только он один может действовать со стремительностью молнии. Юный брахман, лишившись поднятого предмета, нанес удар, равный по силе и мастерству самому Кфурусу, предводителю дружин великого вендийского бога.

Ган подавился воздухом, застрявшим в легких, обнаружив себя в следующее мгновение среди скопления тени и пыли. Грудь раскалывалась от боли, словно миг назад на нее обрушился огромный железный молот. Однако то был не молот — в тело наемника врезалась нога вендийца. Еще на дюйм выше — и ступня брахмана сломала бы ему горло. Святой Хранитель обладал жуткой силой. Возможно, молодость была всего лишь лживой маской…?

Не издав ни звука, убив рвущийся наружу стон, Ганглери рывком вскочил на ноги.

Опоздал…!

Это была первая мысль охотника за сокровищами, когда сознание окончательно вернулось к нему, и грабителя уколола острая сталь упрека.

Сын главы жрецов-стражников ударил по гонгу сжатым кулаком, и могучее запястье сотрясло медную поверхность, так что по кругу прокатилась волна сильной дрожи.

Голос Тиирантa исторг низкое зловещее гудение, которое разнеслось по всем темным коридорам древнего храма…

Это, несомненно, сулило большую беду для того, кто проник под своды обители почитателей Асуры.

IV

Сон оказался разорванным на тысячи мелких лоскутьев. Покрывало тишины, сотканное хозяйкой ночью для того, чтобы хранить покой спящего, нещадно растерзал низкий гул. Голос Тииранта, страж Рубиновой Палаты, до сего момента остававшийся немым и спокойным, как мысли Катара, ожил, обрел силу и выдохнул в темное пространство мрачное пение, предвещающее беду.

Гулкое сердцебиение. Прерванная цепь тревожных сновидений растаяла во мраке.

Синкху поспешно соскочил со своего ложа. Весть о беде! Тот-Кого-Никогда-Не-Будят, наконец, дождался своего часа. Если этот жуткий дребезжащий гул огласил своды храма, это верно означало то, что у Асуры появился весомый повод для беспокойства. А кто, как не его дети должны устранить неприятность, которая опечалила всемогущего?

Высший жрец оказался в коридоре быстрее, чем его сердце успело отсчитать два новых удара. В его руках уже извивались змеи-веревки — брахман желал поймать дерзкого наглеца, подтолкнувшего его братьев на то, чтобы пробудить Голос Тииранта, этот жуткий гонг рока.

Наставник Парамурди в опасности. Конечно, Валанх, его сын, сумеет справиться с врагом, разумеется, если вор не окажется сильным колдуном. Или если у проклятого расхитителя ценностей не будет слишком много сообщников. Но если силы грабителей велики, то в Рубиновой Палате ждут его, Синкху Пленителя. Он разделается с любым нечестивцем. После учителя Парамурди и своего старшего брата Пааараджа Светлого он числится третьим в сане потомственных брахманов. Валанх стоит ступенью ниже — он четвертый на лестнице Святых Хранителей, а, значит, помощь старших в затруднительных ситуациях ему необходима.

Однако эта ситуация не просто затруднительная. Магический артефакт, предмет, который они хранят в безопасности от солнечного света уже не один десяток лет, хотят похитить! Синкху хотелось верить, что богопротивник пришел сюда ради наживы. Обычный расхититель гробниц, охотник за сокровищами, осквернитель храмов, для которого нет ничего святого.

И в это святилище Асуры его привела лишь затмившая разум жажда золота. Нередко глупые люди наивно полагают, что залы богов обязательно должны быть набиты сокровищами.

Надежда слабая… Этот негодяй*знает*, что они хранят, и пришел именно за этим. Его влечет не золото и не блеск драгоценных камней. Он возжелал забрать секрет темного алтаря. Иначе бы Голос Тииранта не испустил свой грозный воинственный клич, зовущий к оружию всех брахманов храма.

О, что за несчастная ночь!

Если Пааардж окажется в Рубиновой Палате — а он должен оказаться там во что бы то ни стало — секрет храма так и останется подернутым мраком.

Брат спустится в тайное святилище быстрее ветра из молитвенных залов. И тогда недоброжелатель Асуры, наверняка, будет пойман, — ведь едва ли найдутся во всей Вендии люди, способные остановить Святых Хранителей, заботящихся о сохранности тайного предмета, а, следовательно, и о безопасности всей страны…

Синкху не знал, что Ган Ганглери не был вендийцем.

Брахман оставил позади себя больше тысячи футов, и уже Рубиновая Палата не казалась

далекой. Однако непонятное желание повлекло хранителя культа не прямо по коридору, а наверх, в молитвенные залы. Что-то интуитивное подсказывало жрецу, что его брат Паарадж все еще находится где-то в местах восславления Асуры. Возможно, он еще не закончил медитацию и потому не услышал звучный призыв Голоса Тииранта?

По собственному опыту Синкху знал, что Святые Хранители имели способность отрешаться от всего мира в своем стремлении воссоединиться с покровителем. Наверное, дух Пааараджа как раз в это время покинул покои древней обители. А ведь брат нужен там, в Рубиновой Палате — вор или маг, разбойник или воин — его необходимо остановить любой ценой. Жрец принял решение подняться в зал и призвать назад ушедший дух своего брата.

Быстрые шаги, ноги едва касаются каменных ступеней.

Паарадж сидел напротив золотой статуи Асуры. Свет от свечей падал на поверхность статуи и, отражаясь, лился на брахмана, так что среди сияния и искрящегося золотом блеска брат сам походил на великого бога. Распростертые руки, покоящиеся на коленях не дрогнули, когда Синкху ворвался в зал. Не сбилось ровное дыхание, и не качнулась голова почитателя Асуры в сторону пришедшего.

Синкху был удивлен. Несмотря на кажущуюся отстраненность, Паарадж сохранял полный контроль над своим сознанием. Похоже, он даже не занимался медитацией. Тогда он должен был слышать Голос Тииранта!

— О, брат мой! — воскликнул младший из брахманов. — Тот-Кого-Никогда-Не-Будят возвестил о скорбном происшествии…

Рука жреца медленно поднялась в жесте, призывающем не нарушать тишину.

Глаза Синкху расширились.

— Поспешим же, Паарадж…

Прошло еще не меньше десяти бесконечно долгих мгновений, прежде чем второй Святой Хранитель оторвал взор от статуи Асуры и обратился в сторону брата. Глаза его полонило удивление и непонимание.

— Голос Тииранта воззвал к нашим умам, брат, — поспешил объяснить Синкху. — Кто-то проник в Рубиновую Палату и пытается выкрасть священный предмет.

— Я знаю, — спокойно ответил старший брахман. — Я знал это до того, как Валанх ударил в гонг.

— Но… Как?

— Асура сказал мне. Покровитель ведает обо всех делах, происходящих на земле и на небе.

— Когда же он велел тебе остановить дерзкого вора?

— Нет, такого покровитель мне не говорил, — ответил Паарадж, и в глазах его все больше обозначалось недоумение, озадачившее Синкху. Казалось, брат и сам пытался найти объяснение происходящему. — Асура колеблется.

Синкху покачал головой.

— Что бы это ни значило, мы должны быть в Рубиновой Палате. Помочь учителю Парамурди и Валанху. Если мы не вмешаемся немедленно, впоследствии будет, о чем жалеть.

Паарадж опустил взгляд. Святой Хранитель потратил ровно три мгновения, прежде чем принял окончательное решение.

— Идем, брат.

Паарадж надел на пальцы левой руки пять золотых перстней, а это, догадывался Синкху, могло значить только одно — второй брахман готовился к серьезной битве. Пять колец,

известных как Капли Света, были неоднократно использованы главными хранителями артефакта, чтобы покарать нарушителя священных границ храма.

V

Итак, молодой жрец Валанх оказался опасным противником. Опыт подсказывал Ганглери, что, затягивать поединок равнозначно тому, чтобы, подписать себе смертельный приговор, обрекая, себя на медленную казнь. В этом случае действовать нужно не просто быстро, но сказочно быстро — так чтобы даже боги ужаснулись твоему умению и ловкости.

Черный плащ Безликого демона взметнулся в воздух кожистыми крыльями кровожадного хищника. Один огромный прыжок, напоминающий полет дикой ночной бестии — и Тандар-убийца оставил позади себя двух Святых Хранителей.

Юноша-брахман, оттолкнувшись от алой стены зала двумя ногами, взлетел в воздух вслед за Парраком, предугадав, куда прыгнет Ган. Зашелестела своими складками просторная одежда шафранового цвета… Наемник перехватил Валанха в полете и, использовав инерцию движения тела своего противника, перебросил Святого Хранителя через себя. Юноша кувыркнулся над темным алтарем и вылетел за пределы площадки скудного света. Он не упал, как бы сделал это любой смертный — огромные силы духа и тела, дарованные ему покровителем, секретные упражнения, изо дня в день повышающие боевое мастерство, позволяли высшему брахману творить настоящие чудеса. Тем более, сейчас, в опасной ситуации, его рефлексы были обострены до предела.

Валанх, едва коснувшись пола ногами, оттолкнулся от твердой поверхности и вновь взмыл в воздух. Он поверг вора на землю и нанес удар в грудь, точно в солнечное сплетение.

Каково же было разочарование юного служителя Асуры, когда убийственный удар лег не в цель, а попался в капкан захвата Ганглери!

Крепко сжав предплечье брахмана одной рукой у запястья, а другой, впившись в сгиб на локте, охотник за сокровищами свалил своего более легкого противника, готовясь сломать руку хранителю культа.

Несмотря на свою молодость, Валанх оказался равен по силе любому закаленному воину. Видно, потомственные брахманы, призванные охранять страшный секрет, никогда не лелеяли свое тело в праздной неге. Используя свободную руку, он оперся о пол во время броска Гана, так что через мгновение вновь оказался на ногах — и тут же выдернул пойманную конечность из вражеской хватки.

Ночной Охотник понял, что дело скверно, Однако отступать он не привык — даже если бы в этом зале сейчас ему противостояло все полчище мрачного Азаха. Обмен быстрыми ударами не принес пользы ни тому, ни другому бойцу. А это значило, что обстоятельства начинают складываться не в пользу вора. Еще один поворот клепсидры — и в зал ворвутся десятки разъяренных хранителей. Но и это еще полбеды. Пара десятков мгновений — долгий срок. Зато Ганглери не забыл о старшем хранителе святыни — бесспорно, старец готовил неприятный сюрприз.

Пора использовать секретное оружие, это последний шанс. Сначала нужно как-то отделаться от Валанха, и это будет непросто.

Отец и сын…

Кинжал…

Мысли молниеносно мелькали в голове наемника, пока двое бойцов кружились в неистовом вихре схватки.

Ган выхватил лезвие и метнул его в учителя Парамурди. Старик был уже не в том

возрасте, чтобы реагировать на все уловки врага с такой же скоростью, как и его сын. Если бы Паррак бросил кинжал в Валанха, то почитатель Асуры непременно поймал его даже с такого расстояния. А так хитрость мастера воров удалась. Стальная змея, с хищным свистом вспарывая воздух, устремилась в шею старика. Вендиец успел уклониться на полдюйма, и ядовитый стилет зарылся под ключицу жреца.

— Отец!

Валанх застыл в ужасе.

— Сама по себе рана не опасная, — сказал Ганглери. — Но мой кинжал отравлен, и если ему не помочь, он умрет через сто ударов сердца. Так что тебе придется выбирать, друг мой, между спасением отца и защитой старого артефакта.

Брахман бросился в сторону своего родителя, но тут же замер, остановленный его властным голосом.

— Не слушай его, Валанх! Если мне суждено умереть, то я с честью приму свою судьбу. Но если мы позволим нечестивцу унести тайну за пределы храма, может произойти нечто многим страшнее моей смерти!

Юноша не мог принять решение — наверное, первый раз в жизни он был вынужден ослушаться приказа. Ведь речь шла о жизни его отца. С другой стороны грабитель был близок к осуществлению своей цели, и его следовало остановить. Ганглери терпеливо выждал пару мгновений.

— Твой выбор? — потребовал он.

— Я читаю его мысли, — сказал Парамурди своему сыну, — не верь лжецу. Он что-то задумал, и если ты сейчас же ничего не предпримешь, он… Ох!

— Яд начинает действовать, — подсказал наемник.

Тандар-убийца демонстративно повернулся спиной к молодому брахману и зашагал к алтарю, на котором покоилась древняя реликвия. Это подтолкнуло Валанха на действие, заставив, наконец, сделать выбор. Он устремился к человеку — но не к врагу, вошедшему в храм и отыскавшему дорогу в святилище, а к тому, кто был дорог ему больше спокойствия Асуры.

— Глупец! — слабо простонал Парамурди.

Ган небрежно скинул защитную оболочку, предохранявшую таинственный предмет от попадания света. Наемный убийца не смог сдержать возгласа изумления, ибо то, что покоилось на алтаре, не поддавалось описанию. Вот он секрет почитателей вендийского бога…

Вор затаил дыхание и осторожно потянулся к святыне жрецов.

От прозрачного зеленоватого ларца, вылитого из цельного стекла, исходило слабое мерцание, чуждое по своей природе всякому живому источнику света. Но не само вместилище так удивило похитителя сокровищ, гораздо большее изумление и даже какой-то неопределенный страх у Ганглери вызывал сам таинственный предмет, заключенный в куб болотного цвета.

Зубы…

Черная челюсть нечеловеческого размера, выкрашенная в несколько слоев матовой краской, напоминающей золу от костра.

Кисть вора с легким дрожанием накрыла святыню храма…

Взгляд Гана упал на Валанха, который уже вытащил кинжал из раны в груди отца и теперь занимался тем, что выводил яд. Безотчетная злость затмила разум наемника, хотя

Ганглери и сам не мог объяснить причину ее появления.

Какое право имели эти жрецы укрывать эту ценность от всего мира?

Во имя ночи, они не смогут помешать ему, унести *это* из темных залов ветхого каменного здания!

Тандар-убийца бережно открыл свою шкатулку из слоновой кости, которую всегда хранил на крайний случай. В зеленоватом блеске мелькнула искра, отразившаяся от крошечных железных телец.

— *Урказзз! Анар лодр! Унар тарак кшьют!*

Шепот, изрекший древнее заклинание, вернул к жизни стального гнуса. Механические насекомые воспарили над ларцом, и воздух заполнило дребезжащее гудение множества железных крылышек. Рою не нужно было указывать, кого убивать. Кровожадные бестии выпивали кровь всех, кто находился поблизости — всех, кроме своего хозяина. Тот, кто их сотворил, не был человеком и от него, жестокого мастера, детище унаследовало страсть к смерти. Разбуженные по зову нынешнего хозяина, маленькие стальные убийцы были обречены рвать плоть и пить кровь своих жертв до последней капли, подогреваемые огнем неутолимой жажды.

VI

Эта ночь должна была стать для Ганглери последней. Странно, что ему вообще посчастливилось уцелеть. Возможно, король воров родился под счастливой звездой, а, возможно, его побегу из храма способствовали высшие силы.

Потом он еще не раз будет вспоминать, как в Рубиновую Палату ворвался Синкху Пленитель, когда железные насекомые почти съели Валанха, как ловкие и чудовищно быстрые руки Святого Хранителя переловили почти всех стальных кровососов, и как эти же руки схватили его за полы плаща — и тогда Ган подумал, что настал его конец.

Ему чудом удалось выскользнуть из хватки, оставив от своего плаща длинные лоскутья. Однако это было лишь началом кошмара. После того, как в коридоре появился второй хранитель, Паарадж, — Безликий Демон второй раз за ночь оказался как никогда близок к смерти. Огонь и волны обжигающего света, срывающиеся с левой руки брахмана, унизанной золотыми перстнями, неслись за ним вдогонку до самого выхода. Убийственное сияние грозилось спалить его дотла. Он достиг заветной черты. Но даже и там, когда открылось ночное небо, и вора, всего обожженного, с дымящимся ожогом на правой щеке, встретили хитро подмигивающие звезды, Паррак едва не отправился в подземное царство, потому что Гану показалось — даже не показалось, а он точно видел, как с темного неба в храм нисходит сам богоподобный Кфурус со своей свитой, чтобы покарать дерзкого разбойника.

Уже когда отчаяние затопило наемника с головой, когда страх с неимоверной силой сдавил его горло своими липкими руками, Ганглери понял, что спасся. Темный предмет, унесенный из Рубиновой Палаты, хранил его. Синкху и Паарадж не успели спасти жизнь Валанха — укусы мелких кровососов выпили всю жизнь из вен юноши. Учитель Парамурди тоже был близок к тому, чтобы последовать за своим сыном — яд кинжала сделал свое дело, а нападение стальных убийц Ганглери окончательно вытолкнуло старика за черту мира живых. Лишь огромная сила воли связывала старого вендийца с храмом, он готовился передать секрет своим последователям, и только после этого — спокойно умереть. Братья-хранители склонились над телом умирающего, чтобы услышать его последнюю волю.

— Вы должны знать правду, — сказал наставник брахманов. — Выслушайте меня и поверьте всему сказанному, ибо умирающий не может лгать. Секрет, который я хранил все это время… Вам, преданным почитателям Асуры, будет трудно поверить тому, что вы услышите, но, тем не менее, в моих словах не прозвучит ни слова лжи и не прольется ни капли черной клеветы… Паарадж, теперь ты займешь мое место старшего хранителя, и должен узнать страшный секрет. Пусть твой брат Синкху разделит его, потому как вам двоим предстоит вернуть то, что вор унес из храма…

Речь наставника оборвал приступ агонизирующего кашля. Азах настойчиво звал старца в свое подземное царство. Парамурди собрал остатки воли и продолжил. Голос его сделался твердым, как камень, и зловещим, словно темное грозовое небо.

— Асура не всегда был благим защитником Вендии. Сотни лет назад, до того, как состоялась Великая Битва, перевернувшая мир, он был одним из самых жестоких демонов, и имя его было…

Парамурди перевел дыхание.

— … Вишварупа, что значит «обладающий всеми формами». До того, как питары разрушили подземный дворец асуров, которые правили родом людским с помощью

угнетения и страха, он слыл самым коварным демоном и мог принимать самые ужасные из ужасных обличий. Но твердыня асуров пала, а с нею подошло к концу правление демонов в мире. Выжил только один — тот, кого в настоящее мы почитаем, как покровителя нашей страны. Вишварупа, видя страшную гибель своих собратьев, преобразил свой ужасный облик — исчезли длинные когти, без сожаления отбросил он свои клыки, не раз вонзавшиеся в человеческую плоть, жадный блеск горящих красных глаз навсегда угас. Возможно, питары приняли его за одного из своих, и Вишварупа не разделил участь своих собратьев-демонов. Так или иначе, он пережил Великую Битву, которую наши предки запомнили, как Великую Катастрофу.

Вскоре питары ушли, навсегда оставив этот мир. Последний из асуров остался. Настоящее имя его стерлось, и люди стали называть его просто Асура. Но он преобразил не только свой облик. Что-то безвозвратно изменилось в дхармах души бывшего демона — Асура раскаялся в своих лихих деяниях и оставил дорогу зла. Он стал похожим на бога, стал таким, каким мы его представляем сейчас — добрым, справедливым и благосклонным к людям. Неоднократно бывший демон помогал смертным, и это настолько понравилось ему, что он решил посвятить вечность на благие дела, искупая вину за свои старые прегрешения.

… Высший брахман замолчал на несколько мгновений.

— О том, какое зло мы храним, не должен был знать никто в этом мире. Тайный предмет нельзя было уничтожить руками смертного, ибо изначально он имел природу божественную… Не все люди в те древние времена были одинаково слабы перед ликом высших сил. Находились и те, кто не боялся ни ракшасов, ни асуров, ни пишачей. Даже питары восхищались их могуществом и силой. Был среди них такой, которого люди запомнили, как величайшего колдуна. Звался он Прахма. Отгремели последние звуки Великой Битвы, опустилась пыль над руинами твердыни демонов, затихла дрожь измученной земли, умолкли барабаны и бубны, под звуки которых армии высших шли в бой, погасло пламя в жарких горнах, в которых отливалось оружие богов. Казалось, всему тому, что могло увековечить память о былых временах, было суждено бесследно исчезнуть. Зло было изгнано из мира, и ничто оказалось не в силах возродить его.

Прахма… Какие только таинства не постиг этот чародей! Говорили, что даже звезды освещали ему дорогу, словно простые светильники, когда он шел в ночной темноте. Именно он нашел то, что сейчас может послужить нечистому превращению, А случиться может страшное — Асура найдет ключ к своей былой злой сущности, и тогда благой покровитель Вендии, забывший о древних временах, вновь обернется Вишварупой, ужасным чудовищем, вселяющим страх в людские сердца. Наши предки и наши дети — все мы еще долго будем расплачиваться за тот миг, когда Прахма поднял с земли клыки, брошенные Асурой. Древний чародей пытался использовать силы побежденных питарами демонов — он преобразил находку в могущественный артефакт, который стал грозным оружием в руках мага. Ходят легенды, что с помощью Клыков Асуры, Прахма долгое время сдерживал натиск гирканских захватчиков с горсткой своих последователей, пока, наконец, Лазурный Дворец его не сожгли дотла, а тело убитого мага не бросили на съедение воронам.

Артефакт перешел к Паше Кашуну, родовитому гирканскому вождю, но степняк, несведущий в магии, не знал, как управлять силой волшебного предмета. Клыки Асуры были преданы забвению, и долгие годы без пользы пролежали в сокровищнице знатного гирканца. Со временем слава этой святыни, сыгравшей в войне значительную роль, истаяла, и артефакт Прахмы превратился в дорогую безделушку, которую кшатрии передавали во владение то

одного, то другого соседа.

Спустя семь веков далекий потомок великого колдуна отыскал то, что некогда потерял Асура, и что пытался использовать его древний предок. Но в отличие от своего гордого прапрадеда Хар Аджан был мирным и порядочным человеком, его не прельстила мысль обратить силу артефакта на свои нужды, несмотря на то, что он имел знание о назначении этого предмета. Наоборот, благородный вендиец предпринял все усилия, чтобы могущественный артефакт больше никогда не увидел света и запер Клыки Асуры в подземельях воздвигнутого им храма…

— Значит, этой ночью свершилось то, чего так опасался Хар Аджан, — сказал Паарадж. — Однако, учитель, поверь, надежда еще есть. Вдвоем с братом мы разыщем вора и вернем артефакт, чего бы это нам ни стоило.

— Поторопитесь, — сказал наставник Парамурди. — Я чувствую приход большого зла в наш мир. Тот человек, что украл Клыки Асуры, работает на своего хозяина, который тревожит это зло. Он притягивает сокровенные мысли всех тех, кто мечтает возродить царствие демонов в мире, и потому, догадываюсь, артефакт, украденный из нашего храма, не единственный в его коллекции. В Хайбории найдется много богов, которые возжелают встать под знамена нового владыки и отомстить за поражение в былых битвах — и я боюсь, Асура будет одним из них.

— Этого не случится, учитель, — сказал Синху. — Я клянусь светлыми очами Катара, мы отдадим жизни, но не позволим свершиться беде.

— Хорошо, — в уголках губ старика застыла слабая улыбка — так улыбается человек успокоенный, получивший надежду. — Я верю в вас, сыновья мои. После Валанха вы были самыми дорогими мне людьми, о спокойствии которых я заботился не один десяток лет. Теперь ваш черед…

После этих слов душа Парамурди оставила темные покои храма.

Часть вторая. Альтинг Родвара

I

Старый форт Данакар был не тем местом, где могла отогреться утомленная холодами душа странника. И все же здесь имелось все необходимое для того, чтобы любой путешественник мог почувствовать себя желанным гостем. Не бесплатно, разумеется.

Архитектура сооружений разительно отличалось от всего того, что привыкли видеть постоянные обитатели этих мест. Киммерийцы, хозяева неприветливого стылого края, так и не сумели до конца сдружиться с Данакаром — деревянные стены и неудачное расположение форта в низине вызывали у варваров дурные отзывы. Впрочем, людям их культуры было свойственно относиться с недоверием ко всему, что не укладывалось в рамки их понимания.

Однако негласный протест против вычурной внешности Данакара не мешал им часто наведываться в деревянную крепость. Хозяева форта, семья немедийских феодалов, вот уже как четверть века назад покинувших родину, привечала как одиноких путешественников, так и целые племена киммерийцев.

Заблудившимся в дороге указывали путь, усталым странникам предоставляли кров, тем, у кого истощились съестные запасы, продавали еду в обмен на волчьи и медвежьи шкуры. Для кочующего племени в тяжкую пору лютых морозов этот форт нередко оказывался настоящим спасением — киммерийцы имели возможность восстановить истраченные в дороге силы и пополнить запас продовольствия. Для одиноких постояльцев здесь тоже имелись все удобства: конюшни, мастерская портных, лавка охотничьих снастей и, конечно же, то, что наполняет желудки вином и едой в обмен на блеск монет, доставаемых из тугих кошельков, — таверна.

Наступление года Волка совпало с прибытием в Данакар многочисленных гостей. Большинство из прибывших оказалось киммерийцами, однако, здесь также появилось много уроженцев Нордхейма и даже жителей далеких восточных стран.

Немало всеобщего удивления и пестрых сплетен вызвало появление темной секты шемитов, которые остановились в отдельном доме за стенами форта. Люди, с ног до головы, облаченные в черную ткань, старались не показываться на глаза остальным постояльцам и выходили наружу только ночью, подобно стае голодных демонов, чем создавали для сплетен новую почву и вызывали к себе настороженность со стороны северян.

Хозяев форта их присутствие нисколько не смущало — будь то хоть зажаренные Тагалом мертвецы прямо из самых глубин подземного царства, главное, чтобы четко соблюдали все установленные правила и не задерживались с оплатой.

А оплата, надо сказать, выходила за все мыслимые рамки щедрости — шемиты платили по десять золотых монет в день за каждого своего человека!

Волей судьбы здесь оказались и вендийцы.

Жители страны с жарким климатом стойко переносили морозы, хотя было заметно, что их здешнее пребывание обходится им недешево в плане растрачиваемых сил и проявленной воли.

Много здесь нашлось и таких, кого в этих краях хорошо знали. Например, появление шайки Бора вызвало испуг и недовольство. Самые отъявленные мерзавцы, грабители и насильники были нежеланными гостями в Данакаре. И если бы не дело, которое привело их в этот край, бандитов встретили бы не дорогим вином и кушаньем, а острыми копьями и стрелами. Слишком крепка была память тех, кто пострадал от Бора и его людей, слишком

велика была их злоба и обида.

Лишь знание того, что в форте негодяи задержатся ненадолго, удерживало постояльцев от ссор. Впрочем, ссоры были неизбежны — для таких подлецов, как Бор и его дружки, не было во всем мире ничего такого, что заставило бы их прожить в спокойствии и согласии со своими соседями хотя бы один день.

В середине той памятной зимы в Данакаре собралось много люду. Большая часть временных постояльцев держала путь на Полуночный Закат, в сторону Иглофийских гор. В Аломар, в Зал Факелов, куда воинов изо всех земель вела одна весть: достославный вождь Родвар собирает альтинг.

II

Молва о том, что вождь киммерийского племени желает видеть у себя в гостях лучших из лучших воинов Полуночи, готовых служить интересам господина за вознаграждение, прокатилась, словно снежная лавина, успев вырваться далеко за пределы самой Киммерии. Из всех уголков Хайбории на альтинг к Родвару спешили самые отчаянные наемные воины в надежде встать под знамена влиятельного северного владыки.

Принимая во внимание очевидный факт того, что племя канахов, которое возглавлял на тот момент Родвар, снискало наибольшую славу и почет не только на поле брани, но и в области политического значения и являлось наиболее могущественным, состоять на службе у его вождя, значило разделить власть, а в придачу отхватить немалую часть добычи, вырученной в походе.

В том, что на альтинге Родвар объявит о начале похода в чужие земли, не усомнился никто из спешащих к владыке воинов.

При этом молва была скреплена достоверным слухом о том, что вождь канахов претворяет в жизнь план, согласованный с другими величественными сынами киммерийской земли — за исключением галлов и мурохов на задумку Родвара дали добро все старейшины киммерийских племен. А это уже, само собой, означало, что племя канахов готовится не к простому набегу на земли соседей. За планами Родвара могло стоять все, что угодно — от разграбления дворцов нордхеймских феодалов до самой настоящей войны. В любом случае, серьезность намерений киммерийского вождя и привлекательный блеск трофейных сокровищ манили всех сорвиголов с чудовищной силой. Многие поговаривали, будто верховному канаху не дает покоя пограничная область с Ванахеймом, другие уверяли, что Родвар и вовсе заключил союз с ярлами Асгарда о вторжении в земли ваниров, и скорым набегом на соседей дело здесь не ограничится. Правду не знал никто — за исключением самого владыки и его старшего сына Вьяллара, который согласно все тем же слухам, собирался возглавить поход по воле отца. Зато, как уже стало ясно, желающих выяснить то, что же на самом деле задумал знатный киммериец, нашлось очень много. Для многих альтинг Родвара представлялся, как приглашение в небесный чертог богов. В основном, это были те, в ком кипело желание драк и легкой наживы. Меньше находилось тех, кто ехал в Аломар ради славы. И совсем уж мало числилось таких, которые были бы готовы отдать жизнь ради идей и убеждений своего, нового господина.

Данакар находился в трех днях пути от владений вождя канахов, потому воины, прибывшие к назначенному месту раньше срока, избрали именно эту деревянную цитадель временной резиденцией, чтобы через некоторое время завершить последний отрезок своего путешествия и оказаться в Зале Факелов. Над фортом поднимался дым от десятков больших костров, многоголосый шум, несшийся от таверны, не утихал ни днем, ни ночью, туда и сюда постоянно сновали слуги и мастеровые, занятые работой. В эти дни Данакар стал похож на базарную площадь любого восточного города — крики, суета, группы людей, спешащих по своим делам.

Среди прочих выделялся один искатель приключений, который не позволил пленить себя безумием общей суматохи. Казалось, его вообще не интересовало, что происходит вокруг. Молчаливый и спокойный, словно холодное северное море, — однако, взгляни на него поближе, и ты без труда поймешь, что безмятежность водной глади на самом деле обманчива

— темные волны зловеще страшны во время шторма. Большой и крепкий, точно каменный утес, такого не каждый клинок проткнет — под кожей гиганта выделялись огромные мышцы.

Никто не сомневался, что этот житель холодного края держит путь в покои Родвара — такому громиле там самое место. Но вскоре все успели убедиться, что угрюмого человека мало интересует приглашение на альтинг и все, связанные с ним торжества. Если у кого-то это и вызвало удивление или недопонимание, то никто не сказал об этом грозному киммерийцу открыто. Не хочет он славы и богатств — его дело, а разговаривать с обладателем властного голоса, да еще и под пристальным взглядом сверкающих голубых глаз, которые, казалось, пронзают тебя насквозь, не находилось желания ни у кого.

Человека звали Конан. Коренной уроженец Киммерии, он уже успел много повидать на своем веку. Варвару приходилось быть охотником следопытом, главой клана, капитаном солдат короля Турана, наемником, вождем вольных кочевников с востока и даже вором. На родине киммерийцы помнили его, как превосходного воина, который впервые доказал свою силу и прославил себя не одним славным деянием во время осады гандерского форта Венариум. Впоследствии за ним числилось еще немало подвигов. Что сейчас привело Конана в эту область родного края, оставалось неизвестным. Возможно, он направлялся в Нордхейм по своим делам, а, возможно, и в самом деле, искал подходящую работенку — впрочем, идея вступить в дружину Родвара казалась ему малопривлекательной.

До поры до времени его сторонились даже люди Бора. Однако конфликт рано или поздно должен был назреть — мерзавцы слишком привыкли к вседозволенности, и было ясно, что интересы людей, привыкших считаться со своей силой, неизбежно пересекутся.

III

Как-то вечером Конан сидел за столом в таверне Данакара, не обращая внимания на окружавшую его суету. Ужин киммерийца был не из роскошных — ломоть сыра, булка ржаного хлеба, баранья нога и кувшин вина.

Северянин сохранял ледяное спокойствие в атмосфере полного беспорядка. Чужие шутки и смешки он пропускал мимо ушей, если, конечно, те не были направлены непосредственно в его сторону. Пьяных гуляк, так и мечтивших свалиться куда-нибудь под чужой стол, не достигнув места попойки, он отталкивал своими могучими руками, и обозленные люди ползли прочь, не решившись ответить обидчику ни словом, ни делом.

Внезапно в плечо киммерийцу впилась худая костлявая рука. Варвар поднял на наглеца гневный взор, но ярость его быстро схлынула, потому, как он признал человека. Он не был его другом и не являлся знатным вождем. Пожилой северянин слыл безумцем, а таких обижать не велит даже Кром.

Несколько раз Конану выпадал случай встретиться с этим человеком, и всякий раз старик нес одни неприятности. Казалось, беда — его верный спутник, который неотступно следует за ним по пятам, куда бы ни направился старец. То он предсказывал мор, то пророчил скорую смерть всего клана, то предупреждал о надвигающейся беде. Скорее всего, он желал только лучшего, считая своим долгом отсрочить несчастье, наступление которого он предчувствовал, но в народе он прослыл как горе — вестник, злой вещун и черный колдун, и лишь немногие понимали беднягу.

Варвар выдержал пристальный взгляд старика, после чего тот вздохнул и сел за стол напротив Конана. Киммериец продолжил ужин, не обращая внимания на нового соседа. Возможно, кто-нибудь другой прогнал бы полоумного прорицателя, однако варвар не был подвержен влиянию суеверий. Если в мире и существовал какой-то источник бед, то его придумали сами люди, которые боятся нести ответственность за собственные жизни. В том, что ты погибнешь, будет виноват не злой рок или происки какого-то черного мага, а ты, и только ты сам, не сумевший уберечь себя от вражеского меча. Каждый человек ответственен за свою судьбу, которую создает сам, а проклятье рока — выдумки слабаков и трусов, стремящихся списать несчастье на кого-то еще.

— Добрый вечер, мой друг. А я ведь знаю тебя, — провозгласил предсказатель после долгого молчания. — У тебя впереди великое будущее. Будущее настоящего героя!

— Прибереги свои рассказы для кого-нибудь другого, старик, — мрачно предложил Конан.

— О! Разве ты не хочешь послушать старого Тьяцци, могучий воин? Я вижу твою судьбу как на ладони, Конан-киммериец…

— Я тоже вижу свою судьбу, и, поверь, никто меня не заставит думать, что я в один прекрасный день стану подобен великому и справедливому Эрлику на высоком облачном троне.

— Почему же, друг мой? Такой день обязательно настанет. Хочешь, я расскажу, что ожидает тебя впереди?

— Нет.

— О, неужели ты боишься узнать свое будущее? Доверься мне, я не стану пугать тебя бесчисленными бедами и сулить большие неприятности.

Варвар исподлобья взглянул на старца.

— Я же сказал: нет.

— Почему?

— Послушай, старик… Я веду с тобой разговор только из-за уважения, которое уже начинает постепенно пропадать.

— А, так ты тоже думаешь, что я безумен, как стая берсерков! — кивнул Тьяцци. При этом его губы обнажили клыки в зверином оскале. — Все вы презираете меня. Никому не нужен убогий старик Тьяцци. Он злой, он нехороший, он пророчит одни беды. Но скажи, воин, разве я не прав в том, что предупреждаю людей о несчастьях, рассказываю о бедах, которых можно избежать, поступи они хоть чуточку умнее? Я предсказал Ньорну, что он убьет брата и женится на своей сестре… Вместо того, чтобы попытаться предотвратить лихое дело, этот молодой человек поспешил исполнить его, чтобы не отягощать свою жизнь постоянным ожиданием неизбежного. И после этого они называют безумцем меня!

Конан слышал о скверной истории, облетевшей всю Закатную часть Асгарда. Неудивительно, что горе-вещун оказался замешан и в ней.

— Но кто донес до Ньорна эту скверную весть, Динхвалт Злой Язык? Не появись ты в тот день на торжище и не заморочь парню голову своей жуткой болтовней, от которого у нормального человека мурашки идут по спине, глядишь, все могло быть иначе.

Старик грустно усмехнулся.

— Разве ты не понимаешь, добрейший? Я пытался помочь ему! Предупредить, подсказать, наставить… Не я обрек его на узы пророчества. Он сделал это сам.

— Что бы ты ни хотел изначально, все обернулось невыносимо гадко, и Ньорн до сих пор расплачивается за содеянные ошибки.

— Такова его судьба.

— Ничего не говори мне про судьбу, Динхвалт. Из всего, что я знаю, в мире нет ни одной вещи, способной заставить человека идти не по своей тропе.

— Ошибаешься, Конан. Хочешь, я докажу тебе?

Губы киммерийца сжались. Это уже походил на скрытый вызов. Если он сказал, что не верит в судьбу, следовательно, не должен бояться услышать о себе ничего такого, о чем может пожалеть впоследствии. С другой стороны Тьяцци Динхвалт зарекомендовал себя как темный предвестник беды. Хуже всего то, что все, что бы он ни предсказал, в большинстве случаев сбывалось. Было слышно, как скрипнули зубы варвара.

— Докажи мне это, старик.

— Славно, славно… Так, я задам тебе один вопрос, на который желаю услышать правдивый ответ. Ты согласен?

— Согласен.

— Где ты окажешься через десять дней?

— Разумеется, в Иглофийских горах! Там я встречусь с Эордом Изгнанником, который со своими людьми идет к морю, чтобы как можно скорее отплыть на своем корабле.

— А вот и нет! Через десять дней ты будешь пировать в Аломаре, на альтинге Родвара!

— Будь ты проклят, Тьяцци Динхвалт! Меньше всего мне нужен этот скверный альтинг и все, кто на него собирается!

Взгляды посетителей таверны замерли на киммерийце. Конан понял, что последнюю фразу он выкрикнул с необычной яростью, да так, что ее услышал весь зал. Мышцы варвара, раздувшиеся под одеждой и тяжелое дыхание, скованное спазмами бешенства — никто не

рискнул бросить вызов северянину за произнесенные в гневе слова.

Мало-помалу Конан успокоился.

— От тебя и в самом деле одни неприятности, — сказал он прорицателю уже спокойно.

— Ну что, заключим спор? — предложил Тьяцци. — Если я не прав, я остригу и съем собственную бороду. Но если вдруг окажется так, что все мои слова верны, как свод законов Иштар, и ровно через десять дней я подойду и похлопаю тебя по плечу, когда ты будешь пить мед в Аломаре, ты принесешь клятву и впредь не усомнишься, ни в одном из моих пророчеств.

— Да будет так. Только даже если твое предсказание верно, пользы от него все равно никакой, — проворчал варвар.

— О, еще одна ошибка, друг мой! И об этих словах ты тоже вспомнишь впоследствии.

Конан молча дожевал хлеб.

— Почему бы тебе не заняться гаданием, старик? Это было бы полезнее и для тебя и для тех, кто желает заглянуть в будущее.

— Будущее не одинаково прекрасно для всех, а люди всегда склонны ожидать от него только хорошее. Зачем же я стану говорить им то, что они хотят от меня услышать? Разве это не обман? Разве это не та же ложь? Например, одного человека интересовало, сумеет ли он завершить постройку дома до наступления холодов. Я заглянул в будущее и увидел, что дом сгорит сразу, как только его построят, и в пожаре погибнет его сын. Неужели мне надо было сказать, что новое жилище сумеет защитить их семью от холодов?

— У нас с тобой разные понятия о правде. Одно дело говорить то, что нужно делать, и другое — просто пересказывать мрачные картины из туманного будущего.

— Я не великий Кром и не всемогущий дух светлого Хара, Конан-киммериец. Я не в силах предотвратить событие, я могу лишь указать на него, а уж человек волен поступать сам, как знает.

— Ладно, допустим, твоей вины в этом нет. Но как насчет твоей нечистой связи с духами умерших, Тьяцци? Это слухи? Враньё? Или может быть просто выдумки?

— К сожалению, это правда. Тут я ничего не могу поделать. Они сами хватают меня и заставляют совершать путешествия по призрачному миру. В такие дни я становлюсь совершенно неуправляем, и мало что связывает меня с миром живых. Потому люди привыкли считать, что я сумасшедший. Лишь немногие понимают, что я и сам пленник своего дара.

Старик некоторое время помолчал. Его взгляд приобрел мистическое выражение.

— Слышать их шепот… Чувствовать касание их невидимых тел… Прятаться от пустых взглядов, способных созерцать лишь серые пространства царства мертвых… Хорошо, что тебе никогда не доводилось это испытать, мой мальчик.

— А ты можешь поговорить с ними прямо сейчас?

Динхвалт как-то странно повел своими седыми бровями.

— Призраки окружают меня всюду, куда бы я ни отправился. Они следят за мной денно и нощно. Что нужно тебе от мертвых, Конан? Я бы не стал лишний раз тревожить бестелесных понапрасну.

— В этом нет нужды. Просто расскажи мне, что они могут видеть.

— Всё! О, они могут видеть всё! И те, что отправились в туманное царство Хель, и те, что вознеслись в прекрасные чертоги Вальхаллы. Сверкающие покои Глядсхейма! Прогулки под луной в компании Саги и Атали! Радужное сияние Альвредура и шаги гигантских

великанов-ётунов, крошащих пустые черепа огромными молотами!

— Обитель мертвых меня мало интересует, — сказал варвар. — Они могут видеть то, что делается в мире?

— Да, это в их власти.

— Тогда попроси их показать тебе, где сейчас Эорд Изгнанник? Далеко ли он от отрогов Иглофийских гор?

Старый Тьяцци закрыл глаза руками.

— О, наши предки, духи умерших, взываю к вам! У меня нет своего зрения, теперь я вижу подлунный мир только вашими глазами! Покажите мне, покажите то, что я хочу увидеть! Где сейчас тот, кого именуют Эордом Изгнанником?

Конан нахмурился. На долгое время Динхвалт впал в полуобморочное состояние, отрешившись от всего мира, и при этом он издавал жуткие щипяще-свистящие звуки. Было похоже, что прорицателя на самом деле подняли мертвецы из темных залов подземного царства и сейчас они уж сами рвутся на волю, стремясь, раз и навсегда покинуть свое заточение. Варвар уже подумал прервать это нечистое зрелище, когда предсказатель вновь обрел осмысленное выражение лица, вернувшись в мир живых.

— Что ты видел? — спросил Тьяцци киммериец. — Где же Эорд?

— Его нет там, где ты ищешь, — хмуро произнес старик. — Но духи показали мне его новое место обитания, и я боюсь даже говорить об этом.

— О чем ты молвишь? Что за такое ужасное место? Эорда, что нет в живых?

— Он жив, однако, он заточен в обители зла, увидев которую я содрогнулся душой.

— Так, где же он сейчас?

— Сейчас он пленник Гаррада, нечистых владений молодого ярла Ванахейма.

— Гаррад? Не знаю я никакого Гаррада в пределах Полуночного края, — или я окончательно спятил…

— Новый край появился совсем недавно, точно из-под земли вырос. Я видел дым и зловещий туман, окутывающий башни мрачного города. Я видел толпы неупокоенных мертвецов, с жалкими стонами ползущих по черным камням. Я видел сотни воинов, нисколько не напоминающих своим обличьем простых смертных.

— Но что это за место? Откуда оно взялось?

— Его построил юный чародей с помощью своих бездушных рабов. Он раскрывает могилы и возвращает к жизни мертвых. Я слышал их стенания — они говорили мне, будто сам маг заключил сделку с хозяйкой загробного мира Хель, которая посылает ему воинство для строительства новой колдовской обители. Еще он призывает древних существ из неведомого забытого мира, которые настолько могущественны, что всего за одну ночь могут возвести богатый дворец. Колдун распечатывает гробницы и раскапывает захоронения древних чернокнижников. Они готовы нести ему службу в обмен на возвращение жизни.

— Будь он проглочен Кромом! Что за изувер тревожит покойников?

— Его имя Авар Нидхеггсон, он сын нерожденного короля.

— Авар…

Имя, названное Динхвалтом, всколыхнуло память киммерийца. Четыре года назад… Ванахейм.

— Это твой враг или друг? — вещий старец мгновенно уловил настроение, навеянное этим именем.

— Нет, — твердо сказал Конан. — Просто мне показалось, что я его знаю.

— Такое случается, — Динхвалт сам пришел на выручку варвару, хотя вряд ли ему поверил. — Иногда, кажется, что знаешь кого-то на протяжении многих лет, хотя на самом деле видел его всего пару раз или не встречал вообще. Тогда говорят, что это духи нашептали тебе об этом человеке.

— Хм, духи… верно…

Северянин опустил голову. Могло ли такое случиться, чтобы его друг попал в плен к человеку, перед которым у него имеется неоплаченный долг? Новые владения, о которых никто не слышал, и которые полонятся мертвецами. Что все это значит?

— Мне нужно идти, старик, — сказал Конан. — Спасибо тебе.

— Спасибо? Мне? — искренне удивился Тьяцци. — Что за поразительные перемены происходят в тебе, друг мой? Еще несколько мгновений назад ты считал меня сумасшедшим, а теперь благодаришь…

Киммериец не ответил. Он быстро покинул таверну и отправился в свои покои. В ту ночь варвар больше не выходил из дому.

IV

Следующий день ознаменовался прибытием в Данакар новых гостей. До форта добрались наемные воины из Нордхейма. Некоторых из них Конан хорошо знал.

Реган Ледяной Молот. Этот асир славился небывалой силой и превосходными боевыми умениями. Оружие воина, обеспечившее ему прозвище, было отлито из настоящего льда, который благодаря заклинаниям одной могущественной северной колдуньи казался прочнее любой стали, и не таял даже при сильной жаре. О том, какую цену пришлось заплатить Регану за чудо-молот, приходилось лишь догадываться. Многие поговаривают, будто нордхеймский воин провел семь лет в рабском служении у ведьмы. Но зато по окончании срока он сделался и в самом деле непобедимым. Случай никогда не ставил Регана и Конана по разные стороны сражающихся воинств, наоборот, им даже как-то выпадало биться плечом к плечу около четырех лет назад, когда Гуннар организовал набег на ярлов Ванахейма. Но вот чтобы сражаться друг с другом… Особо коварным херсирам, нанимателям воинов, уже давно не терпелось столкнуть Конана и Регана, чтобы выяснить, кто же окажется крепче. Однако оба воителя одинаково надеялись на то, что этот день никогда не наступит и отнюдь не из-за боязни потерять жизнь. Каждый из них рисковал потерей почти легендарной славы и веры в собственную непобедимость, а это было намного хуже смерти.

Торрад Великан. Другой асир-наемник. О нем Конан не мог сказать ничего за исключением очевидного: как и все большие люди Торрад обладал сказочной силой и слыл непревзойденным бойцом в рукопашной схватке, но имел слишком скудный ум. Решение зачастую принимали за него — в силу того, что Великан не мог положиться на собственную голову. Даже его братья, которых было девять в семействе, считали Торрада отчаянно глупым. Гигант безропотно сносил все оскорбления, но если дело в споре заходило слишком далеко, уносили ноги все без исключения. В такие мгновения асир становился настоящим берсерком — нечувствительным к боли, едва ли осознающим происходящее, крушащим и сметающим все на своем пути. По характеру Торрад напоминал ребенка — вечно удивлявшегося всему новому, по-детски наивно и доверчиво. Скажешь ему «убей», и он убьет, совершенно не задумываясь о том, правильно ли поступил. Впрочем, это касалось только незнакомых людей. Тем, к кому северянин успел привязаться, он никогда бы не причинил вреда.

Хьёрса Злобный. Этот человек вполне оправдывал свое имя. Асир отличался на редкость скверным нравом. Если возникала перебранка, Хьёрса был первым, кто лез в свару, если завязывалась драка, то начинал ее непременно Злобный. Положительных сторон у него имелось мало. Да и вообще были ли такие? Конан презирал этого человека, особенно сильно за то, что, будучи не в силах одолеть равного, Хьёрса часто вымещал злобу на более слабых.

Хьюки, Бели, Брокк, Видар и Форсети. Знаменитая ванахеймская банда разбойников. Главным среди них считался Хьюки. Бели и Брокк, два брата-близнеца являлись его подручными. Видар доводился далеким родственником Бора по материнской линии, другого главаря шайки, и именно поэтому Хьюки всюду таскал его за собой. Сам Видар представлял собой неважного бойца. Форсети занимал должность главного стратега банды — просчитывал пути торговых караванов, прикидывал число охранников, выбирал место для засады, выверял наиболее короткие тропы, чтобы уйти от погони. Именно на него ложилась вся ответственность за успешность плана банды разбойников. Кроме этих пятерых в шайке Хьюки насчитывалось еще около тридцати-сорока человек, считавшихся «временными». Они

примыкали к банде во время крупных набегов и также легко из нее, выходили. Однако в Данакар знаменитая пятерка прибыла без сопровождения.

Ингурд Снежный. Другой уроженец Ванахейма. Бесстрашный наемник, готовый пойти на любое рискованное дело. Ингурд не питал особо теплых чувств к Конану, в одно время им выпадало биться друг против друга. Но сам киммериец, несмотря на превратности судьбы, уважал этого человека. Снежный не был способен на предательство, и это выгодно отличало его от других наемников.

Как бы ни повернулись события, Ингурд оставался верен изначальному плану, а это частенько играло не в его пользу, поэтому наниматели воинов, способные на подлость, думали дважды, прежде чем пригласить этого ванира.

В этот раз Снежный был настроен весьма дружелюбно — по прибытии в Данакар он сам подошел к Конану. Долгое время они стояли молча, разглядывая заснеженные поля. Наконец, рыжебородый ванир первым нарушил молчание:

— Я вижу, ты уже успел подготовиться к очередному походу в Ванахейм…

— С чего ты взял? Если ты об этом проклятом альтинге, можешь свободно вздохнуть — я в делах Родвара не участвую.

— Вот как? Рассорился со стариком или не по душе его новая идея?

— И то, и другое. А вообще-то с чего это я должен с тобой откровенничать? Понимай, как знаешь.

— Твоя правда. Но, значит, нам с тобой и в этот раз не по пути.

— Почему ты думаешь, что верховный канах пошлет воинство в Ванахейм?

— Ты что же, приятель, от вчерашнего вина, не отошел что ли? Это ясно каждому паршивому псу, спешащему доказать свою преданность Родвару! Неужели ты полагаешь, что вождь киммерийцев бросит наемные силы на Аквилонию?

— И тебя ничуть не смущает, что ты будешь участвовать в походе на собственную родину?

— Нет, друг мой Конан, не смущает. Владения ярла, в которые Родвар, скорее всего, поведет войска, заслуживают не только того, чтобы быть ограбленными, но разрушенными и выжженными дотла!

Киммерийцу вспомнился вчерашний разговор со стариком Тьяцци. Зловещий край под названием Гаррад, где ныне томится Эорд Изгнанник.

— В Ванахейме есть только одно такое место, верно?

— Совершенно верно. Нечистое святилище темных сил. Многие называют этот фьорд Гаррадом, хотя я бы предпочел именовать его Хельгард, настолько мрачным и жутким кажется мне это место.

— Ты был там?

— Только в приграничной области черного города. Колдун Нидхеггсон устраивал торжище для всех свободных ярлов Ванахейма, и я присутствовал там в качестве охранника Хильда, ярла Велтийского. Маг что-то говорил о единении, о той силе, что окажется в его руках через какое-то время, о великих завоеваниях ваниров и о будущих достославных победах. Знаешь, я толком и не слушал, о чем он ведет речь — больно жутко было вокруг. Когда везде сплошной туман, да мгла, да еще тошнотворный запах гари, ни крохи хлеба в рот не возьмешь, ни одна капля вина не пойдет тебе на пользу и веселье. Да еще этот постоянный скрип, рычание со всех сторон, словно во мраке бродит целый легион страшных бестий — тут успевай по сторонам озираться, какое там празднество! А Нидхеггсон, знать,

только посмеивается в свое жабо, да снова про великие победы и завоевания толкует. Вряд ли кого-то из ярлов задела его речь. Уверен, что всем не терпелось поскорее убраться из того проклятого места.

— Выходит, Родвар собирается в поход на Гаррад?

— Я верю в это, киммериец. Поговаривают, будто и Киммерии и Асгарду одинаково не нравится опасное соседство со средоточием колдовских сил. Ярлы Ванахейма до сих пор колеблются, нужен ли им оплот этот зловещий Нидхеггсона на своей родине. Сам понимаешь, Конан, соблазн велик. С одной стороны, это, конечно, мрак и жуть, но с другой — сила! Сын нерожденного короля — великий колдун, в этом нет сомнений. С его помощью ваниры могут покорить не только близлежащие земли, но и продвинуть свои границы далеко на Полдень и на Восход.

— Зачем это ему нужно?

— Зачем? — Ингурд хохотнул, запрокинув голову. — Да затем же, что и всем. Если бы у тебя был меч и кольчуга, а вокруг тебя бегали одни безоружные крестьяне, которых всего-то и нужно заставить работать на себя, неужели бы ты удержался от соблазна? Собрал бы свой отряд, вооружил людей, а потом двинулся на другую такую же деревню, полную беспечных ленивых крестьян.

— Но ведь Киммерия не жалкая деревня, а мои соплеменники не ленивые крестьяне! — в гневе воскликнул Конан.

— А вот ты попробуй, растолкуй это Нидхеггсону, — предложил Снежный.

— Может быть, и попробую, — проворчал киммериец.

Ванир задумчиво почесал бороду и внимательно взглянул на собеседника.

— Значит, ты участвуешь?

— Я еще не решил.

Конану вспомнилось пророчество Динхвалта, и ему стало немного не по себе.

— Вообще, это не моя война, — сказал он. — Почему бы вождям не собрать войско и не объявить войну Ванахейму?

— Воевать никто не собирается, киммериец. Думаешь, твоим сородичам охота развязывать кровопролитную войну с соседями на Полуночи? Их общий, а, точнее, наш общий враг Гаррад, а не весь Ванахейм.

— Ага, наемники, Ингурд, — догадался варвар. — Это будет выглядеть как простой набег… С учетом того, что в дружине Родвара соберутся воины из разных стран, в том числе и Нордхейма, получится славный сброд — даже если разноликое войско зайдет слишком далеко, мстить будет некому. Ха! Ха! А ведь Родвар — молодец! Славно придумано — разгромить опасные владения колдуна и при этом избежать войны!

После разговора со Снежным, у Конана появился новый повод изменить планы. Конечно, его меч мог бы сильно пригодиться в походе, но… Изначально у него были другие дела.

К вечеру в таверне Данакара стало неспокойно. Там собрались в полном составе банды Хьюки и Бора — Видар о чем-то совещался со своим родственничком, и было видно, что негодяи что-то затевают. Конану это совсем не понравилось.

Сначала вход в таверну ему преградили двое здоровенных детин, но, переглянувшись, верзилы решили освободить вход. Потом асир Хьёрса как бы невзначай задел его плечом. Неужели этот нахал ожидал извинений? Так и не получив своего, Злобный удалился, задержав на киммерийце недобрый взгляд.

Весь вечер головорезы о чем-то оживленно переговаривались. При этом они изредка поглядывали на Конана. Варвара это уже начало раздражать.

Внезапно в таверну ворвался возбужденный разбойник из шайки Бора и велел всем немедленно выйти наружу, посмотреть на новоприбывших. Заинтересованные происходящим бандиты немедленно высыпали на улицу.

Новых оказалось всего двое. Вернее две. В форт прибыли девушки. Одна из них была знакома Конану — та, что ехала в седле с выпрямленной спиной и дерзким взором, устремленным поверх голов собравшихся. Это была Гретта, профессиональный командир наемников, участвовавшая не в одном походе за звонкую монету. Другую девушку варвар не знал — она ехала с низко опущенной головой, избегая смотреть по сторонам. Именно на нее были устремлены все взгляды людей Бора.

Сначала киммерийцу показалось, что девушки вместе, но, как выяснилось, они объединились лишь на время путешествия и по прибытии в форт Данакар каждая пошла своей дорогой.

Варвар ощутил легкое беспокойство за девушек — здесь, в компании отъявленных головорезов, им будет, о чем подумать. Впрочем, за Гретту он не волновался — та с легкостью могла дать фору даже самому Бору или Хьюки, а вот насчет второй у Конана возникли определенные сомнения. Сможет ли она постоять за себя?

В свете факелов киммериец сумел хорошо разглядеть незнакомку. Да, она была слишком красива для этого форта и всего, что с ним было связано. Такой бы нашлось самое место где-нибудь на аквилонском троне, под присмотром могущественного короля-жениха, среди многочисленных фрейлин, и уж точно никак не в окружении законченных мерзавцев. Если она останется в Данакаре одна, то не продержится и первую ночь.

Гретта приветливо и дерзко улыбнулась Конану — похоже, она признала его. Киммериец поприветствовал ее в ответ, правда, кивком головы.

Возможно, лидера наемников тоже можно было назвать красивой, если бы не уродливый шрам вдоль лица, расчертивший лоб, переносицу и правую щеку девушки. Его Гретта заработала в своем первом сражении, когда была еще девчонкой. Однако украшение на всю жизнь наемница приобрела по сказочно низкой цене — она убила гиперборейского полководца, посчитавшего, что маленькая фурия слишком легкий для него противник. Хотя, конечно, в сравнении с той, другой, Гретта выглядела не красивее грубо отесанной каменной статуи. У незнакомки выделялись такие утонченные черты лица, что даже самые высокие аристократы покрылись бы зеленью от зависти, едва увидев ее. Варвара терзала нехорошая догадка, что подонки Бора и Хьюки уже пускают слюни. Насладившись зрелищем, гуляки вернулись в таверну.

Конана мало интересовали разговоры подвыпивших бандитов. Киммерийца постепенно увлекла мысль о походе на Гаррад. Страна, где бродят ожившие мертвецы, справляют пир великаны, и носятся над землей полчища бесплотных духов. И всем этим управляет один-единственный человек, некогда спасший ему жизнь…

Варвара отвлекло от дум громкое улюлюканье и свист. Это в таверну вошла Гретта. Скорее всего, многим она была знакома, и озорники просто забавлялись. А вот тем, кто не знал командира наемников… повезло меньше.

Один здоровяк нахально положил ей руку на талию.

— Убери свою поганую лапу, не то через мгновение найдешь ее на полу, — не оборачиваясь, произнесла девушка низким голосом. Что-то в ее тоне заставило негодяя

поверить, что именно так она и поступит. И это при том, что Грета не была на данный момент настроена враждебно.

Здоровяк примирительно поднял руки и сделал шаг в сторону.

— Красотка умеет убеждать, — весело выкрикнул кто-то из толпы, вызвав волну общего смеха.

Тому, кто решился грубо приласкать наемницу, быстро шепнули на ухо, чем могла кончиться его затея, и здоровяк содрогнулся, как-то странно и пугливо защитив руками низ живота.

К Конану Гретта не подошла, у нее здесь были другие знакомые. Возможно, повидавшись со всеми, она найдет время, чтобы поговорить и с ним, а пока что…

Что за происки Дэркэто?

Вторая девушка тоже вошла в таверну. А вот ей-то здесь нужно находиться меньше всего. Неужели она не соображает, чем это может обернуться? Или же она полагает, что сам Кром поднимется из своих черных залов, чтобы защитить ее?

Все без исключения уставились на незнакомку. Даже Гретта смотрела на нее с любопытством, ожидая развязки дальнейших событий. Было вовсе не похоже, чтобы лидер наемников собиралась заступиться за свою недавнюю спутницу. В зале таверны установилась немая тишина, так что было слышно, как скребутся мыши.

Молодая красавица, словно не замечая впившихся в нее взглядов, прошла в зал и села за свободный стол. Она деликатно развернула тряпочку с ужином, и, как ни в чем не бывало, принялась за еду.

Конан понял, что сейчас начнется всеобщая потеха, итог которой он мог предсказать безо всякого труда.

К девушке с разных сторон подсели два головореза, в одном из которых варвар признал Форсети. Один лениво потянулся, как будто размять затекшие суставы, потом как бы между прочим обвил своей рукой талию девушки. Другой, не спуская с нее взгляда, принялся хватать кусочки ее ужина и жадно запихивать себе в рот.

Незнакомка оттолкнула чужую руку, схватила тряпочку с ужином и пересела за другой стол. Но и там ее уже ждали люди Хьюки.

Тогда она бросила взгляд в сторону Гретты. Та не шевельнулась, но спустя какое-то время медленно указала глазами на стол Конана. Либо юная путешественница истолковала этот знак неверно, либо ей претила любая мысль разделить ужин с одним из варваров. В любом случае, она не последовала совету своей попутчицы, выбралась из-за стола и поспешила к двери.

Это было грубой ошибкой. Разбойники, почувствовав, что добыча ускользает, и все развлечение грозит вот-вот завершиться, стали действовать более смело и жестоко. Кто-то ухватил ее за одежду, нежная ткань треснула — девушка высвободилась, но рукав ее платья остался в руке у удивленного бандита. Она, уже не помня себя, пробиралась к двери. Дорогу ей преградил Хьёрса Злобный, в то время как двое верзил чуть поменьше встали у выхода. Глупый Торрад Великан раскатисто загоготал.

Могучий асир Хьёрса сжал девушку в крепких объятиях, так что юная незнакомка оказалась в настоящих стальных тисках, без сил даже крикнуть или позвать на помощь. Хотя кого тут звать? Ее крики могли привлечь только новых любителей развлечений.

— Ну, куда же ты так спешишь, прелестная дева? — с издевкой в голосе спросил он девушку. — Ночь только начинается!

— Отпусти меня, — слабо простонала молодая красавица.

— Конечно, конечно! Всего один поцелуй — и ты свободна.

Девушка онемела от ужаса.

— Ну, что же ты дрожишь? Старина Хьёрса не желает тебе плохого. Всего один маленький-маленький поцелуй!

Ее глаза округлились, испуг помутил ее разум. Незнакомка быстро чмокнула головореза в его небритую щеку. Сразу же поднялся такой оглушительный хохот, что стены таверны едва не рухнули.

— Ну-ну, разве так целуют настоящих мужчин? Попробуй-ка еще раз, да посмелее!

Девушка повторила попытку, еще более неуверенно, быстро поцеловав асира в щеку ближе к губам.

— Теперь я могу идти? — робко спросила она едва слышным голосом.

— Как вы считаете, ребята, теперь она может идти? — во всеуслышанье спросил Хьёрса, обводя взглядом зал с хитрейшей гримасой.

Бандиты наперебой восторженно заголосили и закивали. Злобный отпустил девушку. Она сделала неуверенный шаг к двери. Но тут к ней неожиданно подскочил Форсети.

— А меня?! — спросил разбойник с возмущением. — Ты не разделила со мной ужин, так хоть поцелуй на прощание.

Юная путешественница была свободна, и страх настойчиво подталкивал ее к двери, прочь из этого места.

— Спасибо, в другой раз, — пролепетала она и быстро шагнула к выходу.

Однако рука подручного Хьюки вцепилась ей в плечо.

— Не играй со мной, детка, — злобно прошипел он ей в самое лицо, брызгая слюной.

Девушка почувствовала вонь из его рта. Впрочем, лицо северянина тут же приобрело самое добродушное выражение.

— А, я знаю! Ты стесняешься, красотка. Ну, ничего, дай-ка я тебя приласкаю, и ты сама этого захочешь.

Рука разбойника скользнула по ее плечу и нырнула вниз, под платье. Незнакомка вскрикнула под общий смех и бросилась бежать. Форсети вновь попытался схватить ее, но девушка, обезумевшая от страха, ударила его в лицо, метя по глазам.

Она сделала это скорее неосознанно, однако, сама суть сопротивления вызвала в бандитах сильную ярость, Форсети взвизгнул как кот, которому наступили на хвост. Протирая ослепленные глаза, он оскалил зубы.

Бели и Брокк, два брата-недоноска, тотчас заломили незнакомке руки. Хьюки следил за происходящим с покровительственной улыбкой из-за своего стола.

— Пойдем-ка прогуляемся, детка, — зловещим тоном пригласил схваченную девушку Форсети.

Кто-то из бандитов распахнул дверь, провал в ночь дохнул холодом, но мерзавцев это возбудило еще больше, и многие повставали со своих мест, чтобы лучше видеть происходящее. Негодяи увлеченно поволокли юное создание на улицу.

— Оставьте ее!

Это прозвучало как громкий раскат грома. Голос киммерийца не являл ни угрозу, ни предупреждение, ни просьбу. Так приказывает человек, уверенный в своей правоте, знающий свои принципы и требующий, чтобы с ними считались другие.

Задорный смех затих, словно варвар своими словами вылил целую бочку воды на

разгорающийся пожар веселья. Повисло звонкое молчание, точно все бандиты в зале разом получили пощечину. Лидеры головорезов недобро смотрели в сторону Конана, однако, никаких распоряжений от них не последовало. Форсети первым подскочил к варвару. Его рука вцепилась в одежду воина.

— Мне показалось, ты что-то сказал?

Несмотря на дерзость, невысокий бандит прекрасно понимал, что этот спор один на один с киммерийцем ему не выиграть. Высокий и могучий варвар башней возвышался над разбойником небольшого роста, и вздумай Конан первым начать драку, его пудовый кулак с легкостью сокрушил бы череп наглеца.

— Тебе не показалось. Я сказал: оставьте ее, ты, нордхеймский пес. И убери руки с моей одежды.

От такого поворота событий у Форсети едва не вылезли глаза на лоб. Он-то верил, что в окружении своих дружков он просто неуязвим, и киммерийцу, при таком раскладе событий, несмотря на его недюжинную силу, придется с этим считаться. И уж точно он не ожидал услышать грубых, оскорбительных слов. На несколько мгновений бандит растерялся — все-таки пока подоспеют его приятели, этот зверь может переломить ему хребет, точно соломинку! Варвар спокойно держал свой тяжелый взгляд на лице головореза, а его дружки не спешили на помощь своему сообщнику. Кровь бросилась в лицо Форсети, пот выступил на его лбу. Хьюки с нескрываемым наслаждением следил за картиной, и, похоже, сделал знак остальным не вмешиваться. И тогда разбойник понял, что глава шайки проверяет на смелость не Конана, а его!

— Ну-ка, повтори еще раз, приятель, — уже менее уверенно потребовал он.

— Я повторю это столько раз, сколько нужно для того, чтобы ты расслышал. Я хочу, чтобы вы оставили девчонку в покое. И я тебе не приятель, недоносок.

После этого по залу прокатился приглушенный гул. Кое-кто усмехнулся. Форсети догадался, что смеются над ним.

— Ах, ты мразь!

Левая рука бандита с молниеносной скоростью устремилась к ножу на поясе, но Конан оказался быстрее. Его кисти сжали руки Форсети с такой силой, что головорез взвыл и стал медленно опускаться на колени от нестерпимой боли. Раздался тихий хруст, и только тогда варвар отпустил сжатые запястья.

При этом Конан не стал доставать своего оружия — в противном случае это означало бы вызов всей банде, так как налицо была бы угроза жизни одному из ее членов.

Мерзавцы от души посмеялись над своим слабым товарищем. Но это вовсе не означало, что они изменили свое отношение к Конану в сторону благосклонности. В зале находилось еще десятка два бойцов, способных без особых проблем проводить киммерийца в чертоги Крома. Помимо бандитов в таверне присутствовали и другие наемные воины, и еще неизвестно, кому бы они стали помогать в драке. Бели и Брокк, досмотрев зрелище, вновь потащили девушку на улицу. Варвар шагнул вслед за ними, но путь ему преградил Хьёрса.

— Не вмешивайся, парень, не то…

Сокрушительный удар в челюсть поверг гиганта на землю. Злобный, неловко взмахнув руками, рухнул на пол всем своим грузным телом, и стальной шлем его укатился под лавку.

Брокк и его брат выпустили из рук добычу и схватились за топоры. Теперь обратного пути нет. Тяжелый меч Конана грациозно выпорхнул из ножен.

— Стоять! — немедленно приказал Хьюки, выбравшись из-за стола. — Спрячьте

оружие! Это и тебя касается, киммериец.

Последнее ванир произнес сквозь сжатые зубы, едва взглянув на варвара.

— Здесь не арена для боев, — согласился Бор, который, однако, из-за своего стола не вылез.

Хьёрса пришел в себя и теперь вытирал ладонью кровь с разбитых губ, при этом с лютой ненавистью глядя на Конана. Асир потянулся за своей двуручной секирой, но на запястье ему легла чужая рука.

— Кровь мужчин становится такой горячей, когда дело касается женщин, — медленно произнесла Гретта. Потом убрала руку с предплечья Злобного. — Но из-за этого она не выкипает. Она проливается.

Наемница обвела собравшихся мрачным взглядом.

— И нередко может случиться непоправимое, — добавила она. — Поверьте мне.

Гретта быстро посмотрела на девушку, потом на Конана.

— Не нужна была мне твоя помощь, варвар! — выкрикнула красавица и вся в слезах выбежала из таверны.

Мгновение напряженного молчания.

Потом Хьюки разразился грохочущим смехом. Через мгновение его подхватил Бор, потом к нему присоединились другие разбойники. Бели и Брокк опустили топоры и тоже радостно заулыбались. Даже Форсети с покалеченными руками весело заблеял, перемежая смех со стонами боли.

Хьёрсе веселье никак не давалось, его сжигала ненависть к киммерийцу, а обида давила тяжким грузом, но пойти против всех он не мог. Асир поднатужился и выкашлянул из себя пару смешков. Справив веселье, разбойники начали один за другим выходить из таверны. Никто из них не взглянул в глаза киммерийцу.

— Славно повеселились, варвар, — бросил Конану Реган, который наблюдал все действо от начала до самого конца.

Последним из зала вышел Хьюки. Лидер головорезов на миг задержался в дверях, едва заметно повернув голову в сторону варвара. Потом быстро зашагал вслед за остальными. Конан понял, что ничего еще не кончилось.

Скверная история только началась.

V

Сон варвара всегда был чутким, так что киммерийцу не приходилось привлекать дополнительные усилия, чтобы сохранить бдительность.

Однако ни Бор, ни Хьюки в гости не пожаловали. Что залегло у них на уме, разгадать было трудно. Как бы то ни было, покой Конана никто не нарушил до самого утра.

Лишь с первыми лучами солнца в его дверь тихо постучали. Меч вынимать не было надобности — клинок лежал обнаженным возле грубой подстилки воина. На пороге тесной комнаты показалась Гретта.

— Идем, прогуляемся, — предложила она Конану.

Варвар послушался, и они вместе вышли во внешнее пространство форта.

— Как спалось?

— Не хуже обычного.

— Ясно. Твой вчерашний поступок, конечно, благороден, но, боюсь, подонки Хьюки не оценят по достоинству твой героизм.

— Плевал я на них.

— Э, не заблуждайся на их счет, киммериец. Эти люди очень опасны. Даже для тебя. Лучше бы дал им на съедение эту простушку, в голове у которой одни феи да бабочки.

— Смотреть, как это отребье надругается над девчонкой? Нет, Гретта, это не по мне, будь я проклят Кромом!

— А ведь она тебе приглянулась, верно? Скажи мне честно, Конан.

— Не знаю.

— Брось. Я же вижу. С каких это пор ты стал покровителем беззащитных девушек?

Гретта взмахнула своей туго заплетенной русой косой и широко улыбнулась, так что шрам на ее лице сжался.

— Я бы за ее жизнь и медяка не дала. А ты, я вижу, был готов перебить из-за нее всех бандитов. Теперь она с тобой не расплатится.

— Не нужно мне от нее ничего.

— Ох, настоящее благородство! Не варвар с Полуночи, а настоящий аквилонский рыцарь, — восхитилась девушка. Впрочем, она тут же посерьезнела. — Как думаешь разбираться с людьми Бора и Хьюки? Если хочешь знать мое мнение, то я бы на твоем месте поскорее собрала свои вещи и поспешила прочь из этого места.

— Вот еще! — фыркнул Конан. — Неужели ты и вправду думаешь, что я побегу как последний трус?

— Ваши силы неравны. Здесь бегство никак не связано с позором. Я бы предпочла назвать это тактическим отступлением.

— Существуют вещи, от которых нельзя отступить. Ты ведь понимаешь, о чем я?

— Понимаю. Наверное, я бы поступила также. Я полагаю, тебе следует подумать о том, чтобы добраться в Аломар, на альтинг к Родвару. Если все мы окажемся в одной команде, головорезы не посмеют напасть.

— Они тоже готовы выступить в поход?

— Еще бы. Мерзавцы пошли бы на это дело даже за гроши, а с тем, что предлагает Родвар, они отправятся хоть на розыски мощей самого Имира.

— Выходит, все, кто здесь собрался, спешат на альтинг?

— Выходит так. Даже твоя новая подружка Миррейа.

— Миррейа?

— Ну да, глупый. Ведь это ее ты вчера спас от позора.

— Если ей по пути с недоносками Хьюки, они непременно добьются своего, — сердито сказал варвар.

— Я бы побеспокоилась о себе.

— Нечего мне о себе беспокоиться! Я что, похож на девственную жрицу Калимара? Или я настолько одряхлел, что не в силах удержать в руках меч? Себя-то я защитить сумею, а вот насчет нее не уверен.

— А ей-то нужна твоя защита, рыцарь ты аквилонский?

— Нужна, — с уверенностью сказал Конан. — Вчера я все понял, несмотря на то, что она усердно пыталась это скрыть.

Гретта улыбнулась — на этот раз с пониманием и уважением.

У ворот форта они увидели Форсети, который злобно кричал на старика Тьяцци. Предсказатель что-то неразборчиво лепетал в ответ, однако, бандита это нисколько не сдерживало. Издали заметив Конана, разбойник предпочел удалиться, напоследок сильно толкнув старого прорицателя в плечо.

— Эти мерзавцы неисправимы, — согласилась Гретта в ответ на невысказанную мысль варвара.

Куда-то мимо них двоих поспешила группа темнокожих шемитов, разодетых, точно для церемонии погребения.

— Гляди-ка, — кивком головы наемница указала в сторону Полуночных ворот. — Кое-кто тоже встал сегодня рано.

Наемница приметила девушку, которую прошлым вечером Конан выручил из беды. Миррейа вглядывалась вдаль, словно кого-то ждала, и, тем не менее, увидев варвара в компании со своей бывшей попутчицей, решилась подойти. При этом юная путешественница закусила губу, и это говорило о том, что ее грызут какие-то непонятные сомнения, а также о том, что она совсем неуверенна в правильности своих действий.

— Э, послушай, варвар… — начала она и сбилась. — Не знаю твоего имени…

— Конан, — коротко сказал киммериец.

— Послушай, Конан… Вчера вечером я вела себя глупо. Из-за меня ты, э, попал в неловкую ситуацию…

Гретта закатила глаза, словно желая сказать:

«Ну, что я говорила — у этой смазливой дурочки в голове один розовый туман».

— У тебя, наверное, будут из-за меня неприятности…

Конан не ответил и молча глядел на собеседницу, ожидая продолжения. У варваров ответ на ничего не значащие слова было давать не обязательно, в отличие от цивилизованных людей, которые постоянно пользуются этим нехитрым трюком, чтобы поддержать разговор.

— В общем, как это сказать… Спасибо за то, что помог мне. Хотя я всегда решаю свои проблемы сама, запомни!

— Ну и глупая же ты девчонка! — не выдержала Гретта. — Если бы не Конан, с тобой бы чудно развлеклись все головорезы Хьюки. Ты догадываешься, что обычно хочет подвыпивший мужчина от симпатичной женщины?

Миррейа покраснела.

— Твой позор ничто в сравнении с тем, что могло произойти. Неприятности, неловкая

ситуация, ха…! Так ты это называешь? В таком споре могло покатиться по земле несколько особо горячих голов. Варвар рисковал жизнью — и зачем? Проклятье, я бы ни за что не стала выручать тебя из неприятностей, в которые ты впуталась по собственной глупости!

— Я ждала брата, — виновато произнесла Миррейа. — Я не хотела доставлять никому неприятности…

— О, небо! — взмолилась наемница. — Милостивая Фидесса, дай мне сил… Откуда ж ты прибыла такая, милое существо?

— Я — аквилонская волшебница, орден Света, — произнесла Миррейа с гордостью, которая Гретту не поразила. — Его Светлейшество верховный маг Канерес Златобородый направил меня и моего брата к почтенному сеньору Родвару с поручением.

— Сеньору Родвару…? — устало вздохнула Гретта. — Стало быть, и ты спешишь на альтинг, милая. Вот только не добраться тебе туда с грузом своей невинной наивности.

— Я уже взрослая и могу о себе позаботиться, — возразила волшебница, топнув ножкой.

— О, конечно, — Гретта подавили тяжкий вздох. — Ладно, Конан, оставлю-ка я вас вдвоем. Глядишь, разговор наладится. Еще увидимся.

Командир наемников оставила варвара наедине с чародейкой. В отсутствии Гретты девушка почувствовала себя еще более неловко. Она стояла рядом с Конаном, не говоря ни слова и потупив взгляд.

— Скажи, а тебе много приходилось путешествовать? — спросила она, наконец.

— Да.

— У тебя, наверное, есть большой опыт в странствиях. И приключений у тебя было хоть отбавляй…

«В самом деле, в голове одни феи», — мысленно признал Конан.

— А вот я это в первый раз.

— Что в первый раз?

— Ну, путешествую. Одна, без свиты.

— Я уже догадался. Когда приедет твой брат?

— О, да вот же он! — радостно воскликнула девушка при виде конного всадника.

Конан оценивающе оглядел прибывшего. Аристократ, с утонченными манерами, во всем напоминающий сестру жестами. Понятно, что он не убережет девушку от бандитов Бора или Хьюки. Скорее, ему самому потребуется помощь. А головорезы из Нордхейма обязательно повторят свою попытку изнасиловать девчонку, и тщедушный аквилонский маг им будет не помеха. Всадник подъехал к Миррейе и спешился.

— Это мой брат, Тарланд, — представила девушка своего брата Конану. — А это Конан, благородный варвар, родом из этого края.

— Рад встрече, добрый друг, — Тарланд отвесил киммерийцу легкий поклон.

Конан едва заметно сдвинул брови.

— Представляешь, брат, вчера он спас меня от целой кучи мерзавцев!

— Благородный поступок, — согласился юноша. — Нам как раз нужны сильные и смелые попутчики по дороге в Аломар, доблестный воин.

— Я не доблестный воин, — без улыбки произнес Конан. — Если вы решили, что я поведу вас в Зал Факелов, потому что вы оба мне сильно понравились, то выбросьте это из головы.

— Наш орден может хорошо заплатить, если вы не заинтересованы в безвозмездной помощи.

«Точно, дети», — подумалось варвару.

— Глупости. Я не иду в Аломар.

— Очень жаль, — вздохнула Миррейа. — Мы могли бы подружиться, Конан. Знаешь, ты бы мог рассказать об обычаях своей страны, а у нас, в свою очередь, нашлось бы много удивительных рассказов об Аквилонии…

— Это меня мало интересует.

— Значит, нам не по пути?

— Нет.

— Тогда всего хорошего, — девушка снова закусила губу, на этот раз было видно, что она очень сильно волнуется.

— Удачи.

Не найдя нужных слов, Миррейа и ее брат направились в сторону деревянных построек форта в жилой квартал. Краем глаза Конан заметил покачивающихся после попойки Брокка и Бели, которые брели по главной улице. Взгляд, брошенный на юную волшебницу старшим из братьев, совсем не понравился варвару. Так полыхает взор хищника, готового задрать маленького ягненка. Недоноски…

Конан догнал волшебницу и Тарланда.

— Подождите. Я передумал. Я согласен проводить вас до Аломара.

— Славно! Славно! — девчонка едва не захлопала в ладоши. — Конан едет с нами!

— Я еду не с вами, — поправил ее киммериец. — Не нужно полагать, что я делаю вам одолжение, в Зале Факелов у меня свои дела. Но я позабочусь, чтобы вы добрались туда в целости и сохранности.

— Как бы то ни было, мы рады твоей компании.

— Да, в самом деле, дружище, — заулыбался молодой маг.

Варвар покачал головой.

— Ладно, увидимся. Пока что дам вам обоим хороший совет: старайтесь как можно меньше попадаться на глаза Бору, Хьюки или кому-либо из его людей. Это понятно?

Волшебники одновременно кивнули.

— Чудесно.

После этого Конан оставил волшебницу и ее брата.

VI

Вечером того же дня, наконец, случилось то, что рано или поздно должно было произойти. Бор и его дружки неспеша направились в сторону Конана. Рядом с лидером головорезов шагал Видар, и, похоже, готовился представлять интересы людей Хьюки. Варвар потянулся к мечу — пора решить спор в битве. Несмотря на превосходящую численность врага, Конан был уверен в собственных силах. Даже если мерзавцы одолеют его, в чертоги Крома он отправится уже точно не в одиночку.

— Подходите же, шакалы, — прорычал он, выставив меч. — Когда вас много, вы смелы, как демоны.

— Успокойся, киммериец, — хмыкнул Бор. — Мы чтим кодекс чести.

— Для вас не существует никаких кодексов. Вы даже не знаете, что такое честь.

— Ошибаешься. Как ты сам понимаешь, твое оскорбление мы простить не можем. Но это вовсе не значит, что такой спор нужно решить в большой потасовке. Ты обидел Форсети и Хьёрсу, а, следовательно, драться будешь с ними.

— Время?

— Сегодня ночью, у заброшенного амбара. Не вздумай удрать или притащить с собой кого-нибудь еще. Тебе же будет хуже.

— Драться будете до смерти или пока кто-нибудь из вас не получит большое количество ран, — добавил Видар. — Но пойми, Конан, если Форсети умрет, мы будем вынуждены отомстить за смерть друга.

Иными словами это означало: «Мы будем наблюдать, как Форсети медленно отбирает у тебя жизнь. Вздумаешь зарезать его, мы выпустим тебе кишки всем скопом».

— Хьёрсу ты волен прикончить, как тебе заблагорассудится, — разрешил Бор. — Если, конечно, сумеешь.

Время, оставшееся до назначенного срока, Конан провел в одиночестве. Варвар особо не готовился к поединку, он знал, что тело будет прекрасно повиноваться ему, а боевые умения и опыт окажутся значительным подспорьем в битве. Проблема была в другом: если дружки Хьюки все-таки решатся атаковать вместе, выстоять будет намного сложнее. Киммериец был уверен, что роль чучела для упражнений в боевом ремесле по совету Видара он играть не станет. Если понадобится, он убьет Форсети, а потом и всех его дружков. Без сомнения, кому-то из них не суждено пережить эту ночь. Тут в голову Конана пришла забавная мысль — если старик Тьяцци был прав, то через девять дней он окажется в Зале Факелов, а раз так, то на путь в Вальхаллу ему предстоит выйти еще не этой ночью. А, впрочем, все это — враньё. Неужели если он опустит меч и позволит Форсети или Хьёрсе делать все, что они пожелают, то сумеет пережить эту ночь острых клинков?

Дождавшись, пока звезды займут свои места на темном небосклоне, варвар побрел к заброшенному амбару. Условленное место озарял свет факелов, тишину нарушали приглушенные голоса бандитов. Без страха киммериец приблизился к группе людей, так чтобы головорезы могли видеть его лицо. Оказывается, у амбара собралось не меньше полусотни человек: в основном подручные Бора, Хьюки, остальные — просто любители драк и кровавых зрелищ.

— Похвально. Ты умеешь держать слово, киммериец, — сказал Бор.

— Посмотрим, как ты умеешь держать меч, — со злостью добавил Хьёрса. — Я ставлю

две золотых монеты на то, что прикончу его сразу же, как только начнется поединок.

— Ставлю семь на Конана, — усмехнулся Реган Ледяной Молот.

— Три на Хьёрсу, — прорычал в ответ Торрад Великан.

Ингурд Снежный промолчал.

Форсети сидел в стороне в компании Бели и точил свой меч.

— Пора начинать танец, — со злостью произнес Злобный, вцепившись в свою тяжелую секиру и сделав шаг в сторону Конана.

Асир, как и все умелые бойцы, не стал бездумно бросаться в атаку, которая бы могла стоить ему жизни. Первый удар был скорее пробным, изучающим, потому варвар сумел отразить его без труда. Потом грозная секира нырнула вниз, к ногам Конана — Хьёрса бил сильно и размашисто. Киммериец не стал останавливать оружие противника, а, подпрыгнув вверх, перемахнул через тяжелое лезвие. Сразу же его меч устремился к шее противника — но Хьёрса успел поднять секиру для защиты от удара. Клинок скользнул по рубящей кромке топора. Злобный сделал быстрое движение обеими руками и поймал меч варвара в захват. Последовал сильный толчок в грудь — и Конан остался без оружия!

Не успев понять, как такое могло произойти, киммериец интуитивно отступил назад. Яростный натиск асира пропал втуне. Впрочем, оставив врага без оружия и, тем самым, добившись огромного преимущества, Хьёрса теперь мог не спешить. Голыми руками против тяжелой секиры много не навоюешь. Конан это понимал. Нужно во что бы то ни стало поднять вырванный из рук меч. Терять время на поиски клинка в скудном свете факелов было непозволительно — так можно пропустить одну из атак опытного противника. Не отрывая глаз от сверкающего в полутьме лезвия, варвар стал постепенно смещаться влево, обходя противника по кругу и с каждым шагом приближаясь к тому месту, где звякнул упавший клинок.

— Ну, что, храбрец, может, попросишь прощения на коленях? — хмыкнул себе в усы Хьёрса, надвигаясь на Конана.

Киммериец резко нырнул вниз как раз в тот момент, когда Злобный нанес удар, целясь в грудь варвара. Быстрой тенью Конан простелился у самой земли, и в следующий миг стальное лезвие вновь заиграло в его руках.

— Скорее я отправлюсь на завтрак к Тагалу, нордхеймский пес!

— Так оно и будет, — прорычал Хьёрса, но было видно, как его самоуверенность резко снизилась, когда киммериец вновь обрел свое оружие.

Тяжко загудел меч, столкнувшийся с двуручным гигантом асира. Хьёрса оступился и упал на одно колено. Клинок Конана устремился к горлу северянина, но замер у самого кадыка Хьёрсы. Усмешка тронула жесткие губы варвара.

— Будь ты проклят! — вскричал Злобный, поднимаясь с колена.

Лезвие секиры пронеслось режущим полумесяцем, который устремился вверх, чтобы снять голову с плеч киммерийца.

Варвар пригнулся, меч прыгнул вперед, и если бы не ловкость Хьёрсы, то он непременно вонзился бы ему в живот.

— Сын шлюхи! — выкрикнул оскорбление асир, давясь собственной злобой.

Оружие противников взлетело и со звоном столкнулось еще несколько раз. Силы противников сравнялись. Теперь и Конан и Хьёрса действовали с одинаковой расчетливостью, и никто из них не мог взять верх над оппонентом. А так как выносливость обоих бойцов была колоссальной, поединок затянулся. Зрители, которым стал наскучивать

грациозный танец двух опытных бойцов, начали подумывать о том, чтобы внести какое-нибудь разнообразие.

— Давай, Хьёрса, давай, ты, жирный кусок сала! — послышались крики из толпы, призванные разозлить воина и заставить его действовать более агрессивно. — Где твои хваленые умения? С такими неуклюжими прыжками ты не то, что киммерийца не одолеешь, но и сам станешь посмешищем!

— Ну же, Конан, давай, покажи ему! — кричали другие.

Усмешки достигли цели. Хьёрса взъярился и стал наступать на противника с утроенной силой, а в таком состоянии, насколько знал варвар, ошибки неизбежны. Конан оставался хладнокровен, все издевки бесследно рассыпались, ударяясь о стену полной невозмутимости варвара. Он выжидал момента, пока асир откроется, и тогда поединок можно будет завершить одним ударом. Однако Злобный долго не открывался, заставив Конана поверить, что продержится в таком темпе хоть всю ночь. Тем не менее, киммериец, обладавший богатым боевым опытом, все же улучил мгновение, когда северянин стал действовать менее расторопно и быстро.

Конан взял меч в левую руку, отбил клинком направленный в пах удар и тут же обрушил кулак правой руки на переносицу противника. История в таверне повторилась. Гигант охнул и завалился назад, ослепленный болью.

В тот же миг в круг выскочил Форсети и едва не вонзил меч в спину Конану, который не ожидал нападения сзади. Взбешенный киммериец, в последний момент увернувшийся от удара, набросился на подлого разбойника. Однако силы, истраченные в схватке с грузным асиром, не позволили ему быстро расправиться с подручным Хьюки. Пока варвар терзал защиту головореза, Хьёрса успел прийти в себя и присоединился к Форсети.

Конан оказался лицом к лицу с двумя противниками.

— Остановите бой! Это против правил! — крикнул кто-то из толпы.

Однако у Бора и Хьюки имелось собственное мнение по этому поводу. Лидер ванахеймских разбойников посчитал, что схватку можно сделать еще более интересной, и отправил Бели и Брокка помочь своему человеку.

Против варвара оказалось уже четверо. Бор, посмотрев в глаза Конану, виновато развел руками, дескать, не я это придумал.

— Пора бы тебе умереть, паршивец, — прошипел Бели, первым бросаясь в атаку.

Меч киммерийца лязгнул о выброшенный в его сторону топор…

— Пора отправить в котел Хель всех мерзавцев вроде тебя, — отозвался Конан, нанося ответный удар.

Бели чудом уклонился от губительного лезвия, которое все же вкусило крови из его рассеченного предплечья.

— Конец тебе, варвар! — радостно воскликнул Форсети, набросившись на плечи киммерийцу сзади.

Внезапно битва прекратилась — все без исключения замерли, устремив взгляд в ночную мглу в ту сторону, откуда доносился стук копыт, перемежающийся с хрустом снега. Через пару мгновений у заброшенного амбара, где собрались воины, оказался целый отряд вооруженных конников.

— Именем Родвара, требую ответа! — всколыхнул пространство повелительный голос главного из всадников. — Что здесь происходит?

Разбойники неспеша переглянулись.

— Кто ты, добрый друг? — спросил Хьюки, наперед зная ответ.

— Гонец Родвара Славного, — ответил человек, одетый в дорогую скорняжную одежду. — Я приехал объявить весть о том, что могучий вождь ждет вас в Зале Факелов через два дня и две ночи. Я приехал, чтобы сопроводить вас в Аломар.

— Славная весть, — сказал Хьюки. — О, да, мы будем в Аломаре в назначенное время, можешь поверить. А что касается того, что тебе случилось видеть, то это…

— Обычная воинская потеха, — подхватил Реган Ледяной Молот.

— Это правда? — спросил посланник Конана.

— Да. Мы немного посоревновались с будущими наемниками Родвара в искусстве владения мечом, — подтвердил варвар.

— Предупреждаю — никаких схваток среди тех, кто собирается податься в услужение Родвару Канаху!

— Нет, конечно, нет, — одновременно развели руками Бели и Форсети.

На этом ночь горячих голов и острых клинков завершилась.

Часть третья. Зал Факелов

I

Отчего-то это утро показалось Ганглери особенно зловещим. Дело было вовсе не в чаде, источаемом чревом Гаррада. Мгла, сырость и неприятные, мерзкие запахи были его привычными атрибутами, и мастер грабежа успел с ними свыкнуться.

Однако его не покидало дурное чувство — Ганн непонятным образом следил за тем; как нечто необъятное, огромное, могучее, внушающее страх медленно карабкалось к самым границам сущего.

Еще не живое, но всеми силами стремящееся обрести жизнь. Казалось, весь окружающий мир притаился в ожидании некого события — тишина, за которой скрывался неизбежный миг того самого толчка, взрыва, смещения, стала как никогда обманчивой. Еще час, — или день? Но оно, обязательно, пробудится, вернется к жизни, восстанет из тьмы забвения… Ган, снедаемый смутным предчувствием, решил обратиться за советом к мастеру-колдуну.

Слова, сказанные, ведийским жрецом два года назад вновь терзали его сознание. Давно пора все забыть, избавиться от ненужных воспоминаний, стереть лишние иллюзии, но что-то все так же настойчиво напоминает о себе…

Точно дух погибшего в храме наставника Парамурди вернулся на просторы Хайбории и отныне обречен оглашать окрестности Гаррада немым криком, предупреждая об опасности все живое. Время еще есть, убеждает бесплотный дух брахмана, еще осталась надежда. Но стоит Ему проснуться — и тогда уже ничто будет не в силах обратить вспять возрождение зла. В памяти разбойника, уже в который раз проносились отголоски одних и тех же слов.

«Разве ты не ведаешь, что в служении корыстным интересам этого человека, ты рискуешь навлечь беду на мир и погубить нас всех…?»

Однако Ганглери безоговорочно верил своему покровителю. Авар Нидхеггсон был именно тем человеком, за кем пойдут тысячи воинов. И все они умрут по одному слову своего предводителя, своего командира, своего кумира.

Слово колдуна, как правило, пустой звук для обычного бойца, но только не слово Нидхеггсона. Чародей никогда не лгал, его обещание всегда оставалось нерушимым.

За последние два года Ган не увидел ни одного повода, который мог бы создать почву для сомнений. Но сейчас, когда собственный разум протестует против ожидания, а все окружающее застыло, с испугом глядя на действия великого колдуна, охотник за сокровищами больше не мог молчать.

Он обязательно должен поговорить с Аваром, и, быть может, чародей успокоит бурю, которая начала набирать силу в его душе. Таить скверные мысли — худшее из зол, на которое способен северный воин.

Наемник вошел в темную многоярусную башню и совершил восхождение в верхние покои, где Нидхеггсон проводил большую часть времени, изучая древние манускрипты и свитки. Но в этот раз колдуна не привлекали старые пожелтевшие пергаменты — Авар пребывал глубоко в пучине своих раздумий.

— Мой повелитель…

Тишина в ответ.

— Авар?

Глаза колдуна обратились в сторону вора.

— Извините за беспокойство. Если помешал, я могу…

— Нет, — уверенно ответил молодой маг. — Я весь во внимании. Что ты хотел, мой друг?

— Дело в том, что я ощущаю волнение… — несколько неуверенно произнес Ганглери. — Чувство, о котором я никогда прежде не ведал — даже во время самых опасных заданий! И вот сейчас, клянусь пламенем Альвредура, внутри моей души разразился настоящий шквал смятения.

Нидхеггсон внимательно вслушивался в слова охотника за сокровищами.

— Это похоже на… Словно будто-то над твоей головой раскачивается огромный маятник, который опускается все ниже, и ниже, и ниже. Неизвестно в какой момент он снесет тебе голову. Кажется, что острое лезвие меча Рока уже занесено над тобой…

— Ты чувствуешь, как пробуждается Он, — сказал маг. — Скоро настанет миг, когда вернется к жизни Великий, Хозяин Гаррада.

— Но разве не вы хозяин Гаррада, мастер?

Черный чародей мягко усмехнулся — безо всякого презрения.

— Гаррад — лишь часть того королевства, которое вскоре будет восстановлено в этих землях, и зовется оно Хельгард. Его хозяин — Хёггсен Богопротивник, тот, кто некогда принес ветер Рагнарёка в жилище Хара.

— О, клянусь волосами Атали, вы выбрали лукавого и коварного союзника, ярл Авар! Легенды…

Нидхеггсон махнул рукой.

— Никогда не верь слухам, распространенным в народе, поскольку происходят они в большинстве своем из-за невежества и страха перед мощью богов. Ни одному смертному никогда было не под силу занять высокий трон Хара или черное кресло Хель, а потому они поклоняются тем, кто сильнее их. Хёггсен в свое время оказался первым, кто обратил взор в сторону людей и решил потеснить Игга. И знаешь, кого бы он посадил на трон вместо своего великого свергнутого брата?

Человека! Смертного, ничтожного смертного, во имя зависти покоренных богов! Того, которым асы помыкали и управляли на протяжении веков. Заносчивость Хара всегда потешала Хёггсена, он хотел доказать Отцу Дружин, что его порядок уже пришел в упадок, настало время перемен. Жаль, что планам Богопротивника не суждено было сбыться — все зашло слишком далеко, свержение Игга обернулось разрушительной войной, которая сожгла северных богов.

Впрочем, когда Хёггсен воскреснет, тень прошлого вновь обретет свою форму. Только на этот раз Богопротивнику нужен не просто северный край Хайбории, а весь мир! Весь мир, Ган! Мир, которым будет править достойный человек!

— Значит, вы решили стать правителем мира, ярл Авар?

— Как раз над этим я и думал, — серьезно сказал Нидхеггсон. — Да, я помогу Хёггсену вернуться к жизни. Да, я соберу для него великую армию. Да, я подготовлю все необходимые орудия для того, чтобы Богопротивник смог потеснить Митру, Иштар и Крома — всех, кто, поспешно усевшись на трон, захватил власть в мире и не хочет делить ее со смертными. Но достоин ли я быть королем…?

— Я думаю, вы достойны носить корону, мой повелитель, — сказал Ганглери чародею.

— Почему ты так думаешь, мой друг?

— Вы умны, справедливы, расчетливы и сильны. Как раз такими качествами и должен

обладать король, чтобы удерживать свой трон.

— Трон любого из земных королевств, но не всего мира, Ган! Мои силы кажутся мне слишком скудными. Я не вправе принять эту великую должность. Мне нужно быть многим, многим сильнее!

— Сильнее, чем вы есть, мастер, быть нельзя.

— О, ты ошибаешься, мой друг. Я могу стать сильнее, в тысячу раз могущественнее, стоит только найти одну вещь…

— Одну вещь? — заинтересовался наемник.

— С ее помощью мои силы возрастут настолько, что без колебаний смогу принять корону всего мира.

— Ради вас, повелитель, я готов следовать хоть на край света — только скажите.

— Вообще-то, я хотел посоветоваться с тобой, что ты думаешь насчет нового задания, но поскольку ты сам предлагаешь свою помощь… Скажи, Ган, почему ты это делаешь?

— Я не знаю ответа на этот вопрос, ярл Авар. Сначала я шел сюда, чтобы спросить совета по поводу происходящих вокруг изменений и, признаться, даже засомневался в правильности ваших действий. Но теперь я снова вижу свою цель, а она заключается в том, чтобы до конца идти за своим предводителем. Я вправе просить наказания за свои сомнения.

— О наказании не может быть и речи, мой друг. Твоя откровенность оправдывает любой из проступков. Впрочем, сомнение я к таковым не отношу. Сомневаться — значит выбирать собственный путь, а не идти вслепую за кем-то, кто сильнее тебя. А раз уж ты следуешь за мной по собственной воле, я имею право доверять тебе и прислушиваться к твоим советам, Ган.

— Это честь для меня, светлейший.

— В равной степени и для меня. Поверь, за все твои старания и за твою преданность в будущем тебя ждет достойная награда.

— Я знаю, мой повелитель. Итак, что вы желаете получить, чтобы увеличить свою мощь и стать достойным приемником Богопротивника?

— Слезы Крома. Киммерийский бог ронял на горячую от крови землю соленую влагу, оплакивая Тюра и его отца. Хёггсен подсказал мне, что в слезах подземного владыки, покинувшего мир смертных после Рагнарёка, заключена сила богов.

Если ты бы сумел достать хотя бы пару прозрачных кристаллов, в которые обратились Слезы Крома, я бы непременно нашел способ извлечь из них силу темного покровителя Киммерии.

— Я достану этот предмет, мой ярл, можете не сомневаться. По сравнению с Клыками Асуры, это задание будет не опаснее детской забавы.

— Что ж, я верю в тебя, мой друг. Иди и возвращайся с успехом.

Ганглери ушел, оставив молодого мага наедине с собой.

Нидхеггсон простоял в одной позе несколько мгновений, потом внезапно вздрогнул. Его внимание привлек не звук удаляющихся шагов наемника, но едва заметное колебание воздуха. Словно поодаль от чародея в комнате висел призрачный силуэт, искаженная размытыми очертаниями фигура, которая до этого момента впитывала каждое слово, произнесенное в верхних покоях.

— Подслушиваешь? — обратился Нидхеггсон к размытому и прозрачному точно медуза силуэту. — Неужели ты услышал что-то интересное, чужак?

Авар искренне усмехнулся. Силуэт дернулся, словно раздумывая, проплыл в другой угол

зала, затем медленно растаял в воздухе.

II

Старик Тьяцци брел по лагерю неуверенной походкой, время от времени неловко покачиваясь и рассыпая себе под ноги грозди, самых замысловатых проклятий. Его можно было принять за очень усталого путника или же человека, скованного тяжким недугом. Однако резкий запах спиртного и мутный взгляд из-под седых косматых бровей, устремленный вдаль, дополняли картину специфическими штрихами. Что-то невнятно бормоча и причмокивая, Динхвалт с трудом добрался до костра, возле которого сидели Конан, Миррейа и Тарланд. Четверо странников во время путешествия до Аломара держались вместе — не ровен час Хьюки или Бор вновь дадут волю своим людям поразвлечься. Впрочем, головорезы не досаждали четверке после той ночи, хотя и Конан и его попутчики знали, что это всего лишь вопрос времени.

— Я путешествовал вместе с духами над снежными равнинами Нордхейма, — костлявая рука вцепилась в плечо Конана, прорицатель покачнулся и, если бы не варвар, непременно завалился лицом в костер. — Их длани влекли меня далеко-далеко во мрак, в самую гущу туманов, мой мальчик… Я пытался высвободиться, но покойники не выпускали меня, пока не принесли в темную обитель, и там они меня оставили. Клянусь своей бородой, там было настолько жутко, что я едва не потерял рассудок. А каких усилий мне стоило вернуться в собственное тело… Но, алмазы Эрлика! Было и вознаграждение. Я видел весь Полуночный край, как на ладони!

— Тоже мне магия, — скривился Тарланд. — Мне кажется, уважаемый, что это вино нашептало вам сладкие сны. Чародейство здесь ни при чем.

— Клевета! — с яростью воскликнул старик, тряся бородой, при этом глаза его грозно сверкнули, когда он посмотрел на аквилонского мага. — Я видел Гаррад, а мой мятежный дух был заточен в башне Авара Нидхеггсона, в верхнем покое. Духи мертвых — все это их нечистые проделки! Они затащили мою душу в это жуткое место и никак не хотели меня выпускать.

— Тогда ты, наверняка, успел подслушать, о чем говорил нордхеймский колдун?

— Конечно. Он был на расстоянии вытянутой руки от меня, и я слышал его также ясно, как слышу сейчас тебя.

— И какие же у него планы? — немного подумав, спросил Гарланд.

— Он хочет выпить слезы Крома, — шепотом сообщил Динхвалт.

После этого аквилонский чародей задумчиво уставился в костер, оборвав разговор. Вероятно, юноша решил, что старый предсказатель и вправду безумен, точно дикая собака. Однако Миррейа оказалась более сообразительной, нежели ее брат. Она-то догадалась, что «выпить слезы Крома» означало заполучить власть над Слезами Крома, магическим кристаллом, который, согласно легенде, был порожден горем киммерийского бога.

— Очень интересно, — вздохнула юная волшебница.

Это небольшое проявление эмоций выдало далеко не все ее мысли. Несмотря на свою наивность, аристократка из Аквилонии всегда преуспевала в решении задач своего ордена.

— Я полагаю, в войско Родвара вы желаете вступить по той же причине, — сказал Конан. — Даже Аквилонии не дают покоя новые владения ярла-чародея, верно?

Миррейа оторвалась от своих мыслей.

— Причина не в Гарраде или его владыке, — пояснила девушка. — Глава нашего ордена,

Его Светлейшество Канерес Златобородый, обнаружил в Ванахейме, если ты хочешь знать, куда более опасный источник бед.

— И, тем не менее, вы направляетесь в Гаррад с наемной дружиной Родвара.

— Это так. Поскольку его местонахождение совпадает с источником развития еще более опасного зла. Хотя я бы сказала, что ни Нидхеггсон, ни его армия не представляют опасности для нашего королевства. Каким бы сильным колдуном он не казался, ему не выстоять против объединенной мощи магов Аквилонии. Здесь другое — с ярлом Гаррада связана какая-то загадка, тайна — которая, впрочем, при позднем обнаружении может привести к гибели целого мира. Источник сил Авара должен быть уничтожен, так нас наставлял верховный маг.

— И он послал вас двоих с этой миссией? — не поверил киммериец.

— Ну да, — уверенно кивнула Миррейа. — Мы с братом числимся лучшими магикосенсами ордена.

— «Магико»? — выговорить слово полостью варвар не сумел. — Я думаю, у вашего светлейшего в голове одна солома, раз он доверил это дело вам.

— Почему? — возмутилась девушка.

— Я бы и медной монеты не поставил на то, что вы вдвоем смогли бы добраться до нужной области Ванахейма без чьей-либо помощи.

— Видишь ли, Аквилония также не хочет войны с Нордхеймом. Это может ослабить королевство, что повлечет за собой вторжение. С Заката пикты не преминут воспользоваться такой прекрасной возможностью. Да и зингарские захватчики уже давно дожидаются удобного часа. Объявлять войну Нордхейму мы ни в коем случае не можем. Поэтому солдат в сопровождение нам не дали, во избежание, так сказать, идентичности открытому вторжению в ванахеймские земли. Но глава ордена, Его Светлейшество Канерес Златобородый, снабдил нас грамотами и деньгами, чтобы мы сами могли нанять себе проводников.

— В этих краях грамоты ценятся не больше куска обычной древесины. А деньги у вас бы отобрали разбойники, едва вы ступили на широкую дорогу.

— Но…? — глаза чародейки округлились, словно она слышала о таком варианте развития событий впервые в жизни. — Но ведь этого просто не может произойти! Да и теперь ты нас защищаешь…

— О, Кром… Нельзя же быть такой беззаботной, клянусь небом!

Конан не стал говорить, что после Аломара, возможно, их пути разойдутся. Он и сам был вынужден признать, что мысль об участии в походе на Гаррад становится для него все более привлекательной. Если Хьёрса и Реган считаются себя героями, способными свалить башни темного города, то неужели он хоть в чем-то уступает этим воякам?

Да к тому же нельзя оставлять этих горе-волшебников. Их при желании может прирезать любой киммерийский юнец, не говоря уже о воинах Нидхеггсона или опасных союзниках, вроде Форсети или Видара. Третья причина, почему следует становиться под знамя Родвара — это то, что представится шанс вернуть расположение верховного Канаха, с которым у Конана в последнее время бывали случаи взаимного недоверия и непонимания. И последнее: Эорд Изгнанник. Человек, обещавший помочь ему, находится в плену у Авара.

Выходит, негодяй Тьяцци оказался прав? Спустя несколько дней он будет пировать в залах Аломара? Что ж, возможно, рок или судьба действительно существуют. Пусть не в таком виде, к которому привыкли бессильные трусы, неспособные ничего изменить в собственной жизни, но все же существует.

— Когда мы доберемся до Аломара? — спросил Конана аквилонский маг, оторвав взгляд от костра.

— Если не будем останавливаться на отдых слишком долго, то к завтрашнему вечеру, — ответил киммериец.

— А ты-то сам, Конан, зачем идешь в Ванахейм? — спросил его Гарланд, словно уловив недавние мысли варвара.

— Вскоре я узнаю ответ на этот вопрос, — сказал Конан.

В ту ночь старого Тьяцци сковало безумие. Бред прорывался в бессвязном бормотании, из которого становилось ясно, что духи покойников вновь терзают разум предсказателя.

— Шесть… — шептал Динхвалт, судорожно мечась по своей подстилке, бессильный разорвать тугую пелену сна. — Шесть предметов! О, спаси нас светлый Аургельмир! Нидхеггсон уже заполучил два. Беда, беда! Скоро пробудится Богопротивник, и тогда свет Альвредура померкнет, и тени заполонят мир, и кровь зальет землю. Бесчисленные несчастья ожидают нас впереди, о, горе… Шесть предметов!

— Шесть, — неожиданно для себя повторил Конан, вторя словам Динхвалта. Потом стряхнул оцепенение. — Какого демона творит Авар?

III

Прибытие в Аломар оказалось событием значительным и как нельзя лучше запоминающимся. В Зал Факелов тянулись целые вереницы обозов, в огромные каменные врата без конца въезжали конные воины. В услужение к Родвару спешили десятки, сотни наемников изо всех уголков северного края. Впрочем, на службу к верховному канаху желали поступить не только местные сорвиголовы, но даже искатели приключений с Восхода и далекого Полудня. Надо сказать, Родвар по-настоящему позаботился о том, чтобы его альтинг нашел отклик в сердцах всех наемных воинов. Мед и вино разливали прямо на входе из огромных бочек, чарки и вместительные глиняные кружки передавали всем въезжающим во владения Родвара гостям. Свет тысяч факелов орошал землю сумасшедшими бликами, которые слепили сильнее полуденного солнца. Шайка Хьюки, насколько заметил Конан, уже прибыла в Аломар. Бели и Брокк вдосталь угощались вином, Видар и Форсети как всегда развлекались тем, что приставали к молодым красавицам. Лидер банды разговаривал с каким-то огромным бородачом едва ли не в семь с половиной футов ростом — человек сцепил свои могучие руки и хмуро поглядывал на Хьюки из-под своих кустистых смоляных бровей.

Тьяцци, шедший справа от Конана, о чем-то неустанно ворчал, и было похоже, что окружающее мало интересовало его.

Другое дело Миррейа и Тарланд. Маги просто пожирали глазами предметы диковинной обстановки. Но если взгляд юноши полонило живое удивление, скрепленное интересом, то молодая чародейка изучала окружение с неприязнью, глядя на длиннобородых северян с изрядной долей презрения. Казалось, с ее губ вот-вот сорвется горькое изречение, вроде: Варвары, одно слово варвары…»

У массивной каменной колонны, воздвигнутой у самого входа в покои вождя киммерийцев, Конан приметил Торрада Великана и Ингурда Снежного. Невдалеке от них он отыскал взглядом и Регана — асир хвалился перед другими воинами своим чудесным оружием.

Гретты не было видно — верно, лидера наемников пригласили в покои обговорить кое-какие дела. Головорезы Бора еще не подоспели, впрочем, варвар был уверен, не успеет на небе появиться первая звезда, как они уже будут здесь.

Помимо известных киммерийцу бойцов у Зала Факелов собралось еще сотни три наемников изо всех земель. Конан узнал знакомых по Данакару шемитов, закутанных в черную ткань. Здесь же были и двое вендийцев, из-под меховых шуб которых проглядывали неестественно яркие оранжевые рясы.

На входе киммериец заметил, могучего беловолосого асира. Его Конан не знал, но, судя по первому впечатлению, которое редко подводило варвара, северянин происходил из нордхеймской воинской знати. Возможно, херсир или даже ярл.

Белые волосы воина были аккуратно зачесаны назад, но не заплетены в косу, как у многих вождей его народа. Глаза цвета айсберга спокойно изучали пеструю толпу наемников. Спустя какое-то время человека окликнули, и он удалился в чертоги Родвара.

Конан узнал его имя. Асира звали Олав. Что-то подсказывало киммерийцу, что именно этот воин с властным взглядом и могучими мышцами будет играть важную роль в походе, который собирает верховный вождь канахов.

Внимание варвара привлекли еще двое людей, выделявшихся своим необычным видом. Один долговязый, точно жердь, в одежде из странных кожаных повязок, опоясывающих практически все тело.

Неизвестный портной, словно специально, скроил такой наряд, чтобы тот полностью скрывал открытые участки кожи владельца — даже кисти были одеты в блестящие черные перчатки, а лицо человека прятала кожаная маска.

— Кто это? — спросил Конан старого предсказателя. — Почему он так странно одет?

— Это Тарн, Сын Гарпии, — ответил Динхвалт. — Говорят, его отцом был человек, а матерью — ужасное порождение Хеля. Может, враньё; а, может, и правда. Его обличье настолько ужасно, что он вынужден скрывать его под маской. Ходит молва, тот, кому доводилось видеть его лик воочию, падал замертво.

— Я бы не упал, — уверенно сказал Конан. — А кто вон тот?

Киммериец указал на приземистого человека, с лысым затылком, коренастого, словно горный карл. На наемнике висело такое количество амулетов и талисманов, что, казалось, он только что обворовал сокровищницу Кесар Шаха и нес все награбленное на себе.

Несмотря на то, что человек стоял в отдалении, даже с такого расстояния нюх киммерийца сумел учуять душную вонь от дешевых колдовских снадобий. Глаза человека постоянно метались по сторонам, словно он что-то потерял и теперь никак не мог найти.

— Карракх, Заклинатель драконов, — пояснил Тьяцци. — Самый известный мастер по укрощению этих крылатых чудовищ.

— Но разве драконы не вымерли? — спросил старика Тарланд.

— Многие в это верят. Наверное, все кроме самого Карракха. А пойди-ка ты ему скажи, что никаких драконов больше нет, и он рассмеется тебе в лицо.

— Он что сумасшедший? — спросила Миррейа.

— Не более чем ты или я. В юности он встретился с настоящим драконом, который пожрал половину его братьев и сестер. Самому Карракху чудом удалось выжить. С тех пор он не перестает совершенствовать свое искусство укрощения этих огнедышащих бестий, веря, что в один день его ремесло может здорово пригодиться и сберечь сотни чужих жизней.

— Я бы на его месте выкинул это из головы, — равнодушно заметил Конан.

После колокола ожидания будущих воинов Родвара пригласили в чертоги Аломара, Там их ожидало еще больше еды, больше вина, больше развлечений. Уставшим с дороги показывали места для ночлега.

Долгожданный альтинг был назначен на утро, и начало великого собрания должен был положить первый луч солнца. Пока же гостям предоставлялась свобода выбора, как скоротать время, оставшееся до назначенного часа.

Конан и его трое спутников вошли в Зал Факелов. В просторных чертогах вождя уже пировала веселая орда киммерийцев. В огромном зале на огне стояли гигантские котлы, в которых готовилось угощенье для новых гостей. Бульканье и чад, окружавший емкости, вызвали появление на лице аквилонской волшебницы недовольную гримасу.

Конечно, у них на родине еду готовили в кухне замка, да еще и в маленьких-маленьких котелках, на которых любому северянину и смотреть-то жалко, поэтому столь необычная обстановка вызывала у Миррейи настоящее негодование. Цивилизованным людям, бесспорно, никогда не понять всю специфику традиций варваров.

Прибывших усаживали за высокие дубовые столы, которые тут же накрывали расторопные слуги. Голодные воины с рычаньем набрасывались на еду, едва устроившись на

месте. Конан догадывался о том, какое чувство испытывала Миррейа при виде этого безобразия, противоречащего привычной для нее культуре, особенно при виде того, как северные дикари, обнажив зубы, разрывают непрожаренное мясо с волчьей жадностью, брызгая слюной.

Но ему было наплевать на то, как его спутница относилась к традициям его народа. Тарланд вел себя более скромно, а иногда даже до смешного забавно, когда пытался подражать привычкам варваров, поглощающих пищу. Даже старик Тьяцци сначала нахмурился, а потом не на шутку развеселился, поглядев на ужимки аквилонского чародея. Тарланд, тем временем ничего не замечая, успешно справился с телячьей ногой, но вот бросить под ноги обглоданную кость не сумел — не позволял чопорный этикет, наследство аристократии.

Один раз взгляд Конана пересекся со взглядом Хьёрсы. Наверняка, Злобный уже наметил план своего возмездия — глаза северянина полыхали лютой ненавистью.

Киммериец, в свою очередь, оставался спокоен, как холодный валун. Если асир вновь пожелает продемонстрировать свой скверный нрав, ему же обойдется дороже. Пора бы задире понять, что той ночью он мог бы умереть, не останови Конан меч в долях дюйма от его глотки. Сам варвар знал, что продолжать раз за разом одну и ту же игру у него попросту уже не будет терпения. Если у Хьёрсы не хватит ума, чтобы избежать словесной перепалки и последующей за ней драки в очередной раз, пусть пеняет на себя. И катится к праотцам, раз в этом мире с другими ужиться не может!

К середине ночи прибыл Бор со своими лиходеями. Чертоги вождя канахов огласились свежими раскатами громогласного хохота. Однажды в зал заглянула Гретта, но к столу киммерийца не подошла — компанию ей составлял Олав. Двое предводителей о чем-то оживленно спорили, но поскольку это его не касалось, Конан не стал проявлять лишнего интереса. Спустя еще колокол варвар, изрядно выпив вина и пересытившись едой, уснул прямо за столом. Миррейа и Тарланд, не решаясь оставить своего проводника, тоже задремали на своих местах, хотя далось им это с великим трудом. Прорицатель Тьяцци, немного поворчав, последовал их примеру. Всю ночь их никто не тревожил, и потому они едва не проспали альтинг. Счастье, что Ингурд, проходивший мимо стола Конана заметил, что киммериец до сих пор пребывает в гостях у Гипнос-Рена, и вежливо толкнул его в бок. Такой толчок, наверное, мог бы пробудить от зимней спячки бурого медведя, но только не Конана. Варвар разразился бранью и продолжил путешествие по иллюзорному миру. Тогда Ингурд толкнул его сильнее, и, похоже, немного перестарался. Киммериец свалился с лавки и грохнулся на пол всем своим немалым весом.

В следующее мгновение он уже стоял на ногах с крепко сжатыми кулаками и громко ругался, готовый разорвать обидчика в клочья. Снежный, зная вспыльчивый характер Конана, положил одну руку на плечо киммерийца, другую приложил к губам. Варвар быстро огляделся и, убедившись, что врагов поблизости нет, и ванир хотел всего лишь его разбудить, успокоился. Ингурд указал на лестницу, ведущую на второй ярус в тронный зал, куда медленно стекался весь люд и кивнул головой. Потом убрал руку с плеча Конана и пошагал вслед за всеми.

Киммериец позволил себе зевнуть один раз, после чего бесцеремонно растолкал спящих Тарланда, Миррейу и Тьяцци. Убедившись, что сон оставил его спутников, Конан пошел по направлению к лестнице.

Альтинг открыл Вьяллар, старший сын Родвара. Киммериец не стал ходить кругами и

перешел сразу к делу и объявил, что его отец, действительно, задумал собрать войско для похода на Гаррад, тем самым, оправдав всеобщие надежды.

Потом последовала речь самого вождя канахов, который долго убеждал наемников, что исполняет волю не только людскую, но волю божественную, упомянув все знамения, через которые якобы Кром велел ему сровнять с землей нечистое место в глубине Ванахейма. Конан слышал, как тихо усмехнулась Гретта, сидевшая неподалеку от него.

Неужели сам Кром надоумил вождя собрать наемное войско и пригласить воинов даже не из окраинных земель, но изо всех концов света? Вряд ли мрачный бог Киммерии хоть что-то смыслит в политике. Наверняка, к этому делу приложили руку гандеры.

Так или иначе, план казался просто блестящим — разгромить Гаррад, не разжигая войны со всем Ванахеймом. Простой набег, обычный рейд пиратов — кто тут станет искать виноватого, и это притом, что будут разграблены владения всего-то одного ярла? Тем не менее, политику или даже самый обычный грабеж, как уже успела убедиться лидер наемников за свою долгую практику, постоянно прикрывают благородными мотивами.

Родвар продолжил речь, все больше углубляясь в детали — дескать, Кром чувствует опасность, исходящую от нечистого места, на котором расположился темный город Нидхеггсона.

Гретта опять саркастически усмехнулась, но вот Динхвалт остался серьезен, как могила. Чтобы ни в коем случае не оборвать речь владыки и в то же время доказать свою правоту, он шепотом попытался растолковать Гретте, что Родвар абсолютно прав — он и сам слышал, как стонали духи мертвецов, жалуясь на то, что из-за роста Гаррада и смрада душных подземелий изменяется благородный лик самих богов. Так что неудивительно, если Кром тяжко страдает и жалуется своим последователям на деятельность проклятого нордхеймского колдуна, приносящую одни мучения. Гретте, разумеется, было на это наплевать.

Потом фантазия Родвара выплеснулась за рамки его скромного воображения. Он стал уверять, будто Кром нашептал ему, что видел, как у Сета распустились черные крылья, а у Асуры выросли длинные клыки. (При этом два слушавших его вендийца одновременно вздрогнули). Якобы Кром разговаривал с Митрой, и тот поведал ему о боли, которая закралась в его сердце. (После этого шумно загомонили шемиты). Рассказав обо всех напастях своего бога, Родвар окончил свою речь открытым призывом разрушить Гаррад и убить его владыку.

Толпы воинов разразились криками. Кто-то кричал: «Смерть Нидхеггсону!», «Сжечь проклятого колдуна!», «Убить изменника Авара!». Другие: «Вернуть покой в мир!», «Восстановить справедливость!».

Те, кто молчал, наскоро подсчитывали добычу, которая могла быть получена от грабежа владений темного ярла.

Впрочем, находились и такие, кто молчал не из-за скупости слов, а потому что отыскал подтверждение своим мрачным мыслям. Такие поистине поверили, что Авар Нидхеггсон — настоящий враг, а не просто владелец казны, которую надо опустошить.

Именно последним Вьяллар и уделил особое внимание.

— Тишина, доблестные воины! Все мы одинаково знаем, что темному ярлу, владыке мрака нужно преподать урок. Наказание — смерть! Но я догадываюсь, что не все вы идете в Гаррад по одинаковым причинам. Я обращаюсь к тем, кто готов отказаться от своей доли добычи, к тем, для кого золото не главное, а главное — то, что общий враг Нордхейма и

Киммерии должен бесследно сгинуть. Ибо тем, кто поклянется идти до конца, презрев опасность и отбросив надежду на получение дорогих трофеев, будет особая слава и почет!

Молчание.

Вряд ли кто-то из наемников собирался в поход на Гаррад по своим идейным убеждениям. Однако, Вьяллар был далеко не так глуп, взывая к подобной инициативе. Гарланд и Миррейа разгадали его замысел — сын вождя выбирал тех, на кого можно было опереться в походе, как во время кровавых битв, так и в принятии тактических решений, зная, что они не подведут. Не сломятся под гнетом лишений, не прельстятся блеском сокровищ, не переметнутся на сторону врага, пообещавшего большую награду.

Наемники упорно молчали, не желая откликаться на предложение Вьяллара. Большинство из них было уверено, что сын вождя либо шутит, либо ищет в них какую-то слабость. Вьяллар, напротив, искал в своих людях сильные стороны.

Молчание уже стало неловким. Но сын Родвара упорно ждал. Наконец, нашлись те, кто выступил из общей массы воинов.

Первыми оказались двое вендийцев, которые встали со своих мест и скинули меховые одежды, оставшись в одних оранжевых рясах.

— Я клянусь, — сказал тот, у кого на лице были проведены две красные полосы от левого виска до переносицы.

— Клянусь Асурой, я дойду до самого Гаррада и вырву колдуну его проклятое сердце, — подтвердил второй, со сбритыми бровями и символом на лбу в виде падающей звезды.

Северяне удивленно уставились на жителей далекой страны, лежащей на Восходе.

— Ваши имена, благородные воители!

— Синкху Пленитель и Паарадж Светлый, — ответил один из вендийцев.

— Так вы признаете Авара Нидхеггсона своим врагом?

— Кровным. Врагом наших детей и врагом наших внуков. Мы будем преследовать того, кто украл священный артефакт и оказался повинен в гибели нашего наставника, пока он не испустит последний вздох, и да покарай нас Светлейший, если с наших губ сорвалась хоть капля лжи.

— Почему же вы желаете смерти колдуна Гаррада?

— По его приказу из нашей обители был унесен предмет — о, гнев Асуры! Предмет, который может принести погибель нашей родной Вендии. А вслед за нашей страной одно за другим падут все королевства Заката. Бесчисленные беды для всего мира вынес проклятый маг на свет из тьмы нашего храма.

— Что за предмет вы хранили в своем храме?

Синкху нахмурился, но второй Святой Хранитель, который после смерти Парамурди занял место своего учителя, разрешил ему продолжить.

— Теперь не имеет смысла скрывать тайну того, чего уже коснулись лучи солнца, нарушившие роковую печать. Говори, Синкху, брат мой…

— Это древний артефакт зовется Клыки Асуры и это то, что некогда потерял наш добрый покровитель. Но, клянусь пылающими очами Катара, лучше бы этот предмет никогда не был найден! Нам стоило больших трудов разузнать имя проклятого вора, похитившего святыню из храма, ибо он был ловок и скрытен, как ночной демон. Еще больших трудов нам понадобилось затратить, чтобы отыскать след, куда грабитель отнес ценный артефакт. Неудивительно, что мы проделали сотни лиг пути. Остались непройденными еще несколько десятков — до владений Авара Нидхеггсона, мрачного Гаррада!

— Я принимаю вашу клятву, — долго не раздумывая, ответил Вьяллар.

Потом снова оглядел зал.

— Есть ли еще кто-нибудь, кто желает смерти ванахеймского чародея больше всего на свете?

— Я желаю, — почти одновременно ответили Тарн и Карракх, и удивленно посмотрели друг на друга, поскольку были незнакомы.

— Сначала говори ты, высокий воин, — обратился Вьяллар к Сыну Гарпии.

— Я — Тарн, я Тот-кто-проклят-светом, — с горечью заявил человек в кожаной одежде. — Знает ли хоть кто-нибудь из вас, что значит быть порождением мрака, изгоем, которого ненавидят без исключения все люди? Представляет ли хоть кто-нибудь, что значит получать вместо ласки и нежности постоянные побои, испытывать унижение только за то, что ты уродец? Когда я жил с матерью…

Голос Тарна сделался хриплым и зловещим.

— … я не понимал этого. В гнезде, на самом высоком пике, среди плывущих по небу туч, я чувствовал себя свободным ото всех предрассудков, далеким ото всех гонений. Я был мал и глуп, ха! Несчастный я простак! Я думал, что вся оставшаяся жизнь будет такой же радужной, как и детство, будь проклят этот несчастный, мерзкий, жестокий мир! Но настал тот черный день, когда мать решила, что пора мне навестить отца. О, да, она любила его, несмотря на то, что он был простым человеком… Мать-гарпия принесла меня в его скверное, вонючее жилище, они просидели вдвоем всю ночь, любуясь на звезды, а я все время думал, когда же, наконец, мы вернемся домой, в родное гнездо. Наутро она улетела, чтобы принести для меня пищу, поскольку охотиться сам я тогда еще не умел. Ее не привлекала мелкая дичь, она хотела для меня самого лучшего, и потому злая судьба подсказал ей налететь на загон охотника. О, всего лишь один несчастный баран, старый, со скатанной шерстью! Будьте прокляты все люди! Они бы никогда не победили мать в честном бою, жалкие трусы. Охотник застрелил ее из лука, вонзив ядовитую стрелу в левый глаз, и она уже никогда не вернулась в дом, где жил мой отец. А я… Я остался жить у моего отца-человека, и с той поры начались самые страшные кошмары, о которых я доселе не ведал даже во сне. Жить среди тех, кто презирает тебя, ненавидит и не понимает, среди тех, кто готов вонзить тебе под ребра нож, только для того, чтобы избавить мир от ужасной ошибки природы. Да, презренные, никому из вас никогда не побывать в моей шкуре, а жаль! Тогда бы вы убедились, насколько неприятно смотреть в глаза тому, кто не питает к тебе ничего, кроме жгучей ненависти. Стоит всякому увидеть мое лицо, и он уже кричит, не помня себя от ужаса. Вы и сейчас, готовы разорвать меня, едва взглянув на мой ужасный лик, неправда ли?

С этими словами Тарн сдернул с лица кожаную маску. У многих действительно вырвался невольный вскрик страха. Вид Сына Гарпии без своей темной личины казался действительно ужасен. Лицо Тарна было серым, как старый камень, и морщинистым, все в кожистых складках, точно прошлогоднее тесто. Из-под раздвинутых губ торчали желтые клыки, ощеренные в усмешке. Насладившись произведенным эффектом, Сын Гарпии вернул маску на место.

— Вы боитесь того, что не поддается пониманию, того, что вызывает всеобщее отвращение, постоянно стремясь раздавить, размазать, уничтожить мерзавца, даже не заботясь о том, чтобы заглянуть в его душу. Разве я сказал хоть слово неправды?

— О, нет, уважаемый Тарн, — ответил ему Вьяллар. — Все сказанное тобой также

истинно, как и то, что пламя Альвредура неугасимо. Но что же насчет Нидхеггсона? Почему ты хочешь уничтожить его?

— Все очень просто, — с усмешкой ответил Тарн. — Я оказываю услугу вам, недостойным. Авар — такой же урод, как и я, которого все ненавидят. А за свою жизнь я научился разделять ваше презрение, ненавидя себя, ненавидя всех, кто похож на меня. Я убью колдуна в угоду вам, проклятым, и, быть может, тогда вы поймете, что я совсем не такой, каким меня привыкли видеть.

— А, может, ты присоединишься к нордхеймскому чернокнижнику и вдвоем вы объедините свою ненависть против нас? — выкрикнул кто-то.

Тарн одним летящим прыжком оказался возле дерзкого наемника. Северянин охнул — Сын Гарпии неожиданным рывком сдернул маску и оскалил желтые клыки в лицо воину.

— А, может, мне съесть тебя прямо сейчас? — проревел он и плотоядно облизнулся.

Наемник в ужасе попятился и перевернул лавку, грохнувшись на пол под хохот своих дружков.

— Я принимаю твою клятву, Тарн, — сказал Вьяллар.

После этого сын чудовища вернулся на место.

— А как насчет тебя, воин? — обратился сын Родвара к Каррахху. — Почему ты жаждешь погибели Нидхеггсона?

— Чародей Авар держит в услужении дракона, — произнес заклинатель. — А я ненавижу драконов и всех, кто с ними дружит! — Лицо приземистого человека исказило настоящее безумие.

— Твое имя?

— Карракх, — ответил заклинатель, заметно успокоившись, севшим голосом.

— Я ничего не знаю о твоей неприязни к драконам, Карракх, но нам важны не эти зубастые чудовища, а колдун Гаррада.

— Я же сказал:…и всех, кто с ними дружит.

— И ты клянешься преследовать Нидхеггсона, даже если убьешь огненного змея?

— Клянусь. Рассадник зла должен умереть. И я, поверь, об этом позабочусь.

— В таком случае, я принимаю твою клятву.

Вьяллар снова обвел взглядом толпу наемников.

— Кто-нибудь еще?

На этот раз поднялся шемит, глава темной секты ассасинов.

— В эти края нас привели не деньги, — произнес он с Полуденным акцентом. — Дружба и согласие, общие интересы, У нас есть то, что стремится заполучить Авар-шаман. Это Алый Стилет, кинжал, скованный из железа и крови Шайтана. Он нужен Нидхеггсону, а, вернее, его повелителю, чтобы убить Митру. Однако мы признаем это священное право за собой. Митра должен умереть, таков наш закон. Но сие свершится не сейчас — быть может, через десять лет, быть может, через сто, а то и через тысячу — решение должно быть вынесено высшим суд ордена, а он не ошибется в определении назначенного времени. Но уж никак не Авар-шаман, который в своей алчности торопит события, а посему мы приговариваем нечестивца к наказанию. Смерть колдуну Гаррада!

— Алый Стилет? — поднялся Тарланд. — Вы носите с собой это богопротивное оружие?

В ответ на слова волшебника темный убийца клана вытащил коралловые ножны из своей сумки и обнажил лезвие клинка. Его цвет действительно напоминал свежую кровь,

кинжал неярко полыхал в утреннем сумраке.

— Это наша святыня. Она не должна достаться колдуну из Ванахейма. Скорее, мы проткнем его сердце этим же стилетом, чем расстанемся с драгоценным клинком в пользу неверного!

— И вы понесете его с собой в Гаррад? — усомнился Реган.

— Да. Но только для того, чтобы сохранить его святость.

— Очень похоже на ловушку… — уже тихо произнес Ледяной Молот.

— Клянетесь ли вы убить Нидхеггсона при первой возможности? — вопросил сын Родвара главу ассасинов.

— О, великий, клянемся… Я, Икнет, и мои братья, Бушан и Самоон, клянемся четырьмя лапами Шайтана! И да вытекут наши глаза, отвалятся уши и отсохнет болтливый язык, если мы хоть единожды преступим данное тебе слово. Эта страшная клятва скреплена нашей кровью…

С этими словами Икнет сделал надрез на тыльной стороне ладони, позволив алым каплям упасть на пол. То же самое повторили Самоон и Бушан, а за ними все их помощники.

— Во имя Шайтана! — завершил ритуал глава секты.

— Клятва принята, — одобрил таинство Вьяллар. — Еще кто-нибудь желает присоединиться?

— Мы. Это было сказано Миррейей и Тарландом.

Лицо юноши казалось как никогда суровым.

— В Гаррад, как я вижу, действительно стекается все зло, — сказал юный чародей, мрачно взглянув на ассасинов из Шема. — Не зря наш учитель указывал нам на это место.

— Мы, призваны раскрыть тайну большего зла, нежели темные владения мага, — продолжила его сестра. — Но разгадка, очевидно, связана с личностью Нидхеггсона. Поэтому мы клянемся вычеркнуть нордхеймского колдуна из списка живых — если это поможет в решении проблемы. Однако даже если на этом наша миссия не завершится, мы пойдем и дальше, а пока же даем слово всеми силами способствовать гибели ярла Авара Нидхеггсона. Слово магов Аквилонии!

— Я подтверждаю вашу клятву, — сказал сын вождя. — Полагаю, это все? Или есть еще достойные смельчаки?

— Есть.

Конан выпрямился в полный рост.

— Я иду в Гаррад.

— И ты клянешься убить Авара Нидхеггсона?

— Да. Если того потребуют обстоятельства, — добавил киммериец, вызвав общий ропот.

— Да этот мерзавец продался чернокнижнику со всеми потрохами! — выкрикнул Хьёрса.

— Подтверди свои слова доброй сталью… если кишка не тонка, — спокойно сказал Конан, даже не обернувшись в сторону асира.

Северянин тут же вскочил, хватаясь за оружие, но Ингурд и Торрад удержали его.

Вьяллар предостерегающе поднял руку.

— Нам совсем ни к чему ссоры в Зале Факелов. Почему ты, Хьёрса, полагаешь, что Конан может служить интересам враждебного мага?

— Потому что он подлец, каких мало. Это же ясно! — скрипя зубами, произнес

Злобный.

Лицо сына Родвара побагровело от злости.

— Его я знаю не в пример больше тебя, асир, — с угрозой произнес Вьяллар. — Способность к предательству и лживость не числятся в личных качествах Конана. Поспеши же объяснить свои слова, Хьёрса, не то я сам вызову тебя на поединок!

Хьёрса застыл — наполовину в изумлении оттого, что сын вождя так явно заступается за его неприятеля, наполовину в страхе — согласиться на поединок с отпрыском виднейшего из киммерийских вождей в этом месте и в это время равносильно казни. Пусть даже поединок будет честным, и он не нарушит ни одного из правил, убийство любимого сына Родвара никого не порадует. Злобный не знал, что молвить.

— Я объясню, — произнес Конан.

Асир бросил на него быстрый недоверчивый взгляд.

— Четыре года назад Авар спас мне жизнь. Моя гордость требует вернуть неоплаченный долг. Поэтому я не могу сказать, что, отправляясь в поход, я обязательно убью ванахеймского мага. Но я говорю: да, я убью Нидхеггсона, если того потребуют обстоятельства. Клянусь своей свободой!

Клятва такой ценностью, как свобода, считалась среди киммерийцев нерушимой. Поэтому Вьяллар не стал вдаваться в расспросы, уверившись сказанными Конаном словами.

— Твоя клятва принята, — кивнул он. — Это все, кто желает участвовать в походе не ради вознаграждения?

Оказалось, что все. Больше желающих принести клятву верности сыну Родвара не нашлось.

— Тогда слушайте же мое решение, о, доблестные воины! — громко объявил отпрыск вождя. — Все, кто только что скрепил клятвой свое стремление победить мрачного мага и обратить в пепел его воинство, отныне займут должность ваших капитанов!

В толпе наемных солдат поднялась целая буря различных возгласов — удивление, недовольство и, наоборот, одобрение.

— Повезло… — шептали некоторые.

— Хитро придумал, плут, — поговаривали другие.

Однако никто не посмел оспорить решение Вьяллара. Конан краем глаза заметил, как переменился в лице Хьёрса.

— Старшими над всеми капитанов я объявляю Гретту и Олава, — продолжил Вьяллар, — с ними наш род уже давно заключил прочный союз. Поход на Гаррад буду возглавлять я лично. Все остальные должны отдать поклон нашему гербу, после чего будут считаться принятыми в войско Родвара Славного и получат первую награду за участие в кампании — по двадцать сребреников на душу.

Зал вновь загудел. Решение Вьяллара показалось привлекательным для многих.

Бор и Хьюки одинаково покорились решению сына вождя Канахов. За ними последовали их люди. Все, за исключением Форсети. Для разбойника оказалось страшнее смерти попасть в подчинение к недавнему врагу. Ванир, зло сплюнув на пол зала, пошел вниз седлать коня в обратный путь. Хьюки удерживать его не стал — слишком велика казалась награда, чтобы отказываться от нее ради принципов одного из своих подчиненных. За особо звонкую монету они хоть в подземелье Крома пойдут поварами помешивать варящихся в кипятке покойников. А что Форсети? В этом походе он не так уж нужен — собственный стратег в кампании, которую продумывают другие умные головы, оказывается

лишним. К тому же, такой трус среди смелых искателей приключений привлечет общее внимание. Какое тогда уважение будет к его банде? Еще перестанут их бояться. Так что прощай, приятель…

После того, как, Вьяллар разъяснил все детали, и его отец дал наемным воинам свое благословение, народ стал постепенно расходиться из зала.

Варвар направился на нижний ярус, где собирались гуляки, жаждавшие справить последний праздник перед выступлением.

Гретта хотела, было, подойти к Конану, но, увидев радостно мчащуюся навстречу варвару Миррейу, передумала и сделала шаг в сторону. Киммериец тихо выругался, поняв, что лидер наемников впредь не станет обсуждать никакие дела в присутствии юной волшебницы и, вообще, за время похода близкими подругами они не станут.

Он бы даже побился об заклад о том, что Гретта станет нещадно поливать проклятьями весь мир всякий раз, когда будет видеть рядом с собой Миррейу-капитана, ожидающую ее приказа.

— Ну, что, капитан Конан, поздравляю с назначением! — заулыбалась чародейка.

Варвар промолчал.

— О, как же ты многословен! Разве ты не рад? Ты должен сказать: «Спасибо, капитан Миррейа».

— Мне нужно отдохнуть, — отозвался киммериец.

— Ну, и пень, же ты бесчувственный, — как-то странно насупилась девушка, и варвару показалось, что она сейчас заплачет. — Ты меня обидел… Неужели с тобой нельзя поговорить как с нормальным человеком?

Конан пожал могучими плечами.

— Прости, наверное, я слишком груб для такого прелестного создания, как ты.

— Прелестного создания! — передразнила его волшебница. — И ты такой же! Все вы такие!

Варвар замолчал, не зная, что бы ему сказать такого, чтобы не запутаться в словах еще больше. Миррейа, видя, что ничего стоящего она от него не добьется, развернулась и побежала прочь. Киммериец был готов поклясться, что видел, как в ее глазах задрожали слезы. Тарланд, отправившийся на поиски сестры, стал невольным свидетелем сцены. Так ничего и, не поняв, маг пустился догонять сестру.

Конан едва заметно покачал головой.

Через четверть квадранса к нему вернулась Гретта, почему-то лукаво улыбаясь,

— Это ты довел до слез очаровательного ребенка? Ах, прости, капитана Миррейу.

Киммериец ничего не сказал в ответ.

— Ладно, не бери в голову, — ободряюще улыбнулась командир наемников. — Она сама не знает, чего хочет. А, вообще, по секрету, девчонка от тебя без ума. Уж я-то знаю, поверь.

— Мне все равно.

— Ну, не стоит принимать это так серьезно. Просто шучу, хорошо? А теперь о серьезном — в полдень состоится совет предводителей войска с целью, так скажем, уточнения некоторых деталей. Назначенные на должность капитанов обязательно должны присутствовать.

— Я буду.

— Славно. Пока можешь расслабиться, только чересчур не увлекайся. Ладно, чуть позже увидимся.

Почему-то Конану безумно захотелось напиться.

IV

Вьяллар на военный совет не явился — старший сын Родвара занимался организацией дружины, поэтому главными были Олав и Гретта. Командиры наемников дождались, пока в зале соберутся все отмеченные Вьялларом бойцы. Они пришли — Конан, пара аквилонских магов, шемиты-ассасины, Тарн, Карракх и два вендийских жреца. Главным вопросом по-прежнему оставался поход на Гаррад, однако, на этот раз основное внимание уделялось деятельности Нидхеггсона.

Чтобы переиграть врага в стратегическом плане, требовалось достоверно знать обо всех его действиях, следить за каждым его шагом.

— Правильнее будет утверждать, что в настоящее время Гаррад представляет лишь потенциальную угрозу, — сказала Гретта. — Нидхеггсон, словно зверь, затаился в своем логове, выжидая удобного момента, чтобы напасть. Чародей копит силы, собирает войско — но в какой момент он нанесет удар?

— Сразу, как только придет время, — ответил Олав. — Тогда ярл в первую очередь двинет армию на ближайшие земли и спалит их дотла.

— С чего бы Авару нужно выжидать? Почему не напасть — ведь к настоящему моменту у него уже есть все, чтобы завоевать добрых пол-Асгарда.

— Нидхеггсон — всего лишь исполнитель воли того, кому подчинена его душа и его разум, — сказал Паарадж. — Без веления своего божества колдун не сделает и шагу.

— Кто же это мрачное божество? — подал голос Тарн.

— Хёггсен, — с уверенностью ответил Конан.

— Да, это Хёггсен, который спит глубоко в подземном царстве Хельгарда, темного мира, что не так давно разверзся под владениями ванахеймского ярла, — подтвердил Олав. — Авар выжидает время, нужное для того, чтобы Богопротивник обрел полноценную жизнь в реальном мире. Тогда Хеггсен восстанет из мертвых и возглавит воинство мрака.

— Сомневаюсь, — в ответ на это высказался шемит Икнет. — Богам нет совершенно никакого дела до людских дел, пока те не начинают их тревожить. Но даже тогда Высокие не опускаются до того, чтобы брать на себя руководство над делами смертных. Этот Хёггсен-хитрец желает добиться исполнения своих желаний, и ему нет дела до людей, даже до таких великих, как Авар-шаман.

— Что же нужно Богопротивнику?

— То же, что и людям, только на более высоком уровне.

— Что ты имеешь в виду?

— Авар-чародей поведет армию мертвецов, в то время как Хёггсен затеет войну с себе равными, поводы для которой ничем не отличаются от людских. Это либо месть, либо желание власти.

— Митра, самый могучий владыка мира, окажется его главным врагом, — добавил Бушан.

— И Алый Стилет, который мы хранили веками, понадобится ему в первую очередь, если Хеггсен Коварный хочет разделаться с пламенеющим богом, — согласился со своим братом Самоон.

— Тогда почему вы не поддерживаете Нидхеггсона? — спросил ассасинов Конан. — Авар желает расправиться с Митрой, и разве не эта ли ваша главная задача?

— Ты не далек в суждениях, воин Киммерии, — нахмурился Икнет. — Пойми, время, когда Алый Стилет вонзится в сердце Митры, еще не настало. Митра — законный повелитель Хайбории, он поддерживает порядок во всем мире, и без него все придет в упадок. Да, мы убьем Митру, но еще не скоро, а лишь только тогда, когда у пламенеющего властелина появится достойный преемник, которому окажется по силам взять на себя тяжкое бремя поддержки мирового порядка. Уясни, друг варвар, боги никогда просто так не отдают свою власть, даже когда приходит время уступить трон более умному и могучему. С этой целью и скован наш кинжал — чтобы отнять жизнь у владыки в нужный момент, когда назреет время перемен. А то, что собирается совершить Авар-чернокнижник, противоречит естественному ходу вещей. Убей он Митру сейчас, и в мире воцарится хаос.

— Это как раз и нужно Нидхеггсону, — сказал Олав. — Вернее, Хёггсену. Или им обоим.

— Авар служит орудием Хёггсена, — продолжил мысль Синкху Пленитель, — у него нет своей воли, несмотря на то, что Нидхеггсон считает себя великим и независимым магом. На самом деле он исполняет то, что предсказано ему коварным божеством. Это Хёггсен придумал выкрасть Клыки Асуры, чтобы в лице нашего покровителя заполучить союзника, обратив Светлейшего к злу! Впрочем, самого колдуна едва ли ожидает достойная награда — Хёггсен избавится от него сразу, как только северный маг соберет все необходимые Богопротивнику артефакты для войны со своими сородичами.

— Шесть предметов, — вспомнил Конан. — Двумя он уже завладел.

— Первый — это Клыки Асуры, — подытожил Тарланд. — Хеггсен стремится подчинить вендийского бога. Второй, насколько мне известно, это Черный Венец из Стигии, который некогда принадлежал Сету.

— Что это за Черный Венец?

— Корона хранителя смерти. Ее Сет утратил давно, тем не менее, Нидхеггсону с помощью своего советника удалось отыскать потерю. Я полагаю, Хёггсен пообещает вернуть древний символ власти Сета в обмен на его участие в войне.

— Значит, получается, третий нужный предмет у нас, — заключила Миррейа. — С помощью Алого Стилета и поддержкой Асуры и Сета Богопротивник покончит с Митрой. Остальные боги Хайбории для этой тройки окажутся еще более слабыми противниками — они убьют Иштар, а за ней Эрлика, Крома, и любого, кто встанет у них на пути.

— Картина и так уже пугающая, — сказал Карракх. — Хёггсен настроен очень серьезно. Но, если у него и так много сил, зачем ему еще три предмета? И где они, если не в руках проклятого чернокнижника?

— В Нордхейме, — заявил Олав. — Цепь Рокка, Топор Модгуд и Слезы Крома. Мне стоило больших усилий собрать эти сведения, и оплачены они были десятком жизней. Мне лично пришлось навестить всех прорицателей, гадалок и ведьм в этих краях. Однако теперь я достоверно знаю, где их искать, а посему у нас есть хороший шанс опередить Нидхеггсона.

Слезы Крома волшебные кристаллы, замерзшие на берегу Стылых Озер, что у северных отрогов Иглофийских гор. Они нужны Хеггсену для того, чтобы превратить своего ученика в полубога, которому будет не стыдно доверить командование великой армией тьмы. Цепь Рокка потеряна где-то в холодных пещерах Хифлинга. В незапамятные времена она сковывала гигантского прожорливого волка Аккала, грозившего погубить наших северных богов. Боги оказались хитрее — с помощью этой цепи они пленили чудовище.

Но, думаю, уже тогда Хёггсен задумал использовать ненасытного гиганта в борьбе со

своими братьями. Он и вправду выпустил Аккала перед началом Рагнарёка, однако Аккал отправился утолять голод в Хель, чтобы подобно Сумраку, своему ужасному побратиму, пожирать мертвецов. Теперь же когда Богопротивник вновь получит Цепь Рокка, он будет водить на прогулку вечно голодного волка, все равно, что своего верного пса.

Топор Модгуд некогда принадлежал великанской деве. В те времена наши покровители имели власть над великанами, и оружие это было сковано специально для того, чтобы разбить войско асира Хеймдалля. С этой секирой Хёггсену не будет страшен ни один противник из ныне правящих богов. Пока что Топор Модгуд сокрыт в призрачных чертогах асгардского конунга мертвых, Видфинна. Эти три предмета еще не обрели своего владельца, потому скажу одно: нам нужно сильно поторопиться и заполучить их раньше Нидхеггсона!

— Призрачные чертоги, Аккал… — неуверенно проговорила Миррейа. — Больше похоже на легенду…

— Легенду? — жестко усмехнулся Олав, бросив на девушку недобрый взгляд. — Если черный колдун завладеет артефактами раньше нас, вот тогда получится настоящая легенда! Клыки Асуры тоже считали вымыслом, но только благодаря надзору и верной службе их хранителей.

Синкху и Паарадж согласно кивнули.

— Топор Модгуд, Цепь Рокка и Слезы Крома тщательно сокрыты от глаз людских, но это вовсе не означает, что они являют собой лишь чью-то фантазию. Если Авар доберется до них раньше нас, мы неизбежно проиграем.

— Подожди-ка, — засомневался Тарланд. — Хорошо, мы завладеем артефактами прежде противника. Но не в Гаррад ли мы держим путь? Не случится ли так, что мы сами принесем ванахеймскому колдуну все необходимое?

— Ты хочешь предложить другой план, аквилонец? — сурово потребовал Олав. — думаешь, лучше будет маршировать на Гаррад, оставив брошенными предметы, столь важные для осуществления рокового плана чародея?

Гарланд замолчал. Возможно, он действительно хотел что-то предложить, но у него не хватало решимости перечить могучему северянину, который, как видно, не терпел ни чужих сомнений, ни возражений.

— Даже если мы соберем все три, прорваться в Гаррад будет задачей не из легких, — неожиданно сказал Тарн. — Я был в тех местах. Там ходят живые трупы и бешено ревут снежные великаны. Если у тебя нет особой стратегии, Олав, можешь оставить надежду на скорую сдачу темного ярла.

— Мы еще не успели выступить, а ты уже начинаешь сомневаться. Похоже, Вьяллар зря…

Тарн медленно поднялся.

— Что Вьяллар? Зря выбрал меня капитаном? Ты это хотел сказать? Что ж, знай, командир, во-первых, мне наплевать на то, сколько погибнет народу с той и с другой стороны и, вообще, на то, сколько храбрых воинов сложат головы в этом походе. Во-вторых, мне давно наплевать на себя — оттого, что я умру, мир много не потеряет. В-третьих, в поход я иду из чистого любопытства и желания кому-нибудь помочь. Но я не участвую в абсурдных затеях, понимаешь? Сколько у Вьяллара людей? Три сотни? Пять? А у Нидхеггсона в десять раз больше одной только мертвечины! Да и потом, как ты собираешь пробиться за стены темного города, не имея подобающего вооружения — катапульт, лестниц, баллист?

— Да он стратег, — хмыкнула Гретта, видя растерянность в глазах своего

командующего-напарника.

— Будем уповать на помощь Имира, — угрюмо ответил Олав, не найдя сказать ничего лучшего.

— Раз уж разговор коснулся стратегии, было бы неплохо узнать, какие силы имеются у нас в наличии, — продолжил тему Тарланд.

— О, конечно, капитан аквилонский маг, — с издевкой произнес северянин. — Простите, что не сообщил вам этого раньше…

Олав начал смеяться, но потом резко оборвал себя.

— Послушай, аристократ, ты уже давно не на своей земле. Здесь Киммерия, а после тебя ждет Нордхейм. Здесь нет конницы, нет тяжеловооруженных рыцарей, здесь не машут яркими знаменами и нигде не реют позолоченные штандарты. Здесь есть одна толпа малоуправляемых людей с топорами и мечами, и этот сброд — все твое войско. Капитан — это не тот человек, который командует кавалерией или отдает приказы лучникам, это такой же грязный варвар, чуть сильнее и проворнее остальных. Ты идешь в бой не под звуки горна или рога, а под рев обезумевшей от ярости толпы своих же воинов. Надеюсь, это предельно ясно?

Тарланд неуверенно кивнул. На защиту брата пришла Миррейа.

— Откуда нам знать, господин Олав, что значат все эти воинские премудрости? Мы — волшебники, и наша задача не проливать кровь на полях сражений, а оберегать мир от демонов и злых духов, рвущихся на свет из вечной тьмы. А это куда опаснее, чем встречаться с противником на ратном поле! В Гаррад нас ведет не жажда наживы, а ответственная миссия, выполнение которой было возложено на нас магическим орденом. Если проиграем мы, вскоре весь мир накроет тьма, можете не сомневаться — Его Светлейшество Канерес Златобородый увидел это в магическом шаре. Он видел, как целый мир пожирали огромные языки пламени, как горела земля, и даже по воде скользили волны огня. У нас мало времени — великое зло уже показало свой мерзкий лик в Хайбории, и нужно остановить его, во что бы то ни стало. Так что вопрос моего брата вполне справедливый — *какие*силы есть в нашем распоряжении, чтобы покончить с колдуном из Ванахейма?

— Сорок три десятка наемных воинов и благословение Родвара, — сдержав усмешку, ответил Олав.

— Можно нанять больше воинов, — сказал Конан. — Альтинг — далеко не единственный способ привлечь отчаянных рубак из окрестных земель.

— Собранных сил вполне достаточно, — возразил командующий. — Запомни, киммериец, мы готовим не армию для войны, а большой отряд для внезапного и скорого рейда по землям Ванахейма. Наш успех кроется в быстроте действий, которую можно потерять, потратив время на сбор большой дружины. За это время враг успеет собрать три недостающих артефакта, и тогда уже Нидхеггсона ничего не остановит. Плевать на Алый Стилет, Хёггсен управится и без него…

— В таком случае, выступать нужно немедленно, — сказал варвар. — Разговорами дело не подвинешь.

— В этом я с тобой согласен, боец, — отозвался Олав.

На этом военный совет завершился.

V

Перед тем, как наемное войско выступило из Зала Факелов, воинам Родвара предоставили последнюю возможность, как следует отдохнуть и набраться сил, после этого должен был начаться скорый рейд без всяких передышек. Никаких поправок в скорости передвижения из-за усталости солдат не допускалось.

Старику Тьяцци очень не терпелось знать, как прошел военный совет. По воле той самой судьбы, в которую так настойчиво отказывался верить киммериец, предсказатель подошел и похлопал его по плечу как раз в тот момент, когда Конан пил мед. Мгновенно подсчитав время, варвар убедился, что с момента их первого разговора прошло ровно десять дней.

«… и ровно через десять дней я подойду и похлопаю тебя по плечу, когда ты будешь пить мед в Аломаре…»

Простое совпадение, — или старый мошенник действительно обладал даром предвидения будущего? Так или иначе, киммериец не позволил себе терять время на долгие размышления вместо того, чтобы с умом использовать выделенное время для отдыха, который не предполагал для варвара какого бы то ни было умственного напряжения.

— Тревожное знамение, мой мальчик, — сказал Динхвалт, усаживаясь за стол возле Конана.

— Снова духи мертвых?

— Нечто более страшное. Я думал, я всего лишь задремал и вижу страшный сон. Однако оказалось, я существую в облике другого — не человека — а бога! Это был он, Хёггсен-хитрец, ныне спящий в душной тьме. Но там, в моем видении, он подвергался жестоким мучениям в кошмарном месте, где всюду горел огонь, и сновали страшные бестии, и я смотрел его глазами! В той стране небо было малинового цвета, а языки пламени вздымались до самого неба! Зовется она Тьяргард. Там оказалась мятежная душа Хёггсена, после того как он расстался с жизнью на Рагнарёк. Его дух провел тысячу лет в глубокой яме, полной жаркой лавы, бессильный вырваться на свободу. Бездну мучений, сотни самых изощренных пыток огнём вытерпел его бессмертный дух, пока, наконец, не обрел долгожданную свободу! Теперь же он спит, безмятежно и кротко, возвращаясь в реальность нашего мира. Глубоко под землей среди уютного мрака Хельгарда, где нет палящего жара, покоится его тело, готовое обрести жизнь в назначенный час. Я запомнил, я прочувствовал все, что испытывал северный бог, о, и что это были за мгновения! Хёггсену-предателю пришлось претерпеть безграничный океан страданий! Но самым страшным мне показались его воспоминания о побеге — ты не представляешь, Конан…

Тьяцци перевел дыхание.

— Сквозь огонь, сквозь шторы ревущего пламени — на свободу! Он пробегал у самого трона владыки Тьяргарда и дерзнул заглянуть в его пылающие очи. Пламенеющий взор из-под угольно-черных век едва не спалил Хёггсена, но он устремился дальше, перекинулся в орла и полетел. Огонь, сорвавшийся вдогонку с распростертой длани, опалил его перья. Тогда Хёггсен обратился в волка и помчался быстрее самого ветра.

Но горящий великан дунул что было мочи, и обжег жаром его бока. Наконец, Хёггсен-хитрец достиг заветной границы горящей страны — там он остановился, вернув прежний облик и замер, глядя на высокий трон гиганта. Владыка огня послал в его сторону пылающих хищников, но Хёггсен знал, что им его уже не догнать. Тогда он стал издеваться над своим

тюремщиком.

«Назови себя, чтобы я мог восславить во всем мире имя величайшего глупца и растяпы, который позволил мне бежать», — сказал недавний узник.

«Тьяр», — дохнул жаром великан. — «Ты еще вспомнишь свои слова, Хёггсен-насмешник, когда мы встретимся вновь. А теперь беги…»

И с этими словами он поднял из земли фонтан лавы, которая едва не поглотила обрадовавшегося Хёггсена. Тьяр усмехнулся — так трещит уголь, когда его касается пламя, и северный бог содрогнулся…

— Что же все это значит?

— Не знаю, Конан. Но туманные видения посеяли тревогу в моей душе. Я чувствую беду, которая надвигается, подобно огромной грозовой туче. Только несет эта туча не прохладный дождь, а огонь и нестерпимый жар Тьяргарда!

— Я успел убедиться, что ты редко ошибаешься, Динхвалт, — сказал киммериец. — Вот только поверь, разгадывать видения я тебе не помощник. Возможно, тебе лучше обо всем рассказать Миррейе и Тарланду — глядишь, аквилонские маги во всем разберутся. Они-то, наверняка, тебе что-нибудь да посоветуют.

— И то верно, — согласился предсказатель. — Что ж, пойду, разыщу чародеев.

Конан просидел в одиночестве чуть больше колокола, медленно набивая желудок. Потом киммерийцу вновь составили компанию в трапезе. На этот раз к варвару подсела Гретта. Сначала она поела, нисколько не стесняясь показаться неаккуратной, старательно нарушая все правила южного этикета. Только после этого заговорила с Конаном.

— Знаешь, я тут подумала, во время похода нам надо держаться друг друга.

Варвар внимательно посмотрел на собеседницу.

— Разве не Олав — твой напарник-командующий?

— Он самый. Однако…

— Что?

— На самом деле мы не так уж давно знакомы. Ты — человек проверенный, а Олав…

— Ты ему не доверяешь?

— О, нет, конечно же, доверяю, просто некоторые его решения временами кажутся мне… странными.

— Стратег он хороший, бывалый командир и отличный воин, это сразу видно, — сказал Конан. — Да вот только у меня к нему нет доверия. Что-то подсказывает мне, что Олав хитер как лиса и проворен как куница, хотя я могу и ошибаться. Впрочем, если он покажет себя как отменный полководец, я пойду за ним хоть в Хель.

— В Хель… Как бы и вправду туда идти не пришлось… А потому ты подумай над моим предложением. Когда бойцы скреплены порукой, даже в царстве тьмы шагается увереннее.

— На меня ты можешь положиться, — с уверенностью заявил варвар.

— Вот и славно.

Гретта позволила себе быструю, яркую улыбку.

Часть четвертая. Слезы Крома

I

Ванахеймский ветер имел прескверное свойство проникать под любую теплую одежду, забираясь даже в самые маленькие щели. Стылое дыхание Имира обволакивало тело странника, беспощадно выветривая скопившееся под одеждой тепло, кусачий мороз щипал кожу, вонзая в плоть тысячи крошечных ледяных игл. Привычные к холоду варвары уже не обращали на это внимания, а вот скитальцам из теплых стран Восхода пришлось и вовсе туго. Мерзнущие даже от слабых порывов стылого ветра, коварной забавы Ледяного Бога, они все плотнее кутались в скорняжные шубы, тщетно надеясь хоть как-то согреть стынущие тела.

Иногда приходилось останавливаться до шести раз в день, чтобы позволить теплолюбивым уроженцам Шема привести в порядок негнущиеся руки и ноги, отогреться у костра и уж после продолжить путь.

Вендийцы и пара аквилонских магов держались более мужественно. Мерзли они ничуть не меньше остальных, но упорно не желали подавать виду. Синкху и Паарадж, страшно лязгая зубами и вспоминая имена всех богов, упрямо продолжали шагать, невзирая ни на какие погодные условия.

Вера грела их, а воображение жрецов, рисовавшее мрачные картины того, как заклятый враг держит в руках священную реликвию, нещадно подгоняло вперед обоих. Если даже Святым Хранителям и случалось расслабиться на пару мгновений, то через какое-то время они уже снова размеренно шагали в строю наемников Родвара.

Миррейа и Тарланд люто страдали от мороза, но ни от одного из чародеев не исходило ни одного малейшего намека на жалобу — аквилонские маги, посиневшие от холода, с блестящими от слез глазами, выжатыми суровым ветром, молча шли вперед и вперед, так словно бы сами были сделаны изо льда, и никакие проказы Имира не могли их остановить.

По мнению северных варваров, с их-то выносливостью уже давно было пора рухнуть в снег, отказавшись от любых попыток к передвижению по холодной снежной степи — «Все, дальше не могу!»

Так ведь нет — магикосенсы ордена шли вперед, точно вся их сила вылилась в бездумную механическую ходьбу, а умения слились в единое желание, во что бы то ни стало выжить. Даже угрюмые северные воины отдавали должное их мужеству и выносливости.

Конечно, силы Миррейи и Тарланда были далеко не безграничны — стоило отряду пройти за день немногим больше отмеренного расстояния, и к вечеру оба мага едва держались на ногах, а засыпали тотчас, как только касались спиной разложенной постилки.

Однако своей целеустремленностью и упорством, а также недюжинной волей, редко свойственной их избалованной породе, аквилонские чародеи, несомненно, снискали большое уважение среди северян. Никто больше над ними не подшучивал и не позволял ехидных улыбок в их адрес — ни Олав, ни Гретта, ни кто-либо из наемников.

Хьёрса и Бор благоразумно забыли про историю, происшедшую в Данакаре, и Конан даже начал верить, что угроза со стороны головорезов двух банд начала отступать от Миррейи и ее брата.

Старик Тьяцци постоянно держался киммерийца. Нередко он надоедал варвару своими рассказами о тяжких странствиях беспризорных душ покойников или о тайных мирах, где пьют мед павшие в битве воины и жарятся в неугасающем огне убийцы королей.

Как ни странно, варвара это нисколько не раздражало — даже пустая болтовня, как известно, делает путь короче. На старого прорицателя холод, похоже, не сказывался ни в какой мере. Согретый вином и мыслями о блуждающих во мраке душах, Динхвалт был готов шагать хоть днями напролет, удивляя не только бывалых наемников, но даже их лидеров, которые раньше ничего подобного не встречали. Вот уж кто-кто, а старый Тьяцци оказался отменным наемником. Он постоянно давал полезные советы тем из асиров, кто нуждался в правдивом прорицании, тревожась о будущем, предсказывал погоду и безошибочно выбирал верные пути, не заметенные снегом. К тому же, вдвоем с Конаном они, как могли, помогали Миррейе и Тарланду, и, возможно, благодаря их общим усилиям, маги еще до сих пор не замерзли в снегу. Нередко аквилонцы с деланным презрением отвергали их помощь, ссылаясь на то, что сами прекрасно справятся.

Хотя даже безмозглый ётун понял бы, что без стараний Конана и Тьяцци дела у аристократов из соседнего королевства складывались бы многим хуже.

Удача благоволила отряду уже достаточно долгое время, и Олав даже начал подозревать в столь благом стечении обстоятельств какой-то подвох. Не ожидает ли их впереди какая-нибудь хитроумная колдовская каверза? Не притаилось ли несчастье за чередой щедрых подарков судьбы? Насколько себя помнил командующий войска, еще никогда прежде ему не доводилось возглавлять поход, в котором события имели бы столь положительный оттенок.

Стечением обстоятельств, казалось, руководило какое-то неведомое покровительственное волшебство. Две седмицы скорого марш-броска по просторам Киммерии, затем благополучный переход через Иглофийские горы, в которых они умудрились ни разу не попасть под обвал или наткнуться на другую значительную неприятность, а теперь и Ванахейм, тихий и безмятежный, точно небесные луга хозяйки Атали. И это притом, что четырем с половиной сотням вооруженных воинов еще ни разу не пришлось ввязаться ни в одну стычку!

Боевой дух небольшой армии Родвара казался достаточно высок — наемники из числа асиров и ваниров, несмотря на жестокие холода, выглядели превосходно — таких хоть сразу к Хару веди, кого хочешь на части разорвут, все как один смелые и благородные.

Жажду скорой наживы постепенно вытеснил настоящий азарт. Большинство варваров, как справедливо предположила Миррейа, как будто и в самом деле уверовало в то, что они отправились на священную войну, призванную вычистить скверну, скопившуюся во владениях молодого ярла-колдуна (эта скверна; усмехнулся в ответ Конан, всегда имеет приятный желтый оттенок и звонко дребезжит, подкинутая в воздух щелчком большого пальца), а заодно спасти Крома, Асуру, Митру — и кого там еще? Хёггсен он, понятно, враг, противник мирового порядка. Авар — еще того хуже, раз доверился лживым речам мятежника.

А вершить правое дело в угоду Иггу все равно, что украшать Вальхаллу своим присутствием. Да и разве Отец Дружин забудет их, удалых смельчаков, после всего, что для него сделали? О нет, конечно же, нет. Эта война принесет не только несметные богатства, но и обеспечит беспрепятственный проход в Залы для избранных, куда Хар берет только самых отважных и самых мужественных.

Реган даже побился об заклад на свой чудесный молот, что Гаррад будет взят раньше, чем закончится сезон волчьих свадеб. Его противником в споре стал никто иной, как Тарн, молчаливый Тарн, Сын Гарпии, который только недоверчиво качал головой в ответ на настойчивые увещевания асира.

Загадочный получеловек верил в то, что поход окажется для многих лишь кратчайшим путем в могилу. Впрочем, казалось, Тарна больше занимает сам процесс спора, нежели его предмет — привыкший вечно скрываться в тени и ненавидеть полноценных людей, Сын Гарпии, наконец, получил возможность не прятаться от взоров соседей.

Карракх постоянно устраивал потешные бои с воображаемым драконом, тем самым, развлекая галдящую орду наемников, или же веселил уроженцев северного края историями о шальных блудницах, которых он якобы перепробовал за свою жизнь больше тысячи.

Грубым варварам вскоре полюбился невысокий шарлатан, ненавидевший крылатых змеев. В любую компанию он мог внести искру веселья и растопить лед плохого настроения. Даже люди Хьёрсы и Бора позволяли себе улыбаться над бесстыдными шутками Карракха, а Бели и Брокк те и вовсе благосклонно предложили Заклинателю Драконов свое покровительство в скором будущем, после окончания похода. Впрочем, в таковом шаман вряд ли нуждался.

С Конаном бандиты вели себя осторожно, хотя подобная необходимость, скорее, была вызвана установленными порядками. Вздумай они вновь затеять драку, Олав быстро нашел бы на них управу. То же самое касалось и Хьёрсы. Вьяллар до сих пор не забыл его вспыльчивого характера и надежно приглядывал за асиром.

Злобный был бы и рад устроить какую-нибудь подлость Конану или выкинуть над киммерийцем гнусную шутку, но пока Вьяллар держался настороже, у наемника оставались связаны руки. А вот в том, что рано или поздно он улучит момент, чтобы исполнить задуманное, у варвара сомнений не было.

В одно время Конану даже хотелось подойти к асиру, чтобы раз и навсегда решить все проблемы — словом или сталью. Но, подумав, киммериец отбросил идею — такая ссора пойдет на радость другим недоноскам, вроде Хьёрсы, не говоря уже о том, что Вьяллар с позором прогонит его из отряда, как неразумного разжигателя скандала.

Сын Родвара не терпел никаких распрей в своем войске — даже шутейных кулачных поединков. Возможно, благодаря поддержке строгого порядка из сброда разномастных вояк получилось какое-то подобие войска. И в том, что все шло гладко, нельзя было не усмотреть заслугу сына вождя канахов. Что и говорить, из Вьяллара получился отличный стратег и полководец. Кое-кто даже поговаривал, что с рождением отпрыск Родвара отнял у родителя всю причитавшуюся тому мудрость. Конечно, сами распространители крамольных слухов тщательно избегали того, чтобы сказанное могло каким-то образом дойти до самого вождя войска. Вряд ли подобная мысль, прозвучавшая от подчиненных, могла польстить полководцу.

Если Олав замещал Вьяллара по вопросам организации войска и соблюдения порядка, то Гретта взяла на себя обязанность руководить советом капитанов. На ее плечи была возложена ответственность за принятие тактических решений, — какой путь избрать, чтобы до поры оставаться незамеченными; какое время лучше выждать, а в какое передвигаться с удвоенной скоростью.

За капитанами небольшой наемной армии сохранялось право следить за порядком в войске, а также принимать совместное решение в тех редких случаях, когда Гретта не могла брать на себя ответственность за отдачу личного приказа без согласования с меньшими чинами. О появлении буранов и метелей ее предупреждал Тьяцци, выбирать правильный путь помогал Конан, который благодаря своим инстинктам мог определять возможные ловушки, устроенные на пути врагом. Капитан наемников, безусловно, считалась с мнением

своих спутников, хотя последнее слово, конечно, всегда оставалось за ней. Безо всяких злоключений четыре с половиной сотни бойцов достигли Годдарских Равнин, за которыми предстояло преодолеть Глотку Великана — заснеженную низменность, усеянную сотнями тяжелых круглых валунов. А уж оттуда до Стылых Озер рукой подать.

II

Изначально этот поход представлялся Конану многим труднее, поэтому варвар, если и не ожидал ежедневно беды, как Олав, то, по крайней мере, был уверен, что все испытания ждут их впереди. Ясно как день, вот так без задержек и потерь до самого Гаррада они не дойдут. То ли дело, что еще затевает Авар! За тот единственный раз, столкнувший его с колдуном, киммериец успел понять — молодой ванахеймский ярл способен на многое, очень на многое. Если Нидхеггсон решит заняться их войском всерьез, тогда наемникам Родвара не поможет даже Имир. Ведь и в самом деле глупо надеяться, что они успеют собрать все нужные магу предметы, не навлекая на себя гнев ванахеймского чернокнижника. И уж, тем более, неразумно полагать, что они сумеют пройти вместе с ними в Гаррад и разрушить башни темного города под пристальным взором Авара. Маг обязательно нанесет удар — но где и когда?

В том, что он выживет, Конан не сомневался. Он вообще об этом не думал. Смерть в понимании уроженца Киммерии — вполне естественный ход вещей, если она, однако, не вызвана лихими деяниями врага. Тогда приходится защищать свою жизнь, а также тех, кто может пострадать от действий губителя. Под рукой всегда есть грозный стальной меч — а что еще нужно киммерийцу, чтобы отстоять свое право на существование? Но даже если случится так, что он сложит в бою свою голову, ему будет не срамно появиться в чертогах Крома.

А что другие? Миррейа? Тарланд? Тьяцци? Гретта? Сумеют ли они достойно принять смерть? И куда пойдет каждый из них — в Вальхаллу к Хару, в холодную мглу Имира или же в роскошный дворец Митры? А может всех их поглотит вечно голодная хозяйка Мрака, темная госпожа Хель? Бездонный колодец тьмы, откуда нет возврата к жизни — ни через сто, ни через тысячу лет, пока не истлеет единая цепь, сковывающая души всех покойников…

Нет, тогда умирать им нельзя ни в коем случае. Однако идти в пасть чудовищам Хельгарда все же придется. Иначе скоро весь окружающий мир станет похож на унылое Царство Мрака. Не об этом ли без устали повторяет Тьяцци? Не о том же ли свидетельствуют зловещие знамения и дурные вести, идущие с Полуночи? И не тот ли дремлет в глубоких подземельях Гаррада, кто способен затопить душной мглой и жидким огнем весь мир, как это уже случилось однажды? Даже мрачный бог их страны, в таком случае, сгинет навсегда.

Боги бессмертны, не так ли? Или же все это легенды? Если Хёггсен не умер, в то время как его дух провел много веков в заточении, дожидаясь единственного мгновения, чтобы вырваться на свободу, то есть шанс, что где-то и по сей день скитаются души ушедших покровителей Нордхейма.

Возможно, призрак Хара все еще блуждает в запредельной Вальхалле, среди ратей доблестных воинов, и бородатый Игг сам подливает мед в рога, которые подносят к устам усопшие воители.

А где же сейчас Тюр, великий Тюр, который одним взмахом своего огромного молота мог раскрошить черепа сразу трем великанам? Наверняка, Кром знает ответ. Когда пробьет роковой час, и Конан предстанет перед темным троном владыки, он обязательно спросит своего покровителя. Но покуда он здесь, в мире живых, ответ на этот вопрос ему предстоит искать самому.

Конан заметил, насколько далеко он зашел в своих размышлениях. Такое бывало

нечасто. Люди его племени всегда считали своим долгом действовать, а созерцать и размышлять — это удел богов.

Новая мысль, напросившаяся сама по себе, поразила варвара своим необыкновением — они ведь идут в Гаррад защищать богов! Разве не так?

Где же великий Митра, самый могучий и сильный из ныне царствующих, на которого уже заготовили кроваво-красный кинжал темные шемиты? Или великий Асура, который без чужой помощи не может вернуть потерянные клыки? Или Сет, у которого точно у младенца отняли венец, и теперь играют им, словно сущей безделицей на глазах у грозного стигийского владыки?

Почему великие и могучие не снизойдут со своих высоких тронов, чтобы наказать всего-то одного-единственного колдуна — смертного, посмевшего бросить им вызов? Будь у Митры желание, весь Гаррад бы в одночасье превратился в огромную кучу золы. Но ведь нет — Митра неподвижно сидит в своем дворце, дожидаясь пока пробьет колокол. Неужели так необходимо ждать, пока гибель прокрадется в твои покои и пощекочет тебя своим раздвоенным змеиным язычком?

И ведь кто встал на защиту самого пламенеющего бога?! Они, варвары с Полуночи! Могут ли высшие, в свою очередь, быть настолько глупы, чтобы доверять смертным дар своего существования? Или же они настолько беспечны и ленивы, что не поведут и пальцем, пока мир не расколется пополам?

Конан нахмурился — ответа на этот вопрос у него не было. Зачастую действия богов нельзя понять. На то они и боги. А ведь в число беспечных богов, которым угрожает опасность, входит и Кром. Неужели же и его можно осуждать за неосмотрительность?

Устыдившись собственных дерзких мыслей, варвар остановил их течение — чего доброго Кром рассердится. Вот умрет он и предстанет перед высоким троном — и как тогда посмотрит в глаза великому хозяину Киммерии?

«Ты ли Конан, тот человек, который позволил себе усомниться в моей мудрости?»- спросит его Кром.

Впрочем, будет гораздо страшнее, если этого вообще не произойдет. Трон Крома окажется пуст. Покровителя киммерийцев погубит Авар, отправив Великого в скитанья по пустым безднам небытия? И разве может позволить он, сын Киммерии, любимец могучего владыки, этому случиться?

Против воли из легких варвара вырвался тяжкий вздох.

Вендийцы, аквилонские маги и шемиты, наверное, чувствуют то же самое — беспредельную пустоту, хаос разрушения и смерть впереди. Это непременно произойдет, если Хёггсен Богопротивник вырвется на свободу. Поэтому они идут вперед, невзирая ни на какие трудности.

Стоит поддаться искушению, расслабиться хоть на миг — и все, конец. Исправлять содеянное кем-то невежественным и могучим, потом уже будет поздно. Утекающее время становится все дороже и дороже.

А может, помощь Крома все-таки незримо присутствует?

Владыка Киммерии незримо живет среди них и лично ведет вперед войско, так что наемники Родвара беспрепятственно ступают по землям Ванахейма. Быть может, властелин душ всех варваров сопровождает их в дороге, указывая верный путь?

Все-таки деяния богов до конца непознаваемы, впрочем, как и их вершители. Кажется, ты все про них знаешь — и про их тусклые подземные чертоги, и про армии духов,

составляющих их свиту… И все-все про них тебе известно. А вот, оказывается, шагаешь ты по земле, а он рядом — невидимый Кром идет настолько близко от тебя, что ты можешь коснуться его рукой. И нет нигде слепящего сверкания молний, не трепещут небеса, не стонет у стылой земли сонм духов, и не трубит в рог подземное воинство, выходящее из зева раскрывшихся врат… Странные создания эти высшие.

— О, Кром, не оставляй нас в трудный миг, — тихо проговорил киммериец в очередной раз. — Не обдели нас своей помощью, и тогда в назначенное время я появлюсь в твоем подземном дворце в позолоченных доспехах, а в руках буду держать головы тех, кто последними посмел покуситься на твой высокий трон…

Сзади к Конану неслышно подошел Синкху Пленитель. Варвар мог расслышать любой, даже самый тихий звук шагов, но на этот раз он был готов поклясться собственным сердцем в том, что жрец двигался совершенно бесшумно, да еще так, что его дыхание жизни не настораживало попутчика.

— Кажется, ты молился своему богу? — поинтересовался вендиец. — Это так?

— Может и так. Ведь ты все слышал, к чему притворяться, будто бы последние слова долетели до тебя случайно? Не удивлюсь, если ты еще и мысли видеть умеешь.

— Во многом ты прав, мой светлейший друг, и все же не везде. Мысли читать я не умею. Я могу лишь догадываться о том, куда обращены помыслы человека — в добро или во зло.

— А как насчет моих мыслей?

— Если бы я заметил что-то недоброе, я бы не подошел.

— Вот как?

— Прятать мысли позволено злодею, а тому, у кого на сердце нет ничего дурного, нужно научиться открывать свой разум для других, так сказал наш пророк Ррад Нури.

— А ты бы это мог сделать?

— По твоей воле, мой северный брат. Расскажи мне, о чем ты думаешь, и я поделюсь с тобой тем, о чем мыслю я.

— Что ж… действительно, я думал о своем покровителе, Кроме, — согласился киммериец. — А до этого мне пришла в голову мысль, что Авар — безумец, раз уж начал действовать по воле того, кто способен разрушить старый порядок и сгубить нас всех. Вот и сейчас я призываю Крома в свидетели, что жестоко отомщу тому, кто жаждет свергнуть высокого повелителя нашей страны с его законного трона, пусть даже этот человек некогда спас мне жизнь. Перед ним в долгу я, но никак не Кром.

— О, тогда, должно быть, ты представляешь себе, что чувствуем мы, зная, что самый страшный и одновременно притягательный предмет для Асуры, его клыки, находится в руках у врага! Наш бог очень и очень добрый, и будет негоже, если лиходей Нидхеггсон совратит его с правильного пути… А какой он ваш бог Кром?

— Он… справедливый, — немного помолчав, ответил варвар. — Не хороший и не плохой. Он судит всех по заслугам. Когда ты приходишь в его царство после смерти, Кром сам выбирает тебе место — подлецов и трусов кидает в кипящий котел, а смелых воинов усаживает за праздничный стол, точно самых дорогих гостей.

— Должно быть, ваш бог очень мудрый, — рассудил Синкху. — А вот наш Асура не всегда был таким. Когда-то он был злым демоном и питался человеческой кровью, пока питары не разрушили его дворец. Сначала Асура хотел обмануть их, чтобы просто выжить, и притворился добрым. Но потом благие деяния стали все больше и больше привлекать великого, он понял, что способствовать жизни куда интереснее, чем ее губить, что исцелять

и просвещать гораздо полезнее, чем увечить, и, таким образом, злой демон превратился в доброго бога. Ты же понимаешь, северный брат, как больно будет нам, его преданным слугам, когда Асура начнет обратное превращение. Нельзя допустить того, чтобы Авар воспользовался священными клыками. Нужно остановить его деяния любой ценой — иначе повсюду распространится смерть и разрушение.

— Об этом нам поведал сам Асура, — поддержал жреца другой Святой Хранитель, Паарадж. — Он чувствует перемены и сильно от этого страдает. Но не за себя — ему жалко нас, ничтожных. Пока еще великий способен переживать, хотя это дается ему с трудом, и он все больше теряет связь со своим добрым обликом. Но вот неумолимый рок приблизит тот час, когда Нидхеггсон возьмет в руки клыки, и тогда…

— Не успеет, — сказал Конан. — Мы не позволим ему.

— Хочется верить, брат мой. Очень хочется. Хорошо, что ты един с нами во мнении. Ни Кром, ни Асура не должны стать жертвами мерзкого чародейства.

— А как же Митра? — подумав, спросил варвар. — У этих темнокожих убийц хранится клинок, который способен прервать жизнь пламенеющего бога. У Митры много почитателей. Если вдруг произойдет страшное, и Высокий сгинет, кто позаботится о них? Не случится ли так, что злополучный кинжал станет его скорой погибелью?

— Истина в мире не всегда понятна, — сказал на это Паарадж. — Вот, например, я тридцать лет прожил на свете, занимаясь тем, что охранял священную реликвию Светлейшего, и только пару лет назад узнал, что Асура — это бывший демон. А что до Митры и таинственного оружия темнокожих, то здесь существует отдельная загадка, разгадать которую совершенно непросто. Жизнь Митры — и клинок, который, возможно, также как и Клыки Асуры, никогда не стоило выносить на дневной свет…

— В любом случае, я им не доверяю. Убийство бога никогда не оправдывается. Если, конечно, он не злой разрушитель.

— В этом ты прав, киммериец. И опять же не совсем. Если бы питары убили Асуру в незапамятные времена, кто бы заботился о Вендии все эти долгие столетия?

— Тогда, выходит, и Хёггсена нельзя убивать?

— Может, и нельзя, — неопределенно ответил Паарадж. — Пока что наш враг не Хёггсен, а его не в меру талантливый ученик.

— Нидхеггсон некогда спас мне жизнь, — вновь вспомнил Конан. — Его бы я не стал убивать, если бы не было на то нужды.

— Придется. Иначе Гаррадом вскоре будет называться вся Хайборія. Действуя во благо, нередко приходится жертвовать жизнью.

— Чужой…

— Не только. Я и Синкху с радостью отдадим собственные, чтобы оградить от опасности нашего Светлейшего.

— Я верю, этого не потребуется. Сгинет тот, кто неправ. Тот же, за кем правда, пройдет сквозь любые преграды.

— Эх, северный брат, к сожалению, в нашем мире такое случается не всегда. Шанс выпадает как хорошим, так и плохим, — выразил свою позицию Синкху. — Тот, кто умелее, ловчее и сильнее, зачастую выходит победителем в любой ситуации.

— С твоих слов ясно, что все решает сила, — заметил Конан.

— Напротив. Не физическая сила, но могущество идеи, укоренившейся в разуме людей, тех, что впутались в узы спора. Тот, у кого идея оказывается сильнее, выигрывает

единоборство, понимаешь?

— Нет. Если у меня в руках меч, а у противника — лишь голые руки, будь он хоть трижды ученый мыслитель, все равно проиграет. Что бы он там ни надумал, какую бы хитрость ни изыскал, я все равно зарублю его, если не с первого, так со второго удара, — рассудил варвар со своей логикой.

— Ты не совсем верно истолковал слова моего единоверца, мудрейший друг, — сказал Светлый. — Сила идей не обязательно есть сила ума. Идея — это, прежде всего, целеустремленность, рвение или же, если угодно, совершенное желание выполнить свою миссию, неважно кем тебе предначертанную. Тогда никакие преграды не помеха. Почему у проклятого вора Ганглери получилось выкрасть священный артефакт? Как сумел он пройти все ловушки? Почему он сумел в клочья разорвать защиту Святых Хранителей, которые всю свою жизнь только и учились защищать святыню? Потому что его идея — то нечистое желание выкрасть Клыки Асуры в угоду своему мастеру — превзошла все наши помыслы его охранить. В ту ночь Ганглери неумолимо двигался к исполнению своей цели, а наши собственные мысли пребывали в вязкой дреме. Мы не были готовы отстоять артефакт и, как видишь, горько за это поплатились. Погиб Валанх, погиб учитель Парамурди…

— Но ведь вы живы!

— Да. Возможно, Асуре было угодно, чтобы мы увидели еще ни один рассвет. И я даже догадываюсь, по какой причине: Светлейший надеется, что мы сумеем предотвратить неизбежное, обратить необратимое. Лик Асуры видоизменяется с каждым новым мгновением! Добрейший из добрейших становится все равнодушнее и все больше тонет в холодном море тьмы. И все же он страдает, жалея о том, что скоро утратит способность покровительствовать Вендии и заботиться об ее жителях. Что отныне он не сможет защитить своих детей — и от чего же? От собственных деяний!

— Скажи, мудрый, — задумался Конан. — Вот сейчас мы двигаемся на Гаррад. У нас есть идея — положить конец деятельности мага Нидхеггсона. И многие, как выяснил Вьяллар, пошли в поход вовсе не из-за денег. Значит, если наша идея сильна, мы победим?

— Нельзя утверждать с уверенностью, киммериец. Однако, в целом, ты прав: чем увереннее мы движемся к своей цели, чем сильнее мы верим в то, что справимся с возложенным на нас заданием, не посрамив честь, тем больше у нас шансов на победу. Остальное решает воля богов.

— Объединив свои усилия, мы совладаем с темной магией Авара-отступника, — поддержал вендийца Синкху. — Главное — идти до самого конца.

— Этот Ганглери… Был ли он готов идти до конца, вступив под своды вашего храма?

— Разумеется. Иначе бы его ждала гибель. Но, клянусь грохочущей колесницей Катара, он справился! И теперь, прокляни его безгрешные уста Сирры, он владеет священным предметом! Вернее, его треклятый мастер Авар.

— Ты злишься, — заметил Конан.

— О, брат мой, конечно, я злюсь — мир стоит на грани гибели! Но свою ярость я обращаю не на преступника священных законов, а на себя за то, что в свое время не сумел остановить демона-вора, возжелавшего похитить реликт, который мы хранили в безопасности на протяжении многих веков.

— Я как раз подумал: почему боги позволяют смертным вмешиваться в свои дела, в то время как сами избегают снисходить до участия в ссорах между народами, которым они покровительствуют? По недогляденью? Ведь у них есть сила, у них есть небывалая мощь,

способная устрашить не только одного воина, но обратить в пыль целую армию!

— Они слишком мудры и их поступки не всегда оказываются постижимы нашему пониманию, — ответил Паарадж. — Хотя бывали случаи, когда Асура позволял своим слугам помогать избранным любимцам богов. В ту злосчастную ночь, например, темного вора преследовал никто иной, как сам Кфурус Победитель, вышедший из пламенеющей расщелины — я сам видел, как ярко горел его обнаженный меч, а от щита исходили волны нестерпимого жара.

— И все же Ганглери выжил.

— Да. Наверное, разбойника защищал собственный темный бог.

III

За два дня пути войско Родвара по-прежнему не столкнулось ни с какими значительными преградами. Годдарские Равнины подошли к концу, оборвавшись пологим спуском в Глотку Великана.

Застывшее жерло древнего вулкана огромное, точно жадная пасть, недобро скалилось своими бурыми зубами-валунами. Едва приблизившись к скользким уступам, наемные воины разом ощутили тревогу, точно всю низменность заполняло невидимое море враждебных намерений, исходивших откуда-то из ее глубины.

Вьяллар незамедлительно скомандовал привал, Олав и Гретта сошлись во мнении о том, что спуск в ледяной котел негоже начинать с наступлением сумерек — неизвестно что еще ждало их там внизу, Поэтому во избежание лишнего риска путешествие через Глотку Великана было отложено до утра следующего дня. В конце концов, принимая во внимание неоспоримый успех в скором продвижении войска, подождать денек-другой не считалось за грех. Никто не стал поторапливать командующих, наоборот, наемники Родвара обрадовались негаданной возможности хорошо отдохнуть после утомительного дневного перехода.

Вечер, мягко опустившийся на стылые равнины, расцветили десятки походных костров. Воины готовили пищу и с нескрываемым удовольствием предавались мечтам о том, как распорядятся вырученными с похода деньгами. Потом один за другим костры стали умирать, остались только те, у которых несли ночную стражу караульные.

Конану не спалось — за время похода он не успел, как следует, вымотаться, потому варвар решил составить компанию дозорным. У одного из сторожевых костров он нашел Ингурда. Ванир, похоже, был рад представившейся возможности поболтать вместо скучного сидения в тишине.

— Что, Конан, не спится нынче?

— Не спится.

— А твой наполовину безумный приятель уже, наверняка, отправился в путешествие по стране духов?

Безусловно, воин имел в виду старика Тьяцци. Однако обсуждать действия прорицателя Конану нисколько не хотелось. Он равнодушно пожал плечами и подсел к огню.

— Я вот что думаю, киммериец. Путешествую-то я по родной земле, и, кажется, должен знать здесь каждый холм, каждую кочку. А ведь нет! Проник в землю отцов, словно разбойник-лиходей, и сам себя здесь гостем чувствую. Ну, скажи хоть ты, разве положено уроженцу Ванахейма быть нежеланным гостем у себя на родине?

— Ты отправился в поход с дружиной Родвара по собственной воле. Никто тебя не вынуждал, так ведь?

— Так-то оно гак, да вот не совсем. Одно дело, когда свой край тебя принимает, встречает как родного, и совсем другое, когда знакомые места враждебно отталкивают тебя, точно иноземного выродка. Клянусь ладонями Имира, что-то здесь не так! Либо я поглупел, либо Ванахейм действительно изменился.

— Изменился? Что ты имеешь в виду?

— Как будто все здесь перестало тебя узнавать, стало чужим и только и выжидает момента, пока ты поскорее покинешь эти просторы. А не подчинишься — сгинешь. Вроде угроза даже какая-то чувствуется. И подумать только — это мне сулит родной край!

— Когда я был здесь в последний раз, я тоже такого не ощущал, — признал Конан. — Здесь действительно витает какая-то сила, которая властно требует, чтобы мы поскорее убрались отсюда.

— Вот-вот, — кивнул Снежный. — Словно ты здесь гость, чужак, презренный иноземец!

— Я так мыслю, что деятельность Авара распространила по Ванахейму некую злую магию, которая привлекает всю нежить и отпугивает живых.

— А ведь дело говоришь, киммериец! Все это гнусные проделки проклятого колдуна. Кто ж как не Нидхеггсон способен на это? Ну, ладно, дойдем до Гаррада, у него уж найдется, о чем подумать.

— Лишь бы не оказалось все наоборот. А вот Авар, надо сказать, играет с огнем, раздери его вечная тьма! Темные силы с легкостью могут раздавить и его самого.

— Плевать. Он сам выбрал свой путь. Я даже буду рад, если Богопротивник лично свернет шею этому чернокнижнику. Нам же меньше работы.

Они проговорили еще почти в течении колокола, после чего Конан отправился спать. Сон быстро сковал варвара, но разум его оставался свободным от оков туманных видений. Киммериец дремал как хищный зверь, готовый в любой миг вскочить с места и кинуться на врага.

Подобный инстинкт уже нередко спасал ему жизнь. Конан хорошо помнил одно простое правило: расслабиться ты можешь только там, где твоей жизни ничего не угрожает, а если будешь уповать на защиту богов в месте, где, возможно, скопилось немало врагов вокруг твоего лагеря, новый рассвет ты уже не увидишь.

Ночной сон — он как покрывало — создает уют для отдыха, но отбросить его в сторону так же легко. А если привыкнешь нежиться не в меру долго, пострадаешь от этого не раз. Хорошо еще если не раз, а то и вовсе с жизнью расстанешься.

Вот и в эту ночь превосходная интуиция киммерийца предупредила его об опасности. Конан не вскочил на ноги, но открыл глаза и уже держал руку на рукояти меча. Если потребуется, он убьет злоумышленника, не меняя позы.

Ночь все также густела над снежными равнинами непроглядным сумраком. У костров сидели караульные, и по воздуху плыли их тихие разговоры. Ничто не предвещало беды. Все казалось спокойным.

Варвар пролежал больше квадранса, вслушиваясь в тишину, но ничего не происходило.

Он уже решил, что ошибся и снова прикрыл глаза. В самом деле, ничего такого, чтобы могло вызвать подозрение.

И все же каким-то образом Конан понимал, что опасность недалеко. На всякий случай он поднялся на ноги, затем не спеша оглядел окружающее пространство и, не отыскав ничего подозрительного, решился окликнуть ночных дозорных. Те проверили лагерь, но тоже ничего не обнаружили.

Наконец, Конан убедил себя, что во всем, вероятно, виноват дурной сон. А тот, кстати, перешел в череду смутных видений, едва киммериец сомкнул глаза. Ему снился мягкий стелящийся хруст шагов и ворчливый утробный голос, похожий на скрежет камней, который нараспев произносил одну и ту же фразу: «Вкусненькие человечки, вкусненькие человечки…»

Утро, принесшее рассвет, обнаружило пропажу. Из лагеря бесследно исчезли семь наемников.

Ни одного признака присутствия врага не обнаружилось, так что казалось, будто северяне исчезли по волшебству — ни свежих следов, уводящих в гигантскую воронку, ни одного верного знака, указывавшего на то, что в лагере была борьба…

Конан догадался, что его сон был сном только наполовину. Неприятности, как видно, действительно, незаметно прокрались в лагерь. Воины из числа ночных охранников вспомнили про ночные опасения киммерийца, и Олав вызвал Конана к себе в ставку. Но поскольку варвар не мог поведать ничего конкретного, кроме своих неясных ощущений о затаившейся поблизости угрозе, командир наемников быстро отпустил его.

Конан встал у края уступа, обозначившего начало спуска к Глотке Великана. Рядом оказался Ингурд, который легко тронул варвара за плечо.

— Посмотри-ка туда, брат киммериец, — Снежный указал вдаль, вглубь горловины жерла. — Или Аургельмир наслал на меня какой-то морок, или же я действительно вижу дым.

— Дым, — согласился Конан, приглядевшись повнимательнее. — Будто бы кто-то развел огонь для очага или топит печь.

— Надо сказать Олаву, — немедленно решил ванир и оставил Конана.

Через некоторое время у края уступа стоял сам помощник Вьяллара, его напарница Гретта и еще около двух десятков воинов.

— Сдается мне, все это как-то связано с ночным происшествием, — заключил Олав после недолгих размышлений. — Нужно узнать, что там такое.

— Снарядим небольшой отряд в разведку? — предложила Гретта. — Я займусь этим.

Конана она не выбрала, да и сам варвар не особенно напрашивался. В отряд Гретта созвала семерых воинов из числа асиров и киммерийцев.

За старшего главарь наемников поставила Карракха. Заклинатель драконов должен был разведать, что происходило в низменности, как можно больше узнать о том, кто там скрывался, и затем насколько возможно быстро возвращаться назад.

Задача простая.

Карракх, не теряя времени, выступил в путь, начав спуск в Глотку Великана вместе со своими людьми.

Конан до сих пор не мог понять, что же было с этим местом не в порядке. Если бы никакой угрозы поблизости не существовало, не было бы и этого непонятного чувства грызущей тревоги, словно из-за ближайшего холма на тебя уставилось невидимое нечто, уродливое и злобное.

Прошел целый колокол. Карракх так и не вернулся.

День медленно перевалил за половину. С момента ухода отряда, отправленного Греттой, минуло еще три колокола. Когда же низкое небо стало постепенно темнеть, предвещая наступление вечера, стало ясно, что Заклинатель Драконов не вернется. Скорее всего, наемники попали в беду.

Гретта начала подыскивать воинов, готовых провести разведку и по возможности выручить затерявшихся. На этот раз Конан вызвался добровольцем. Ему уже порядком наскучило сидеть без дела. Он не боялся того, кто бы там ни скрывался внизу. А сумерки для варвара были вовсе не помехой.

В отряд напрашивалась Миррейа, но Гретта не пустила ее по вполне понятным причинам.

— Достаточно одного капитана, — беззлобно, но строго произнесла лидер наемников.

Возражения не принимались.

Среди воинов, выбранных для нового задания, оказались Ингурд Снежный, Реган Ледяной Молот, Хьёрса, Видар и еще пятеро северян. У Конана появилась мысль о том, что Злобный, наконец, решился исполнить план мести. Видар, как ясно, тоже шел вниз неспроста. Впрочем, киммерийца на самом деле это мало заботило. Что бы там им ни пришло на ум, хуже они сделают только себе.

В конце концов, он может убить их обоих, представив все, как неожиданное нападение противника, поджидавшего отряд внизу. Вряд ли Ингурд, Реган или кто-либо из северян вознамерится, во что бы то ни стало представить Олаву или Гретте правдивое описание того, что случилось на самом деле.

Довольно быстро они спустились в огромное застывшее жерло, хищно ощерившееся своими замшелыми зубами. Как ни странно это могло показаться, внизу воины не нашли старых следов — как будто Карракх и его подчиненные все это время передвигались только по воздуху.

— Это проделки снежных ётунов, — пришел к выводу Ингурд, оглядев поверхностный слой снега. — Великаны любят забавляться над людьми.

Конан повернул голову в его сторону.

— В детстве мне рассказывали о семье великанов, живущей в этой местности, — поспешил объяснить ванир. — Но разве мог я тогда знать, что десятилетия спустя воочию буду наблюдать за проделками сказочных существ? Повзрослев, я посчитал, что все сказания о великанах — не более чем выдумка.

— Что еще за семья великанов?

— Когда Имир взял в жены Хозяйку — Землю, на свет появились ётуны — злые и вредные существа, чинившие человеку одни неприятности. Сбивали странников с пути, заметали следы, устраивали горные обвалы. Нередко лакомились человечиной. Со времен Рагнарёка их осталось совсем немного, да и те, что сумели выжить, исчезли с глаз долой, оставив после себя одни лишь легенды. А вот, как оказывается, не только легенды… Поговаривали, будто Глотка Великана — место, которое с давних пор облюбовали последние представители этого древнего рода.

— Наверное, эти ётуны слопали Карракха, — ухмыльнулся Видар.

— Все возможно, — проворчал Ингурд, у которого слова асира вызвали немалое раздражение. — Сам я ни одного из них не видал, а рассказываю только то, что знаю.

— Продолжай, — сказал ему Конан. — Никто здесь не подозревает тебя во лжи.

— Так вот… о чем же это я? Ага, верно, в Глотке Великана, с давних пор жила семья ётунов: отец Боргельмир, мать Бестла и трое их сыновей — Сигин, Вальдор и Скакк. Они живут уже не первый век и большую часть времени проводят во сне. И лишь раз в год они пробуждаются на несколько дней, чтобы набить свои огромные животы и снова уснуть. Я опасаюсь, что нас угораздило заглянуть в Глотку Великана как раз, когда пробудились эти злобные твари.

— А вот мне кажется, что здесь кто-то специально расставил ловушку, — медленно произнес Хьёрса. — Не удивлюсь, если наш глупый капитан как раз…

— Тихо! — поднял руку киммериец.

Варвар, конечно, догадался, чего добивался асир, но призвал к тишине совсем по другой причине. Уже издали он заслышал хруст торопливых шагов и мог поклясться, что кто-то бежал в их направлении. Над землей давно расползся жидкий туман сумерек, однако,

капитан наемников сумел разглядеть приземистую фигуру человека, спешившего к ним навстречу. Карракх! Один и напуганный до умопомешательства. Он бежал прочь из опасного места. Спасал свою жизнь. Конан окликнул его, но тот даже не повернулся в его сторону. Тогда варвар приказал схватить Заклинателя. Как ни странно, Хьёрса первым рванулся исполнять приказ — сорвалась задумка, дай волю отыграться на другом. Проявив излишнюю прыть, он кинулся под ноги невысокому шаману и, перевернув Карракха, бросил его на снег. Подоспели остальные, и вскоре Заклинатель драконов забился в сильных руках северян. Он никого не слушал и громко вопил. И лишь спустя пол-квадранса, убедившись, что его окружают свои, и никто не хочет причинить ему зла, колдун прекратил истерику и успокоился. Однако его руки дрожали все также сильно.

— Снег ожил! — прокричал он в ужасе, вспоминая недавние события. — Хищный лед набросился на воинов и проглотил их всех до единого! Смерть в снегу! Хищный лед!

— Успокойся, Карракх, — киммериец тем временем пробовал связать сбивчивый рассказ Заклинателя драконов и то, о чем ему недавно поведал Ингурд. — Кто напал на твоих людей?

— Кто-то или что-то большое и неповоротливое, похожее на огромный сугроб, спрыгнуло с валунов и схватило одного из наших. Потом вниз попадали еще две таких же глыбы и разорвали на части сразу троих человек. Что было потом, я не помню. Я сразу бросился бежать, забыв обо всем, и видит строгая Деркэто, страх отобрал у меня последние остатки разума…

— Где это произошло?

— Не так далеко отсюда. Сейчас я начинаю понимать, что все это время бегал кругами, начисто потеряв голову. Вон то дальнее скопление валунов — и есть злосчастное место, где произошла трагедия.

— Идем туда.

Отряд достиг каменной груды, ни разу не остановившись. Карракх в точности указал, где и как на них напали враги. Однако на снегу не осталось ни одного следа, указывавшего на то, что некоторое время назад здесь кипел бой.

— Если была драка, здесь должны остаться тела или хотя бы пятна крови, — высказал общее недоумение Реган. — Уж не приврал ли ты нам, приятель?

Вообще-то Карракх занимал в войске Родвара более высокую должность, нежели Ледяной Молот, что само собой требовало почтительного обращения, однако, учитывая все обстоятельства, капитан полностью утратил свою способность повелевать, превратившись в испуганную жертву.

Заклинатель Драконов лишь яростно замотал головой в ответ на вопрос асира.

— Клянусь своей жизнью.

— А ты уверен, что все произошло именно здесь, и ты ничего не напутал? — строго спросил Карракха киммериец.

— Все произошло здесь, о гнилые кости Тагала! Эти мгновения останутся в моей памяти на всю жизнь, а вид этого места с огромными снежными комьями, пережевывающими кости моих бойцов, будет еще долго терзать меня в кошмарах.

— Чтобы снег ел людей…? — с сомнением произнес Видар.

— Да, разломай твой бестолковый череп молот Тюра! — не выдержал Карракх. — Снег! Настоящий снег, за мгновение до этого казавшийся таким привычным — белым и холодным. Я разбираюсь только в драконах, а то, что устроило засаду на этих камнях, вообще не

вписывается в рамки моих скромных представлений. Но одно я знаю точно — неведомое снежное чудовище за считанные мгновения расправилось с семерыми вооруженными воинами!

Внезапно Реган вскрикнул — что-то угловатое и тяжелое вцепилось в его правую руку у самого сгиба предплечья. Воин потянулся за своим молотом, и тут же могучая сила оторвала его от земли, выкручивая сустав. Асир снова вскрикнул, выпустил рукоять чудесного оружия из своих пальцев, захлебываясь в волнах нестерпимой боли и неловко попытался ухватиться левой рукой за сдавленное предплечье, которое вот-вот готово было треснуть.

Следом за Реганом в воздух взмыл Видар вместе со стоявшим рядом наемником. Вздувшиеся из-под земли бугры потащили их вверх, сокрушая кости.

Первым опомнился Конан. Киммериец подскочил к гигантской конечности и обрушил мощный боковой удар своего двуручного меча на плотную снежную массу. Снег податливо хрустнул, выбросив из-под стального лезвия пригоршню алой влаги, что-то звонко лопнуло, точно надломилась ледяная корка. Откуда-то снизу донесся безумный рев.

Другой ледяной нарост со снежными крапинками тут же метнулся к варвару, целя в голову. Конан ловко пригнулся и, пропустив над собой плотную конечность из слипшихся комьев, вонзил меч снизу-вверх, погрузив лезвие в стылую массу почти наполовину.

Тотчас из раны вниз по клинку сбежал ручеек светло-алой, жидкой крови. Капли попали на лицо киммерийца. Угловатая конечность судорожно дернулась, едва не сбив Конана с ног, но воин крепко держал рукоять.

Уродливые снежные боги, разгневанные дерзостью чужака, тотчас сосредоточили внимание на киммерийце. В сторону капитана наемников понеслось сразу четыре нароста. Лапы, державшие Видара и Регана, разжались и хищно устремились к новой жертве, оказавшей сопротивление. Воины Родвара, высвобожденные из снежных тисков, тяжко охнули и одновременно рухнули в снег.

Варвар высвободил меч и с хрустом перерубил отростки лапы, метившей ему в грудь. Новый рев, на этот раз полный злобы и боли, огласил Глотку Великана. Не останавливаясь, Конан провернул в руках клинок, и рассек снежную плоть нового противника, которая тут же окрасилась из молочно-белой в красную, окропленную брызгами крови. Что-то тяжелое, возникшее прямо у ног и выросшее до размера двух человеческих ростов, резко ударило Конана в грудь, так что тело варвара мгновенно отреагировало спазмом дикой боли. К счастью удар оказался не смертельным и даже не травмирующим.

Киммериец зарычал, шатко покачнулся, но устоял на ногах. Новая атака чудовища из ниоткуда — точно варвара атаковала волна снежинок — едва не снесла ему голову. Где-то внутри своего мозга Конан ощутил гулкий всплеск. От новой атаки он уже не мог защититься. Выдернутый превосходной боевой интуицией из места, куда должен был прийтись очередной удар, Конан все же получил сильный тычок в плечо и потерял равновесие. Внутри мышц и сухожилий киммерийца что-то сжалось, чтобы уже через мгновение вспыхнуть жарким огнем.

Однако варвару было не до этого. Теперь все его силы и внимание целиком поглотил поединок. Злость резко перешла в безумную ярость и разожгла боевой азарт. Все, чего он желал в тот момент — ответить ударом на удар, отомстить за причиненную боль. Меч, сурово звеня, крутанулся в его руках.

Конан отступил на шаг, все еще восстанавливаясь после удара, но уже в следующий момент он был готов снова разить. Выставив вперед левую ногу, киммериец отвел меч вниз-

вправо, готовясь к атаке. Так замирает зверь, чтобы в следующий миг сбить на землю своего врага смертоносным прыжком.

Тело снежного великана появилось неожиданно у самой земли — точно поземка собрала в кучу тяжелые комки снега. Конан только этого и ждал. Зубы киммерийца обнажились в волчьем оскале. Резко выбросив вперед обе руки с зажатым в них оружием, он нанес удар.

Сильный, быстрый, беспощадный.

Варвар бил так, словно собирался распороть своего противника от низа живота до груди, будь перед ним человек. Снежному великану этого тоже хватило — стальное лезвие безжалостно разорвало белесый снежный покров, обнажив сплетение красных мышечных волокон, двинулось дальше, рассекая тугие жгуты, которые при его прикосновении лопнули, точно порванные струны арфы, и ушло вглубь, в податливое алое желе.

Сзади тотчас взбух бугор, который мигом позже взорвался подобно гнойному нарыву, разбрызгав кровь с мелкими льдинками. В центре разрыва показался проклюнувшийся хищный кончик меча. Клинок выждал незначительную долю мгновения, после чего с яростью вспорол бело-красную массу, выбросив в воздух целые фонтаны крови.

Последовавший рев больше не казался грозным, скорее, тихим, жалобным, обидчивым. Злобное существо, собравшееся позабавиться, а после плотно поужинать, само стало жертвой. Снежный охотник превратился в дичь.

Бугры тотчас осели. Снег встрепенулся у земли, но уже далеко — в трех десятках шагов от воинов. Кем бы ни были эти злобные существа, сейчас они трусливо удирали, спасая собственные шкуры.

Конан все еще стоял возле развороченной окровавленной туши, крепко сжимая меч, словно не в силах разжать руки и выпустить его из хватки. Мышцы варвара вздулись так, что казалось, что кожа сейчас порвется, и они лопнут.

Только спустя несколько долгих и тихих мгновений в себя пришли остальные наемники.

Карракх изумленно покачал головой. Видар с ужасом и отвращением оглядел меч киммерийца, не зная радоваться ли своему спасению или бежать без оглядки от того, в отношении кого он еще час назад вынашивал недобрые планы.

Хьёрса опустил взгляд, не смея заглянуть Конану в глаза. Реган, напротив, с уважением глядел на варвара. Остальные воины также как и Видар уставились на окровавленное лезвие тяжелого меча, словно размышляя, кого бояться больше — снежных чудовищ, которых уже и след простыл, или этого человека, сумевшего распластать напополам злобного великана одним страшным ударом.

Конан, словно ничего не замечая во взглядах своих товарищей, стряхнул с клинка алые капли и убрал меч.

— Вернемся в лагерь, — сказал он.

Наемники без лишних вопросов последовали за своим капитаном.

По очереди выслушав рассказ всех воинов из отряда, который вернулся в лагерь. Только к самому наступлению ночи, Вьяллар принял решение отложить спуск в Глотку Великана до наступления утра.

Поскольку они теперь знали, с кем имели дело, риск попасть в засаду значительно уменьшился. Пока же воинам следовало готовиться к предстоящему сражению и жечь костры до самого восхода, чтобы ни один из сородичей убитого Конаном великана не прокрался в лагерь. Олав отрядил в ночной дозор добрую четверть войска — теперь уж точно

никакое чудовище не подойдет незамеченным.

Те, кто был в отряде киммерийца, вообще не видели смысла в таком количестве ночной стражи. После жестокой трепки, с восхищением замечали они, скверные существа зарекутся приближаться к их стоянке ближе, чем на пол-лиги.

Гретта тут же убедила наемников в обратном, а самых болтливых отправила на пост в Полуночную часть лагеря. Видару и Хьёрсе не выпало поспать в ту ночь. Они, впрочем, и не огорчались — месть для великанов дело привычное, того и гляди вернутся всем скопом.

IV

Могучий силуэт, скрытый тенью ночного мрака, скользнул в середину круглой пещеры, со всех сторон продуваемой стылыми ветрами. Тяжко скрипнули ледяные сосульки, где-то в глубине шевельнулся грызун, разбуженный звуком шагов, в темноте вспорхнула летучая мышь, потревоженная хриплым дыханием пробудившегося существа.

— Куда ты, мать…? — пророкотал из тьмы скрипучий голос.

Ответа не последовало. Темный силуэт замер посреди пятачка лунного света, точно вслушиваясь в звонкую тишину. Выждав несколько мгновений, существо принялось раскладывать хворост для ритуального костра. Вскоре сумрак ночи разорвал маленький огонек, начавший свой странный танец на сухих ветвях.

— Не смей, мать…! — потребовал тот же голос, уже увереннее. — Оставь этого человека в покое. Не тревожь его, в нем наша погибель. Ты разбудишь ее.

— Разве не он убил твоего брата, Скакк?

— Он, — последовал тяжкий вздох.

— Разве не он принес горе в наш край? Разве не он ли хочет погубить того, кто вернул нас к жизни?

— Он…

Великанша раздула костер, и огонь подарил ей свою огненную улыбку.

— Мы боимся, мать. Он придет и убьет нас всех. Он — наша гибель, — скрипнул другой голос поглуше.

— Успокойся, Сигин. Я знаю тайные чары. Я уничтожу всех дерзких людишек.

Костер медленно разросся до гигантских размеров, превратившись в алый огненный цветок.

— Лучше бы дождаться отца. Он сокрушит негодяя.

— Я сама справлюсь с ним! — взвыла великанша и громко топнула ногой.

Багровые искры плеснули из костра, яркие всполохи бросились на холодные стены, обнажив из мрачной тени липкие сети паутины и груды обглоданных черепов. В пустых глазницах блеснул огонек. Если бы его видел кто-то из людей, то с уверенностью бы сказал, что в них отражалась насмешка.

— Призываю тебя, о великий Тьяр, Повелитель Огненной Страны! Приди же и сожги дерзких людей, вступивших на нашу законную территорию! Яви свой лик и покарай! Приди же, о Тьяр!

… Ночь огласили пронзительные крики и бряцанье оружия. Где-то в восходной части лагеря ярко вспыхнул костер, и пламя взвилось до самых небес. Потом вдруг раздался писк, будто раздавили крысу. Огонь жадно лизнул сидевших у костра наемников, оставив на их одежде пляшущие язычки пламени. Воины Родвара с воем отскочили от старого союзника, согревавшего их в снежных степях, который за мгновение превратился в злейшего врага. Лагерь всполошился. Варвары, решили, что великаны напали-таки на их убежище. Беспорядочно мечась среди пятен алого света, северяне пытались отыскать невидимого противника. Однако занятие это оказалось тщетным — никого поблизости не было. Зато огонь костров становился все жарче и свирепее с каждым мгновением, грозясь спалить всех воинов. В поднявшейся суматохе Конан налетел на Ингурда, сверху на них упал старик Динхвалт.

— Что происходит, пес всех вас возьми?! — прорычал киммериец.

— Ётуны! — однозначно ответил ванир. Будь я проклят Имиром, если это не мрачное колдовство Бестлы, матери того великана, что ты убил прошлым днем!

— Разорви ее Кром! Что же делать? В магии я соображаю не больше, чем осел в кузнечном деле!

— Нужно найти Миррейу и Тарланда, — посоветовал Тьяцци. — Это как раз по их части.

— Дело говоришь, старик. Где они сейчас, зоркий прорицатель?

— Хе, это вполне ясно. Не нужно никакого колдовского дара. Вон они оба, как раз направляются в нашу сторону.

Конан рывком вскочил на ноги.

— Миррейа! — почти рявкнул он. — Какого демона творится в лагере? Почему огонь жжет наших воинов?

— Черная магия, — ответила волшебница. — Древняя, как само солнце и губительная, точно взгляд Тагала. — Никогда раньше с таким не встречалась.

— Тогда придется встретиться. Иначе это демоново отродье изведет всех бойцов! Как нам одолеть колдунью?

— Как можно скорее убраться из лагеря, — ответил Снежный вместо чародейки. — А уж утром…

— Не самая лучшая идея, — сразу же опроверг его мысль Тарланд. — Куда ты предлагаешь бежать? В темноту, где нас всех переловят, точно лисиц в невидимые капканы? Да и потом, неужели ты думаешь, что если войско рассеется, собрать его будет легко?

— Помолчал бы лучше, маг, — заворчал Ингурд, однако, возражать не решился. Знал, что аквилонский волшебник абсолютно прав.

— Тогда нужно что-то сделать, а не ждать, пока нас зажарят, как свиней в собственной стайке!

Киммериец и ванир взглянули на волшебницу.

— Есть два пути, — подумав, сказала Миррейа. — Путь первый, сложный и сомнительный в том плане, что он принесет успех. Мчаться вниз и разыскивать логово великанов. Там найти того, кто творит волшбу и устранить физически. То есть убить. Путь второй — не менее трудный и спорный. Ответить магией на магический удар.

— Что же лучше?

— Решать вам. Я с братом могу помочь по части магии, но, должна вас предупредить, расправиться со столь могущественным колдуном у нас мало шансов. Мы всего лишь магикосенсы, то есть те, кто обнаруживает источники магии, а бороться с создателями губительных чар — задача боевых магов нашего ордена.

— Мы обнаруживаем, другие уничтожают, — согласился Тарланд.

— О, небо!

— Я бы сумел одолеть великаншу, — неожиданно заявил Динхвалт. — Дайте только мне ее увидеть.

— Это возможно, — кивнул Гарланд. — Мы способны направить твой блуждающий дух по верному пути. Это приведет тебя как раз в логово ётунов…

Мимо них пронесся горящий человек с оглушительными воплями. Северянин дико кричал и размахивал руками, пока не рухнул в сугроб и не сбил пламя. Да так и остался лежать в снегу, то ли обезумев от боли, то ли не решаясь отойти от спасительного холода к

месту, где свирепствовало жаркое пламя.

— Бестла жестоко мстит за смерть сына, — подал голос Ингурд.

Краем глаза Конан видел, как Гретта и Олав метались по лагерю, отчаянно пытаясь унять возникшую панику. Ничего толкового у обоих командующих не получалось.

— А вы можете отправить нас к ётунам вместе с Тьяцци? — спросил Миррейу киммериец.

— Можем.

— Погоди-ка, — возмутился Ингурд. — Кого это нас? Я ни за что не…

Снежный умолк, устыдившись собственных слов.

— А, зачумленные груди Хель! Отправляйте меня вместе с Конаном!

Тьяцци, Конан и Ингурд уселись друг напротив друга, в то время как Миррейа и Тарланд встали за пределами круга и направили свои руки ладонями вперед в сторону тройки.

— Вам лучше закрыть глаза, — шепнула чародейка. — Так будет быстрее.

Они так и сделали.

… Конан никогда такого не испытывал. Словно бы он со всего маху плюхнулся в глубокое море и сразу же достиг дна. Точно провалился в сон, только сон чистый и ясный, где ты все видишь как есть и все осознаешь без искажения. Белые обрывки покрывала по сторонам — не снег, но холодный призрачный туман.

Своих спутников он не видел — Тьяцци и Ингурда целиком поглотил ветер, несший тройку в направлении пещеры великанши Бестлы. Земля казалась сплошным размытым пятном, небо — звездным черным колпаком, накрывшим снежную равнину.

Где-то внизу гулко, точно биение сердце, разносилось низкое звучание магии, черной волшбы, что творила старая ётунша Ванахейма. Конан знал, что стоит ему вглядеться вниз, и он увидит высокий закопченный потолок пещеры, голые кости, оставшиеся от несчастных жертв, угодивших на обед к семье великанов, и стаи пугливых тварей, снующих по углам каменного вместилища. Однако он не вглядывался, зная, что иллюзии, описывающие место обитания недругов, реальны так же как и его собственные мысли, от которых он отталкивался в этом магическом полете.

Миррейа и Тарланд справлялись со своей задачей — вскоре киммериец заметил стылый грот, в котором безумно плясала гигантская тень. Вне всякого сомнения, Бестла насылала огонь на войско Родвара своим диким колдовским танцем.

Теперь варвар видел Снежного и Тьяцци. Ингурд проплыл мимо него по направлению к входу в пещеру. Динхвалт, напротив, завис где-то в вышине. Конан встал на ноги у черного провала, со стенами обагренными светом от волшебного костра. Жуткий силуэт ётунши дернулся, но лишь для того, чтобы в следующее мгновение вновь предаться неистовству танца. Похоже, Бестла ничего не знала о непрошеных гостях.

Варвар бесцеремонно и размашисто вошел в обитель снежных великанов. Рядом под холодные своды вступил Ингурд.

Вторжение, наконец, заметили.

— А, я ждала тебя! — грозно провыла Бестла. — Убийца моего сына!

Конан обнажил меч. Стальное лезвие не блеснуло в свете костра — у призраков и их вещей тела были полыми, в пещеру Ингурд и киммериец вошли только в своих прозрачных оболочках.

Старая ётунша это сразу же подметила.

— О, да ты пришел в мое жилище не как воин, а как трус, оставивший в безопасности

свое тело…

Конан и ванир одновременно атаковали великаншу. Ингурд размахнулся и бросил в Бестлу Короткий метательный топорик, киммериец подскочил к колдунье и нанес рубящий удар по ее бедру. Но брошенная секира прошла сквозь живую плоть, не причинив вреда етунше. Клинок варвара также вспорол только пустоту.

Бестла расхохоталась.

— Вы бессильны, жалкие глупцы! Я раздавлю вас словно червей, ибо моя магия сильна!

Великанша выбросила в их сторону сноп пламени. Колдовской огонь смел Конана, а следом за ним и Ингурда. Северяне упали, но боли не почувствовали.

— Я зажарю ваши глаза на медленном огне, гнилое отродье. Нечего было приходить в наши земли!

— Ваши земли? — Снежный едва не подавился от злости. — С каких пор славный Ванахейм стал принадлежать бестолковым ётунам, проклятая?!

Конан потратил меньше времени на разговоры. Он снова устремился в атаку. Но его клинок, как и в первый раз, рассек лишь прохладную пустоту.

— Прочь, ничтожество! — Бестла опрокинула киммерийца новым потоком огня.

Если духи не могли поразить живых, то магия колдуньи действовала на призраков вполне исправно. Бестла топнула ногой.

— Ха, я знаю, какую участь для тебя избрать, подлец! Я запру твой дух в клетке и повешу его над очагом, чтобы он вечно коптился в огне, расплачиваясь обильными страданиями за смерть моего сына. А твое могучее тело, вояка, сожрут могильные черви…

Своды пещеры утробно вздохнули. Великанша отшатнулась.

Злые ветры ворвались в убежище снежных ётунов с песней смерти. Но то были не ветры — целое полчище душ мертвых. И влек их за собой грозно хохочущий Тьяцци Динхвалт.

— Бестла! Злая колдунья, прислуга Тьяра, узри же! Я привел души тех, кого ты замучили до смерти в своих мрачных хоромах, и духи горят желанием отомстить! Слышишь, как воют они, чувствую приближение твоей гибели? Видишь, как мечутся они, жаждя поскорее унести тебя в самые глубины царства Хель? Так пусть же в угоду Хару в этот час и в этом месте свершится возмездие!

Прорицатель указал духам на Конана, и те потекли одним сплошным потоком в его оружие, впитываясь в сталь клинка. Меч потерял привычные краски, вновь вернувшись в реальный мир, однако, варвар по-прежнему держал его в руках. Вокруг киммерийца мертвые свили хоровод, укрыв его от глаз великанши.

Ингурд следил за происходящим, раскрыв рот.

Конан наступал на ётуншу медленно и неумолимо — так желали духи, которые вели его. Бестла в страхе попятилась — ей виделось только то, как в ее сторону плыл зловещий меч, в то время как самого владельца видно не было.

Колдунья, чувствуя собственную гибель, взвыла.

— Скакк, Сигин, сыновья мои, на помощь!

— Не будет тебе пощады, злодейка, — предрек ей старый Тьяцци. — Вечно будешь кипеть в большом котле.

Внезапно лик древней ведьмы исказила ярость. Она направила на невидимого Конана целую волну огня, предназначенного уничтожить бесплотный дух мстителя. Киммериец, в какой бы плоти он не находился — из мяса и костей ли, из иллюзорной ткани ли — оставался воином. Духи духами, а собственные инстинкты важнее.

Конан поднырнул под волну губительного пламени, подскочил к ётунше и в следующий миг вспорол ее большое брюхо мечом, обретшим стальное тело. Из теплого нутра повалились потроха; призраки, покинув лезвие, жадно набросились на остывающий труп, стремясь поскорее вытянуть душу из увядающего тела.

Варвар отступил на шаг. Колдунья рухнула возле волшебного костра и тяжко вздохнула в последний раз.

Конан увидел, как хороводы визжащих духов со злобной радостью поволокли кричащую душу Бестлы в ночной мрак, прочь из спасительной защиты жилища.

— Мать…! — взревели двое великанов, выскочивших из глубокого грота, скрытого темнотой. — О, горе! Губитель все-таки забрал твою жизнь…! Пусть ненавистный забирает и наши…

Сигин и Скакк набросились на Конана. Киммериец увернулся. На помощь ему подоспели стонущие духи, которые быстро спеленали ётунам руки незримыми покрывалами. Меч варвара вновь выцвел, вернувшись формой в реальный мир. Взмах — падает зарубленный Сигин. Взмах — распадается на две половинки Скакк. Отмщенные духи поют торжествующую песнь.

… Если начало магического путешествия было похоже на погружение в море, то пробуждение из транса получилось куда более болезненным. Все трое очнулись с жесточайшей головной болью. Особенно плохо пришлось Ингурду и Конану, видно, колдовской огонь возымел свое действие. Миррейа и Тарланд кинулись приводить в чувство своих спутников. Юная волшебница отследила участки, где в тело варваров вгрызлась тупая боль. Тарланд изгнал ее из тел друзей особым колдовским образом. Но все равно тройка убийц великанов еще долго не могла полностью прийти в себя из-за действия чар ётунши.

— Мы убили ее… — негромко, но твердо сказал Конан.

— Я это поняла, — ответила Миррейа. — Пока вы странствовали, пламя костров угасло, и огонь вновь сделался послушным. К группе наемников подбежала Гретта.

— Полагаю, это ваша работа?

— Наша…

Лидер наемников устало улыбнулась.

— Вы еще раз доказали свое право называться капитанами войска. Я вам очень признательна. Вы заслуживаете отдыха, многочисленных наград и всевозможных почестей.

— Насчет многочисленных наград, это я с радостью, — вздохнул Динхвалт. — Если под этим понимается доброе вино и еда. А вот насчет отдыха — изволь отсрочить, госпожа. Завтра в Глотке Великана нас будет ждать грозный Боргельмир с Любимцами Бурь, который придет мстить за сыновей и жену.

На лице Гретты появилось озадаченное выражение.

— Справимся, — успокоил ее Конан.

Как ни странно, она ему поверила.

V

Следующий день ознаменовался сильным снегопадом. Огромные белесые хлопья сыпались с небес нескончаемым белым ливнем. Такого обильного выпадения снега не мог припомнить никто из коренных ванахеймцев. Ветра не было, снег падал, словно целой стеной. Казалось, что вскоре вся земля будет покрыта огромным слоем в два человеческих роста.

Гретте вспомнилось зловещее предсказание Динхвалта — столь небывалое зрелище вполне могло быть последствием дурного настроения Любимцев Бурь.

Так или иначе, воины Родвара начали спуск в Глотку Великана. Судьба не проявляла никаких каприз, наемники удачно сошли в древний застывший кратер и оставили позади около пяти миль.

Дальше — зловещая тишина и неизвестность.

Все тот же падающий снег теперь словно бы разгневался на странников, кидая белые искрящиеся хлопья прямо в лица воинам Родвара. Вокруг — мрачная белая пустыня с холодными валунами, так и дышащая злобой. Точно неведомый глас спрашивал каждого: «Кто ты такой, что пришел сюда без приглашения? Беги отсюда, уноси свои ноги, чужак, если тебе дорога твоя никчемная жизнь!»

Воины с угрюмыми лицами продолжали идти. Даже холодный ванахеймский воздух сделался колючим. Казалось, все здесь сопротивлялось продвижению наемного отряда.

В конце концов, они пришли. Все без исключения поняли это сразу, едва завидев группу молочных силуэтов, топчущихся у подножия гигантского валуна, на котором молчаливо возвышалось могучее существо. Снегопад сразу же прекратился — словно невидимые руки одернули в стороны небесные шторы. И точно по волшебству проворные поземки расчистили площадку перед толпой северных вояк.

На замшелом валуне в целых пол-лиги в обхвате стоял старый Боргельмир, весь в железе и при полном вооружении. Лицо отца снежных ётунов казалось мрачнее самой пасмурной грозовой тучи. Льдистые брови грозно сошлись на переносице великана.

Внизу Любимцы Бурь пели тайную песнь, похожую на свист ветра или завывание поземки, восхваляя своего покровителя и вдохновляя его на бой. Их нетерпение угадывалось в судорожных жестах — снежные существа словно бы переминались с ноги на ногу, меняли очертания, сжимались в плотные комки или вырастали до размеров етуна, поигрывая пальцами, похожими на ледяные сосульки.

Завидев войско людей, Боргельмир не шелохнулся. Сначала внимательно и сурово оглядел наемников, словно выискивал взглядом кого-то, и, не найдя, неспешно поднял к устам огромный костяной рог и трижды протрубил в него, тем самым, подав сигнал к атаке своим помощникам. Детища снегов набросились на северян. Кого-то из воинов смели сразу же, похоронив под слоем плотного снега, кто-то оказался достаточно ловок, чтобы избежать безумной атаки чудовищ, кто-то до сих пор оставался в стороне от битвы, все еще отказываясь поверить в происходящее.

Шемиты, ловкие как демоны, прыснули в стороны от атаковавших их монстров. Потом всей толпой набросились на одного Любимца Бурь, связали его магическими путами и неторопливо прикончили.

Люди Бора жестоко пострадали. Бандитов подбросило в воздух, точно перья. Духи

снегов изрядно позабавились, швыряя головорезов друг дружке и вращая их в вихревых потоках. Сам главарь избежал подобной участи. Северянин, ловко орудуя двумя мечами, отогнал от себя двоих Любимцев Бурь, и как только они повернулись к нему спинами, чтобы заняться другими наемниками, вонзил оба клинка в рыхлую плоть одного из чудищ.

Миррейе и Тарланду посчастливилось попасть в расщелину валуна, на котором возвышался Боргельмир в самом начале схватке, и потому суматоха беспорядочного боя обошла их стороной.

Тьяцци слепо метался по земле, однако, духи бурь его, словно бы и вовсе не замечали. Вероятно, старому предсказателю покровительствовали силы умерших.

Кто дал настоящий отпор Любимцам Бурь, так это Паарадж. Светлый защитник Асуры исторг пламя со своей длани и растопил сразу пятерых снежных чудовищ. Те, в свою очередь, оценив опасность, бросились прочь от незнакомого и грозного жителя далекой страны. Его младший духовный брат Синкху бился голыми руками, выбивая из крошащихся под его ударами тел врагов всплески снега.

Карракх и Тарн тоже не дремали. Заклинатель драконов развел некий магический костерок, который не гас несмотря ни на какие усилия снежных бестий и разбрасывал по сторонам искры, прожигавшие тела Любимцев Бурь. Тарн изменился до неузнаваемости — человекоподобное существо заменила кровожадная гарпия.

Ловкий и быстрый, он легко уворачивался от лапищ монстров, атаковал сверху, разметая полетом тучи снежинок, и приверженцы холода отступали перед его ловкостью и силой. Лишь один из них не отступил перед Сыном Гарпии. За что буквально и поплатился головой. Тарн взмыл в поднебесье, широко раскинув полы своего темного плаща, затем рухнул вниз, прямо на плечи чудовища. Мелькнули длинные изогнутые когти получеловека — и голова снежного воителя осталась в руках Тарна. После чего Сын Гарпии снова улетел в самое поднебесье, уходя от возмездия других Любимцев Бурь. Состязаться в скорости с тем, чьей родной стихией была не только земля, но и воздух, слуги Боргельмира не могли.

Регану впервые пришлось показать, чего на самом деле стоит его хваленый молот. Чудесное оружие сокрушило не меньше десятка хладных противников. Торрад и Ингурд убил по двое Любимцев Бурь. Троих прикончил Хьёрса.

Некоторым варварам не повезло — ледяные пальцы монстров разорвали их тела. Других помощники великана забросили в сугробы или похоронили в снегу. Однако больших потерь войско Родвара не понесло: наемники из числа ваниров, асиров и киммерийцев сумели дать врагу достойный отпор.

Олав свалил вожака Любимцев Бурь, напополам распластав его снежное тело. Вьяллар проткнул копьем двоих противников, взяв виру за смерть двух десятков своих людей. Еще с одним расправилась Гретта.

Конан, попав в воронку хаотичного боя, вертелся в ней, точно сам Азах, с размаху рубя своих врагов. Киммериец как никогда сильно чувствовал боевой азарт, затопивший его с головой. Меч отныне казался живым — настолько послушно оружие летало в его могучих руках. Он резал, колол, рубил, находил незащищенные места в ледяном панцире атаковавших отряд существ. Боевые крики и пылающий взор варвара правдиво свидетельствовали о том, что любому противнику — будь то человек или снежный монстр — уготована скверная участь, дерзни он приблизиться к разъяренному воину.

Когда на них напали, Конан сразу же зарубил высокого Любимца Бурь восемь футов ростом, возникшего прямо перед киммерийцем.

Первый.

Потом на варвара набросились с двух сторон сразу двое приятелей убитого гиганта. Он увернулся от удара ледяной дубиной и, опередив атаку второго, воткнул клинок в лицо врага, пробив лоб чудовища. Второй замахнулся для нового удара, но, как оказалось, сделал это недостаточно быстро. Конан выдернул меч из оседающего тела почитателя холода и встретил оружие противника стальным клинком, который вдребезги разнес ледяную дубину. Голова второго воина бурь тут же покатилась по снегу.

Второй и третий.

Очередной противник попытался сцапать варвара в могучие объятия, чтобы застудить человека и выпить из него все жизненное тепло. Конан трижды пронзил его грудь, после чего Любимец Бурь рухнул у валуна неподвижной грудой снега.

Четвертый.

Один из стоящих неподалеку помощников Боргельмира швырнул в киммерийца тяжелым снежным комом. Варвар легко вывернулся из-под катящегося снаряда и двумя тигриными прыжками покрыл расстояние, отделявшее его от недруга. Чудовище пыталось защититься, выставив руки в сторону меча — лезвие отсекло конечности, затем вспороло глотку монстра.

Пятый.

Трое новых оппонентов оказались противниками не вровень Конану. Киммериец разметал вокруг себя летящие серпы снежного крошева — все, что осталось от вояк после свирепой контратаки варвара.

Шестой, седьмой и восьмой.

Мимо уха северянина пронеслось дышащие холодом копье, но варвар жестоко отмстил за столь дерзкую попытку отнять его жизнь, подрубив обе ноги Любимца Бурь, после чего раскроил снежную бестию от шеи до пояса. Набросившийся сзади монстр получил пронзающий тычок меча в свое брюхо. Сам киммериец так и не обернулся.

Девятый и десятый.

Новый снежный воин оказался бойцом мастерским. На него Конан потратил не меньше двух поворотов клепсидры, прежде чем ему удалось уложить прислужника сурового великана. Чудовище хорошо держало защиту вверху, но оставило открытым низ.

С веселой яростью киммериец вонзил меч сначала в правый бок противника, потом в левый. Любимец Бурь протяжно завыл, и налетевший ветер растащил по снежинкам его тело, потерявшее жизнь.

Одиннадцатый.

Рухнувший сверху на варвара враг едва не сбил его с ног своим немалым весом. Вот только цену за свою смелость заплатил немалую — Конан диагональным ударом развалил пополам слугу Боргельмира.

Двенадцатый.

Двое атаковавших следом монстров схватили его под руки и едва не разорвали пополам. Если бы снежные воители могли удивляться, то непременно бы удивились. Северянин, собрав в мускулах плеча всю силу, вырвал руки из хватки, поднял оброненный меч и быстро положил конец существованию еще двум помощникам старого ётуна.

Тринадцатый и четырнадцатый.

Следом за ними пал другой Любимец Бурь, вздумавший снести с плеч голову варвара мощным ударом кулака.

Пятнадцатый.

Другой, более удачливый и хитрый, подбросил Конана вверх порывом ветра. И пока любимец Крома приходил в себя после того, как неловко рухнул в снег спиной, свалил на него кучу снега. Выбравшего из завала варвара непременно ждала бы смерть, не окажись в тот момент у киммерийца нужной способности на безошибочное определение места, откуда должна была выпрыгнуть смертельная опасность.

Припав на одно колено и выставив меч, он встретил выпад чудовища, потом сразу же отхватил левую ногу Любимца Бурь по саму щиколотку и выбил фонтан снега из его живота новым ударом. Злобный вой заглушил порыв ветра, освободившегося от власти хозяина.

Шестнадцатый…

Он мог бы убивать бесконечно и силы бы не оставили варвара, пока он либо не перерезал бы всех в армии великана, либо пал бы сам, так и не осознав, что проиграл. Однако судьбе было угодно, чтобы схватка прекратилась. И остановил ее не кто иной, как сам Боргельмир. Старый великан отозвал своих помощников и обратился к Конану с такой речью:

— Теперь я вижу, каков ты, убийца моих детей и жены. Ты истинный воин. Много веков назад наш прародитель предрек, что я паду от руки именно такого — отчаянного и смелого до безрассудства, обладающего огромным воинским мастерством. Поэтому не будем больше откладывать наш спор и сойдемся в честном поединке.

— Не верь ему, Конан, — шепнул Ингурд, которому случилось оказаться в этот момент поблизости от киммерийца. — Все ётуны колдуны и обманщики.

— Я не колдун, а воин, — не без гордости молвил в ответ древний великан, расслышавший слова Снежного. — Клянусь глазами своего отца, если я буду сражаться нечестно, Имир с позором выставит меня за врата ледяной страны, куда я отправлюсь после смерти. Поэтому помолчи, человек. Я вызываю на поединок того, кто убил мою семью.

— Я принимаю твой вызов, — громко объявил Конан, встав лицом к огромному валуну, на котором стоял грозный Боргельмир.

Старейший из снежный ётунов стал неторопливо спускаться вниз, звеня кольцами добротной кольчуги. Под тяжелыми ступнями великана хрустел даже мерзлый камень. Наемники Родвара сразу же забыли о только что отгремевшей схватке. Их сковал страх при виде могучего из могучих воителей. Где уж киммерийцу с его силой и размерами совладать с таким разрушителем! Зря варвар из соседней страны согласился на поединок. Не жить ему теперь.

Конан оставался спокоен. Он ничем не выдал напряжения, растущего в его душе при виде существа вдвое больше его ростом, собравшегося вступить с ним в равный бой. Миррейа глядела на киммерийца с ужасом. Тарланд окинул его взглядом, точно варвар был уже покойником. Олав в легком беспокойстве сложил на груди руки. Гретта закусила губу. Тьяцци едва заметно приоткрыл рот. Торрад и Хьёрса с изумлением переводили взгляд то на Конана, то на Боргельмира, сравнивая бойцов и с каждым новым ударом сердца все меньше веря в успех киммерийца. Бели и Брокк из шайки Хьюки — те так вообще тихо пообещали себе вести только честную жизнь целых полгода, если случится чудо, и варвар выиграет поединок. Паарадж и Синкху стояли молча, низко склонив головы — молились светлейшему Асуре за своего «северного брата». Тарн следил за киммерийцем с интересом. Возможно, Сын Гарпии был бы и рад помочь товарищу, однако, святое право на поединок не должно было быть нарушено, знал он; воин, принявший вызов, обязан рассчитывать только на свои

силы. Вьяллар с некоторой опаской взирал на место, где должен был состояться поединок, словно полагая, что вслед за великаном на Конана кинется все оставшееся войско Любимцев Бурь.

Один на один с Боргельмиром.

Один на один с древним существом, у которого сил и выносливости хватит на десятерых, а то и ста таких же, как Конан.

Киммериец без страха вышел на поединок. Великан шумно вздохнул, так что дрогнула жесткая поверхность валунов. Пластины тяжелых шипастых лат и шлем, увенчанный витиеватыми рогами, недобро блеснули в скупом лучике тусклого света, просочившегося с небес, точно хитиновый панцирь невообразимо огромного жука-могильщика.

Конан принял боевую стойку, развернувшись боком к противнику и прижав рукоять меча к груди. С такой позиции было удобно наносить хлесткие рубящие удары.

Старый ётун не стал хвалиться своей силой, не стал насмехаться над оппонентом. Впрочем, было это вовсе не из-за того, что древний воин, заставший времена северных богов, свято чтил негласные традиции воинов. Он готовился к поединку всерьез и не побрезговал бы любой хитростью, чтобы выиграть схватку. Но стал тратить время на бахвальство или унижение своего врага, отлично зная, что, ни то ни другое, на варвара не подействует.

Оба желали победить: Боргельмир для того, чтобы свершить возмездие, Конан для того, чтобы отстоять собственное право на существование — на глазах у тех, кто шел с ним на смерть.

Шестнадцать, мелькнуло в мыслях Конана.

Он успел уложить шестнадцать врагов за эту битву. Причем не каких-нибудь сопливых туранских стражников или кофийских меченосцев, которые не знают, как клинок-то правильно держать, а настоящих снежных монстров, Любимцев Бурь!

Боргельмир станет семнадцатым и на сегодня закроет список тех, кто отправится в гости к Хель. Кром свидетель!

Еще миг — и звонко запело железо, столкнувшееся в яростном броске под крики воинов, наблюдавших за поединком. Схватка началась!

У Боргельмира имелся такой же двуручный меч, но был он едва ли не вдвое большего того, которым обладал киммериец. Клинки взлетели, подобно языкам пламени и с чудовищной силой столкнулись во второй раз.

Конан, несмотря на огромную трату сил, держал удар ётуна. Великан размахнулся и вновь ударил, стремясь задавить противника превосходством в силе и весе. Варвар не поддался и контратаковал.

И, о чудо! Клинок северянина гулко ударил в пластины древних лат, обозначив рыжим снопом искр яркую полосу на латах противника. Кольчуга Боргельмира натужно скрипнула, но не поддалась.

Отец снежных чудовищ отступил на шаг, удивляясь ловкости оппонента.

Войско Родвара испустило дружный вздох.

Старый ётун раскрутил в воздухе клинок для нового удара — такой, если попадет во врага, пересчитает все кости или перерубит пополам.

Точно скала обрушился на киммерийца неподъемный меч. Однако в том месте, куда рухнул клинок великана, Конана уже не оказалось. Он зашел вправо, под руку огромного противника, и второй раз попробовал на прочность латы Боргельмира.

Наемники вновь восторженно вздохнули. Поняв, что уступает, великан усилил натиск,

но его ярость оказалась лишь на руку Конану.

Не в меру размашистые и чересчур мощные удары было легче угадывать и проще обходить. Режущая железная полоса неоднократно с гулом проносилась у самого лица варвара, но всякий раз киммериец успевал увернуться или заблокировать удар. Ни одна из страшных атак ётуна не достигла своей цели, в то время как на кольчуге воина древнего мира красовалось уже порядка десятка вмятин.

— Конан победитель! — выкрикнул кто-то из толпы наемников.

Новый удар выбил из доспехов Боргельмира гулкую дрожь.

— Конан из Киммерии! — подхватили другие. — Конан! Конан!

Вскоре все войско Родвара принялось единодушно возносить хвалу варвару.

Боргельмир предпринял последнюю попытку переломить поединок в свою пользу. Если врага нельзя взять силой и ловкостью, хитрость — лучший помощник, знал ётун. Притворившись, что уступает, великан открылся, как будто в следующий миг собирался упасть.

Но, чудесные свечи Атали, вечные звезды! — Киммериец разгадал коварный трюк! Конан не стал опрометчиво бросаться на противника, чтобы добить последним ударом, казалось, слабнущего ётуна. Вместо этого он опустил меч и, оскалив зубы, произнес:

— Ты уже слишком стар, чтобы сражаться. Сложи оружие и уходи.

Это подействовало на древнего Боргельмира сильнее любого, даже самого жестокого удара.

Бешено взревев, он напал, вкладывая в новую атаку все силы. Напал и жестоко просчитался, целиком забыв о быстроте, с которой мог действовать Конан.

Прежде чем великан успел нанести врагу смертельный удар, который, наверняка, не только бы раскроил до самой земли дерзкого смертного, но и глубоко пробороздил заснеженную землю, северянин крутанулся на носках, выводя меч для кругового удара. Сверкнула сталь — и голова Боргельмира взмыла ввысь, бешено вращаясь и разбрызгивая мелкие капли крови. Тяжелый меч выпал из могучих рук ётуна, еще какое-то время он простоял, слепо пытаясь нащупать недостающую часть тела, потом плашмя рухнул в снег. Горько звякнули пластинки кольчуги, уныло простонал холодный ветер.

Голова Боргельмира стукнулась о валун, рогатый шлем слетел, и растрепались седые волосы древнего воителя.

— Встретимся во тьме Хель… — успели прошептать уста великана, прежде чем жизнь навсегда оставила его. Блеск в аквамариновых глазах медленно угас.

Рать Вьяллара взорвалась настоящей бурей торжествующих криков. Конана восхваляли все без исключения, даже Видар и Хьерса, позабыв о старой вражде, во всеуслышанье называли киммерийца героем.

— Конан — победитель! Конан — воин! — бесновалась толпа наемников.

VI

После встречи с древними чудовищами-людоедами войско Родвара в Глотке Великана больше не поджидало никаких приключений. Отряд выбрался из низменности и вышел на верный путь к Стылым Озерам, где они должны были отыскать заветный предмет — Слезы Крома. Тревоги отступили, настроение уроженцев севера заметно приподнялось. Потери в битве с Любимцами Бурь казались пустяковыми — всего три с половиной десятка человек, не считая тех, кого ётуны успели слопать до того, как Конан-киммериец убил первого из них.

За два дня пути дружина Вьяллара достигла земель, где простирались Стылые Озера, до поразительного похожие на огромные застывшие лужи, рассеянные по всей округе на целые десятки лиг. Где-то здесь залегли заветные кристаллы, так нужные Авару в осуществлении своего темного плана. Те самые Слезы Крома, которые проронил киммерийский бог, оплакивая павших друзей.

Конан сразу почувствовал их. Они шептали ему о незапамятных временах, напоминали о минувших событиях яркими иллюзиями. Они звали к себе того, кто должен был обладать ими по праву. Туман давно увядших воспоминаний Крома опустился на сознание киммерийца.

... Поле Хрейдмара. Смрадный дым от гигантских пожаров, жадно лижущих неподвижные тела мертвецов, восходит в поднебесье, затмевая луну и звезды. Удушливая вонь висит в отравленном воздухе клейкой паутиной. Всполохи от языков пламени, танцующего на курганах тел, стелятся по залитой кровью земле. Кони, люди, боги — все лежат в бесформенных грудах вперемешку со сломанным оружием, знаменами и стягами. Кое-где пламя добралось до тел, облизав плоть с костей, присыпав останки густым слоем сажи.

Протяжно и тоскливо затемненные просторы оглашают звуки рогов, объявляя миру всеобщую гибель. Медленную, мучительную смерть, без возврата к жизни.

Рушатся стены и башни Асгарда, верхнего города, в честь которого впоследствии будет названо одно из двух нордхеймских королевств. Некогда величественные покои небожителей затягивает серый туман, уводя в небытие славу минувших дней.

Внизу жадно распахнул свой зев Хельгард, всасывая в алчное и вечно голодное нутро сотни мертвых тел с поверхности темного поля. Тонкие нити чернильного мрака окутывают жилища людей, медленно и властно стачивая их основания. Старому мирозданью приходит конец…

Грозной горой возвышается отрубленная голова мирового дракона с оскаленной пастью. С гигантских клыков, величиной в целую башню, все еще капает ядовитая слюна. Неподалеку лежит остывающий труп победителя страшного чудовища — воин Хеймдалль смотрит перед собой, но глаза его уже застлала посмертная пелена. Говорили, что он умер от ран и укусов, нанесенных мировым змеем. Неправда. Он умер раньше, до того, как начал действовать яд, бросившись на свой меч и, тем самым, избавив себя от адских страданий.

Широко раскинув руки, лежит Тюр. Его сразила стрела морского великана Экира. Боевой чекан бога переломлен у основания — но горе тому, кто подумает, что молот подвел владельца! Оружие не единожды выручало в бою своего хозяина, с легкостью отнимая жизни у его противников.

Неподалеку покоится Хар. На белом плаще Отца Дружин темнеет кровь. Меч Хара ярко алеет во тьме — слишком много он выпил вражеской крови за эту роковую ночь.

В стороне ото всех небожителей лежит бездыханное тело Хёггсена-лгуна, принесшего всеобщую погибель.

В распахнутых глазах бога, несмотря на смерть, сохранился едва заметный огонек. Я еще вернусь, обещает он.

... Кром окидывает взглядом зловещее поле и падает на колени. Как же получилось так, что он не сумел явиться на помощь друзьям в нужное время? И вот теперь все они мертвы…

Слезы катятся на красную землю, серебрятся и сверкают, точно драгоценные алмазы, не в силах расстаться с наполняющей их призрачной радугой.

… Туман ирреальных воспоминаний постепенно оставил сознание Конана. Варвар вернулся назад в свое время, за одно мгновение преодолев разрыв в тысячу лет. Рядом с собой он заметил Миррейу, которая тормошила Конана и безуспешно надеялась получить от него ответ на какой-то вопрос.

— Конан..? Конан, ты меня слышишь?

— Да, конечно. Что случилось?

— Ничего. Просто мне сделалось страшно.

— Страшно?

— Я представила, что может произойти, если мы не остановим Нидхеггсона. Неужели всех нас будет ждать смерть? Неужели мир погибнет, ответь мне, Конан?

— Я уже думал над этим. Мы не должны погибнуть. А вот то, что произойдет, если мы не помешаем колдуну пробудить из сна коварного Хёггсена, я только что видел. Весь Нордхейм превратится в одно большое Боргильдово поле. И это будет только начало — затем Киммерия, Аквилония, после соседние страны — Гиперборея, Бритуния, Немедля, Агрос, Зингара…

— Конан?

— Да?

— Мы ведь сумеем остановить Нидхеггсона? — почти с детской доверчивостью спросила волшебница, точно ребенок, ищущий поддержки сильного взрослого.

— Непременно. Пока Хёггсен не проснулся, у нас есть все шансы.

— О, Конан, как хочется в это верить! Выходит так, что мы с братом идем спасать свою страну, ты — родную Киммерию, Паарадж и Синкху — Вендию, не говоря уже обо всех нордхеймских воинах. Ведь если бы дело не, разворачивалось настолько скверно, ничего бы этого не было, верно?

— Верно. Но этого не стоит бояться. Как ни велика была бы надвигающаяся беда, предотвратить ее можно также как и любое, даже самое незначительное несчастье.

— Рядом с тобой я чувствую уверенность, — сказала девушка. — Когда ты близко, кажется, что никакие беды не сумеют омрачить мир, Обещай, что пойдешь до самого конца, даже если… мы с братом погибнем.

— Конечно же, я пойду до конца. Но что за разговоры? Никто не погибнет, разве что только негодяй Авар. Так что можешь выкинуть из головы мысль о скорой смерти.

— О, я так рада это слышать!

Слова сурового варвара и в самом деле убедили аквилонскую волшебницу, странным

образом принеся покой в ее душу, охладив разум, который воспламенило воображение. Слышать подобное от воина, прошедшего сквозь столько трудностей и научившего реально оценивать ситуацию, было приятно. Если Конан обещал, что их поход увенчается успехом, то так оно и будет, вне всякого сомнения.

Наемники все ближе подходили к заветной цели. Ступая по берегам озер с зеркальной поверхностью, солдаты Вьяллара проникались торжественным чувством — словно шли они вовсе не по земле Ванахейма, а попали прямо на прием к сказочному королю в его невидимый ледяной дворец.

Блеск крошечных льдинок поверх зеркальной поверхности напоминал сверканье дорогих алмазов. Но главное сокровище было сокрыто от любопытных глаз где-то неподалеку. Казалось, стоит сделать неверный шаг, и магия бесследно растворится, и тогда им уже никогда не доведется увидеть святыню. Поэтому северные воины старались ступать как можно тише, и даже снег вопреки своему обыкновению не хрустел под их тяжелыми сапогами.

Конан ясно представлял себе заветные кристаллы — прозрачные и чистые, полные притягательного голубого света. Они покоятся в тишине в окружении радужного льда и искрящегося снега, дожидаясь мгновения, чтобы перейти в руки достойного владельца.

Внезапно видение затмила мрачная тень, которая точно крыло ночи упала на образ. Тень злая, жуткая, предвещающая несчастье, тянущаяся своими когтистыми пальцами к Слезам Крома. Верный знак беды…

Не один Конан почувствовал тревогу. Нечто подобное испытал и Вьяллар. По всей видимости, истинным сынам Киммерии знамение посылал сам владыка. Взгляды двух воинов пересеклись, и сразу стало ясно — ошибки быть не могло: могучий Кром встревожен. Кто-то… добрался до кристаллов раньше их!

Конан кивком головы указал на горбатые узлы ледяных наростов, возвышающиеся в полмили от отряда.

Вьяллар мгновенно выкрикнул приказ — вперед!

Прозвучало это настолько яростно и повелительно, что наемники беспрекословно повиновались. Промедление могло иметь роковые последствия. Враг не должен заполучить Слезы Крома!

Вперед! Вперед!!!

Лавина воинов понеслась к ледяным глыбам, которые теперь походили на гигантские зубы мирового дракона, ощеренные в жестокой усмешке.

… Не успеть вам, несчастные! Все ваши помыслы пойдут прахом. Слуги колдуна уже забрали кристаллы, и вам их ни за что не догнать. Их крылья — ветер, их дыхание — смертельный яд, их руки — убийственные мечи. Вы опоздали, жалкие людишки!..

— Неужели ты попытаешься меня остановить, раб? — без усмешки спросил Ганглери.

— Тебя остановит рок, — уверенно сказал вендиец. — Даже если ты уйдешь из храма живым и унесешь с собой священную вещь, злая судьба накажет тебя за все прегрешения.

… На этот раз он явно ощутил дыхание преследователей. Не то дыхание, которое является непосредственным процессом жизнедеятельности, а само дыхание жизни, выдающее присутствие затаившегося неприятеля. Те, кто преследовали Паррака, умели его тщательно скрывать. Умение, надо сказать, редкое. Тандару-убийце даже на какое-то время

показалось, что он знает тех, кто перемещался по иллюзорному пространству по его следу, искажая реальное пространство, чтобы сократить разделявшее их расстояние.

Разумеется, во всем виноват только он сам.

Ган слишком промедлил, добираясь до кристаллов долгие седмицы, вопреки своим привычкам все совершать молниеносно быстро. Слезы Крома покоились у поверхности Стылых Озер уже не один век, так кому понадобится отыскивать их именно в это злополучное время? Оказалось, что охотники нашлись. Много. Целых четыре сотни, если не больше.

Беспечность, с которой отнесся Ганглери к новому заданию, погубила мастера воров, десятилетиями оттачиваемая практика дала трещину — выполнить поручение безупречно гладко он уже не мог. Или, может, все это происки враждебных сил, которые за свою жизнь Ган успел обидеть не раз — Асуру, Деркэто, Митру, Иштар — всех не упомнишь…

А, возможно, он просто начал стареть и становиться негодным для работы так называемого высшего класса. Бывшего охотника все больше начали прельщать земные блага, которые так настойчиво презирал Авар. Женщины, вино, азартные игры — небольшие радости обычной жизни.

Обычной. Не воровской. Не колдовской. Не воинской. Тихой и мирной жизни в каком-нибудь захудалом городке.

Впрочем, шанс уйти от погони, конечно, все еще сохранялся. Нужно было просто, во что бы то ни стало ускользнуть, исчезнуть, удрать, скрыться от четырех сотен разъяренных северных воинов, которых угораздило появиться у Стылых Озер именно в этот день и в этот миг! Так бы оно все и случилось, не будь с этими головорезами этих двоих.

Теперь Ночной Демон начал узнавать их. Это были те самые жрецы из темного храма Асуры, в котором два года тому назад он убил их учителя и унес с собой тайный артефакт. Они преследовали своего кровного врага, и скрыться от фаворитов яростного Кфуруса уже было нельзя.

Внезапно Ганглери вспомнил про амулет, дарованный ему мастером Нидхеггсоном, перед тем как он отправился в дорогу. Тогда Авар сказал, что чудесная вещь сбережет вора, главное добраться до кристалла. Если жизни Паррака будет угрожать смертельная опасность, стоит всего лишь поднести к ней Слезы Крома, и амулет почерпнет из них силу, которую передаст своему носителю для того, чтобы тот совладал со своими врагами.

Так ли это?

Выяснить… времени уже не было.

Перед Ганглери оказались Синкху Пленитель и Паарадж Светлый, возникшие словно из ниоткуда. Вендийские жрецы, оставив войско, нырнули в одним только им видимый коридор, открывший брешь в пространстве, и теперь без труда настигли своего врага.

Однако страх был незнаком Тандаре-убийце. Обычно это он был тем, кто приносил ужас в убежище своих недругов. Если схватка неизбежна, отказываться от нее не имеет смысла.

Ган выбежал на лед озера, готовясь к защите.

Как бы ни были искусны в воинском ремесле эти жрецы, у него есть шанс победить их обоих.

«Амулет, Ган! Не забудь про амулет!»

Словно из-под блестящей поверхности медальона вырвались слова его повелителя.

«Просто коснись кристаллом амулета!»

Так он и поступил… и уже в следующее мгновение утратил свою сущность. Ночной демон изменился, превратившись из смертного вора в мерзкое отродье из самых темных подземелий Тагала.

Он все еще оставался человеком, но уже другим — полным мрака и новых сверхъестественных сил. Глаза Тандара-убийцы излучали тусклый сиреневый цвет. Из глотки сам собой вырвался наружу смех. Смех превосходства над жалкими противниками.

— Бегите прочь, псы! — разрешил бывший охотник за сокровищами, до неузнаваемости изменивший свой облик. — И я позволю вам жить.

Паарадж и его духовный брат заметно побледнели, увидев, что стало с тем, кого они преследовали. Они гнались за человеком, а поймали демона. Но ни один из вендийцев не допустил в свою голову мысль о позорном бегстве. Перед ними стоял кровный враг, разбудивший бесчисленное количество дремавших несчастий, перед ними был тот, кто убил Валанха, Бануна и Парамурди, а после забрал дорогую святыню из храма. И кем бы он ни был — человеком или страшным порождением тьмы — он заслуживал наказания за свои злодеяния.

— Во имя Асуры, — воскликнул Синкху и первым напал на похитителя священных клыков.

Пленитель сразу же засыпал врага серией парадоксально быстрых, почти неуловимых глазом кулачных ударов. Его руки, словно две молнии, всего за пару мгновений несколько десятков раз мелькнули в воздухе, стремясь нашарить уязвимую плоть противника.

Ган с поразительной легкостью заблокировал все удары почитателя Светлого бога — ребром ладони в кадык, тычок двумя пальцами в глаза, удар обоих кулаков в основание шеи, перевернутую летящей птицей» ладонь, направленную в область сердца. Паррак безо всякого труда угадывал направление движения вендийца и отбрасывал его руки…

Синкху даже не коснулся Ночного Демона.

Пораженный жрец Асуры попробовал другие приемы, подключив ноги — он попытался пнуть Ганглери в подколенную чашечку, нанести оглушающий удар каблуком в переносицу, сделать Тандару-убийце подсечку, но ни одним бойцовским трюком не добился успеха.

Финальный удар, которым Пленитель мог пробить грудь человека, вдребезги переломав все ребра, демонический вор перехватил, сжав кисть служителя Асуры в жестокой хватке. Синкху едва не вскрикнул, но не подал вида, что ему больно. Это, казалось, разозлило Ганглери. Садистским вращением захваченной кисти изнутри наружу слуга Авара едва не сломал руку противника в двух местах. Святой Хранитель взвыл от нестерпимой боли, слыша громкий костный хруст, и рухнул на колени, хватаясь за место захвата.

Ган, не спеша, пнул оппонента в грудь, да так что Пленитель проехался спиной по ледяной поверхности озера целых полста ярдов.

Взгляд Ночного Демона медленно коснулся лица Паараджа. Второй служитель Асуры вытянул в его сторону левую руку, унизанную перстнями. На золотой поверхности колец горел яркий огонек.

— Ну же, пёс, чем ты собираешься удивить меня? Уж не своими ли жалкими огненными фокусами?

На краткое мгновение взгляд Светлого сделался ярче пылающих перстней. Плохо, что ненависть не могла сжечь оппонента, подобно огню, иначе Паррак-вор давно бы превратился в обугленную головню.

Волна жаркого пламени с ног до головы обдала Тандара-убийцу, так что тот даже

покачнулся.

Велика была сила старшего из ныне живущих хранителей Клыков Асуры. Ганглери окутался едким черным дымом, захрипел и упал, утонув в клубах угольного цвета, поглотивших вора. Вырвавшийся, было, из его уст крик съел жадный северный ветер.

Все кончено.

Паарадж устало вздохнул. Учитель Парамурди отомщен, дерзкий вор наказан и умерщвлен. Осталось только вернуть утраченный реликт. Светлый развернулся, чтобы помочь подняться своему брату Синкху, который до сих пор не мог прийти в себя от жестокого удара. Хорошо, теперь все позади, у Святого Хранителя будет время прийти в себя.

Внезапно что-то резко натянулось, из душного мрака гари вырвалось нечто бесформенное, все в лоскутьях дымящейся одежды, и бросилось на спину Паараджа. Вендиец охнул — его шею сдавили обугленные пальцы.

— И это все, на что ты способен, проклятый жрец? — услышал он злой шепот у самого уха.

Светлый обернулся… и обомлел.

Тот, кто с ним говорил, определенно не был человеком. Мерзкое существо, какое привидится не во всяком кошмаре. Никаких клыков или других показателей агрессии у врага не появилось. Обычный облик человека, изувеченного огнем. Однако его новый образ нес в себе столько жути и смертельного ужаса, что Паарадж замер, не в силах сдвинуться с места. Последним усилием воли служитель Асуры заставил себя собрать в негнущиеся руки остатки силы — и перекинул мерзкое отродье, пародию на человека, через правое плечо. Ган кувыркнулся через спину вендийца и твердо встал на ноги. Белые зубы Паррака сверкнули в издевательском, насмешливом оскале. Даже мрачный Азах пришел бы в это мгновение в ужас, завидев лик демоноподобного существа. Ганглери быстро размахнулся и сокрушительным апперкотом отправил Паараджа на землю. Жрец Асуры сначала взмыл в воздух, бессильно разбросав в стороны руки и ноги, потом сильно ударился спиной о лед озера, так что по гладкой поверхности зазмеились трещины. Светлый на краткий миг увидел все палаты небесного дворца своего покровителя, и только спустя несколько долгих мгновений, со всеми мучениями вернулся назад в реальный мир, где в двадцати шагах от него замерло злобное существо.

С трудом поднявшийся на ноги Синкху протянул ему руку — вставай брат! И тогда Паарадж понял: они умрут, но не сейчас. До конца битвы еще далеко. Вдвоем Святые Хранители обратились в сторону Ночного Демона, который уже никуда не торопился и наслаждался забавой. Сначала он расправится с ними, и только потом, не спеша, удалится, сжимая в руке Слезы Крома, а Конан и другие бойцы уже никогда не вернут свою святыню. История с Клыками Асуры неизбежно повторится.

Или нет…?

Взгляд Пленителя убеждал, что нет. Сдаваться еще рано. Они не позволят ему уйти живым, будь он хоть сам Тагал, повелитель мрачного подземного мира и всех демонов Хайбории.

Пока есть силы…

Пока есть желание и идея — та, что гонит тебя вперед…

Пока у тебя остается то, что ты непременно должен осуществить, и смерть оказывается ни в счет…

Ты должен бороться. Ты должен драться и во что бы то ни стало выиграть битву. Ты

должен жить, покуда не выполнишь то, что тебе предначертано высшими.

С поры той несчастной ночи прошло два года. Дерзкий вор об этом забыл. Они же с того времени не забывали об этом ни на миг.

Они должны победить, во имя Асуры и благополучия всего мира…

Неужели же они позволят Ганглери унести кристаллы и, тем самым, допустить осуществление богомерзкого плана чародея?

— Этого не случится, учитель, — сказал Синкху. — Я клянусь светлыми очами Катара, мы отдадим жизни, но не позволим свершиться беде.

— Хорошо, — в уголках губ старика застыла слабая улыбка — так улыбается человек успокоенный, получивший надежду. — Я верю в вас, сыновья мои.

Парамурди умер. Но умер он с надеждой в то, что они остановят чародея и его приспешника. Подвести своего наставника у них не было права…

Святые Хранители одновременно бросились в атаку. В их душах отныне не было бури гнева, не было ни тени страха или сомнения, обоих служителей Асуры переполняло спокойствие — морского бриза, тихого шуршания волн, солнечного света, ласкающего стебельки молодых ростков… И твердая, алмазная уверенность в победе. Ганглери-демон хищно простер в их сторону почерневшие от огня руки.

VII

Как справедливо опасался Конан, на месте кристаллов не оказалось. Холодная пещера, составленная тремя древними торосами, сросшимися воедино в верхней части и сохранившими отдельные низы, была пуста. Место, откуда злоумышленник забрал Слезы Крома, словно бы выцвело, потеряв серебрящиеся льдистые краски. Они опоздали. Авар опередил их. Но намного ли? Конан был готов поклясться, что еще меньше, чем полколокола назад кристаллы покоились среди всего этого великолепия, специально созданного неведомым мастером, чтобы возвеличить красоту затвердевших слез киммерийского бога. Однако их не было — слуги мрачного чародея Нидхеггсона успели унести их из священного места до прихода войска Родвара.

Неужели же все потеряно? Такого просто не может быть!

От размышлений варвара отвлекли крики наемников, оставшихся снаружи. Конан, Олав и Вьяллар, которые тоже вошли в пещеру, поспешили наружу. Едва выбежав на открытое пространство, киммериец сразу же определил источник всеобщего волнения.

Над поверхностью одного из дальних озер он различил редкие вспышки, которые почти сразу же затмил столб чернильного дыма, потянувшегося к небесам. Вьяллар вновь встретился взглядом с Конаном — как бы спрашивая, совета, связано ли это с кристаллами. Варвар едва заметно кивнул головой. Внезапно точно гром грянул в сознании Конана.

Синкху! Паарадж!

Он не видел вендийцев в строю уже некоторое время. Возможно, полколокола, а то и целый колокол. Жрецы Асуры бесследно исчезли. Что-то подсказывало киммерийцу, что разыгравшееся неподалеку действо каким-то образом связано с ними. Не исключено, что Святые Хранители попали в беду.

Вновь быстрый бег.

Наемники Родвара скоро преодолели расстояние до смерзшегося озера, и Конан оказался первым, кто ступил на его заледеневшую поверхность. Но моментальный взгляд, брошенный варваром на место недавней битвы, подсказал ему, что они опоздали.

— Северный брат, подойди ко мне… — услышал он голос умирающего.

Синкху лежал на спине. Кровь лилась рекой из его разорванной груди. Страшная рана обнажала белые ребра. Неподалеку покоился второй Святой Хранитель, Паарадж — его голова была размозжена тяжким ударом чудовища. Конан подумал, что враг убил его друзей и успел скрыться, и лишь спустя пару мгновений, оправившись от потрясения, он разглядел труп гнусной твари, против которой брахманы Светлейшего держали поединок. Не демон и не человек лежал на льду, широко раскинув руки, с неестественно вывернутой шеей. Тот, кому уже нельзя было подобрать названия в этом мире.

Конан шагнул к Синкху и склонился над жрецом древнего храма. Пленитель взглянул на него чистым взором, который еще не успела затмить подкрадывающаяся смерть.

— Теперь я искупил свою вину за ту ночь, когда два года назад позволил Ганглери унести священный предмет из храма. Я храбро сражался. Ведь Асура это оценит, как ты думаешь, Конан?

— Конечно, друг мой. Он успеет оценить это еще не раз, когда мы будем шагать по улицам Гаррада.

— Нет, мой брат. Мой час уже настал, и я отправляюсь в другой мир. Бояться не нужно,

тем более, теперь, когда худшее позади. Поклянись, киммериец, что ты продолжись наше дело, и что мои усилия и усилия брата моего Пааараджа не пройдут даром…

— Я клянусь, Синкху.

— Так хотелось вернуть Клыки в Храм…

Пленитель вздохнул и пару раз закрыл и открыл глаза. Последний раз он сделал это настолько медленно, что варвару показалось, будто вендиец уже вышел на путь к Асуре.

— Мы задержали его…

… Кровь хлестала из рваной раны на животе, словно из пробитой ножом винной бочки, но Синкху даже ни разу не поморщился. На лице жреца играла улыбка — безумная, яростная, обещающая врагу скорую гибель.

— Когда же ты успокоишься, негодное создание? — хмыкнуло чудовище, занося сжатую в кулак руку для нового удара.

Синкху изловчился предупредить действие недодемона и нанести опережающий удар, при этом едва не потеряв сознание. Однако Паррак поймал его руку.

— Только тогда, когда Азах сожрет твои-гнилые потроха… — выдохнул вендиец, заваливаясь вперед.

Следующий удар обязательно добьет его, обречено подумал жрец. Пленитель знал, что Пааардж уже прекратил агонизирующие судороги и предстал перед троном Асуры. Оно и ясно: он сделал свое дело, перед тем как умереть, сломав обе ноги видоизменившемуся вору, и теперь показаться Светлейшему его брату будет не совестно. А вот он, Синкху, еще не выполнил свою миссию. Он хотел достичь даже большего, чем Пааардж — убить демона. Тогда уж проклятый точно не сумеет унести кристаллы. Ведь эта мразь совсем не чувствует боли, и сможет уйти от погони даже на сломанных ногах. Амулет! Рывком вендиец сдернул волшебную вещь с шеи чудовища покалеченной рукой. Ганглери ударил — и Пленитель почувствовал, как рука убийцы погрузилась в его плоть, с хрустом сломав ребра. Боли он уже не чувствовал. Вместо того чтобы начать оседать, служитель Асуры высвободил здоровую руку из хватки резким вращательным движением. Рывок получился не очень мощным — силы уже начали оставлять Святого Хранителя, — однако, достаточно неожиданным для противника, чтобы не пропасть втуне. Паррак хотел оттолкнуть умирающего человека, но тот наложил свою руку поверх его запястья, не позволив ему избавиться от живой и настойчивой преграды к отступлению.

— Умри же…!

Больная рука вендийского жреца остановила кулак Тандара-убийцы.

— Как пожелаешь, — со злостью прошипел Синкху. — Но сначала я заберу у тебя вот это.

Пленитель вытащил из складок сгоревшей одежды Ганглери три ярко-синих светящихся кристалла. В следующее мгновение руки служителя Асуры окольцевали его шею, точно два железных удава, потом Синкху резко дернул плечами.

Паррак не успел понять, как умер. Просто в одно мгновение его уши заполнил хруст собственных позвонков, в другое наступила тьма.

И лишь в бесконечно малом промежутке между этими двумя мгновениями он смутно догадался, что его убили. Догадался, удивился… и провалился в душный мрак.

Брахман Светлейшего оттолкнул прочь смрадную тушу мертвого врага, Упал на колени и пополз к телу своего брата Пааараджа, чтобы в последний раз проститься с ним в этом

мире.

Силы предательски покинули его, когда Пленитель был всего в пяти шагах от второго вендийца. Мир внезапно закружился, и Синкху упал на лед.

Однако он еще не умер. Через несколько мгновений жрец услышал торопливый хруст шагов людей, спешивших к озеру…

— Мы задержали его…

— Я хотел бы биться вместе с тобой, Синкху, и умереть так же как ты.

— О, нет, Конан. Твой черед еще не настал. Знай, судьба бережет тебя для более великих и достойных деяний. А пока помни о своем обещании. Дойди до Гаррада и отомсти Нидхеггсону за нашу смерть.

— Я так и сделаю.

— Протяни руку, Конан.

Варвар подчинился, и вендиец вложил в его ладонь какие-то небольшие предметы, после чего плотно сжал пальцы киммерийца своей рукой. Потом вздохнул в последний раз и оставил этот мир.

— Спи спокойно, воин.

Конан с трудом поднялся с колен, так и не решаясь взглянуть на прощальный подарок жреца.

Вскоре на лед озера высыпали наемники Родвара. Олав и Гретта растолкали остальных и подошли к киммерийцу.

— Что принесло столь ужасную погибель этим двум капитанам дружины? — печально и сурово спросил он варвара.

Вместо ответа Конан разжал правую ладонь, озарившуюся ярким лазурным светом, и продемонстрировал воинам дар почившего вендийца.

На раскрытой ладони варвара ярко блестели три синих кристалла. Слезы Крома.

Часть пятая. Топор Модгуд

I

С холодным равнодушием разглядывали звезды шедших в ночи странников. Мелкая серебристая пыльца, осыпавшаяся с их поверхности, нисколько не украшала ночь. Ветра протяжно проклинали незваных гостей, вторгшихся в чужие владения. Холод и мрак отныне повсеместно преследовали Воинов Вьяллара. Казалось, с каждым новым днем, проведенным в Ванахейме, ночи удлинялись, а наступление рассвета оттягивалось. Точно нечистое, злое волшебство затопило все королевство, и особенно сильно чары действовали на противников Авара, приближающихся к Гарраду.

Сын Родвара заполучил Слезы Крома, Алый Стилет по-прежнему хранился у шемитов-союзников. Два предмета — Клыки Асуры и Черный Венец находились у Нидхеггсона. Оставалось еще два артефакта. Один, Топор Модгуд, хранился в призрачных покоях асгардского конунга Видфинна. Другой, Цепь Рокка, был заперт в темных пещерах Хифлинга.

Вьяллар, по совету Олава, решил продолжить поход поиском легендарного топора великанши. Сам асир проявил инициативу и повел войско за советом к ванахеймской колдунье Хейд. Старая ведьма давно обещала помочь ему в поисках спрятанного оружия Модгуд.

Наемники остановились на день у жалкой лачуги Хейд. Олав вошел в убогое жилище в одиночку. Вернулся командующий с радостной вестью: ведьма проведала о местонахождении покоев конунга мертвых. Оказалось, призрачные чертоги находились вовсе не в Асгарде, а Ванахейме, потому как Видфинн при жизни был вождем ванирского клана. Он построил свой дворец у Кровавых Холмов, недалеко от курганов и каменных могил своих сородичей и назвал его Химинбьёрг.

Темное это было место, полное злых духов и нечистой магии. По ночам туда наведывались умершие предки, восставшие из могил, которых Видфинн созывал для темных мистерий. Даже братья и родственники ванира отказались от родства, видя, каким нечистым делом занимается их родич.

Видфинн, оставшийся в одиночестве и презираемый близкими, в конце концов, покинул свой дворец и отправился в соседний Асгард. Как оказалось, с недобрыми намерениями. Разгромив армию конунга, и как поговаривали, не без помощи восставших покойников, он занял трон владыки, чем и обеспечил повод для причисления себя к властителям Асгарда. Там, купаясь в роскоши и погрязая в разврате, он процарствовал пять лет. Пока восставшие асиры, наконец, не выбили его из покоев конунга.

Видфинн бежал на родину, но разгневанные соседи преследовали его и там. Тогда бывший конунг вспомнил про темный Химинбьёрг и укрылся в своем старом убежище. Однако асиры, полные жажды мести, решились на осаду замка.

Долго длилась та битва — воинам противостояли призванные из могил мертвецы, но северяне все же с великим трудом взяли верх над силами мрака. Видфинна убили, а Химинбьёрг сожгли и сровняли с землей.

Прошли столетия, о темном конунге забыли. Но вот недавно поползли слухи о том, что в лунные ночи дворец кровожадного ванира стал появляться среди холодных туманов. Причем такое нечистое событие закономерно совпало с колдовской деятельностью ванахеймского ярла Авара Нидхеггсона.

Секира великанши, той, что сражалась под знаменами Хёггсена, была возвращена на

свет из могильной тьмы благодаря нечистой связи конунга с покойными. Видфинн не воспользовался Топором Модгуд, когда оборонял замок от толпы наседающих асиров — то ли не знал, какая в нем заключена сила, то ли и вовсе позабыл о чудесном оружии. Хейд заверила Олава, что секиру можно добыть, войдя в призрачный дворец. Однако то будет дело не из легких. Мало того, что вход в чертоги темного владыки стерегут мертвецы, так в самих залах Химинбьёрга притаилось нечто более ужасное и могучее, чем стонущие покойники.

Получив обещанную помощь, Олав распрощался с Хейд, щедро вознаградив ведьму за все старания, и войско двинулось дальше. Теперь наемники держали путь строго на север — к Кровавым Холмам, где некогда стоял мрачный Химинбьёрг.

Чем ближе они подбирались к месту расположения призрачных чертогов, тем тяжелее становилось на душе у наемников. Мгла теперь как будто окутывала не только окружающее пространство, но и закрадывалась в сердца воинов Родвара. Останавливаясь на ночную стоянку, многие не были уверены, что рассвет наступит вновь.

II

Дневной переход оказался утомительным, и дело было вовсе не в усталости, которую, как правило, приносила долгая ходьба. Выносливость северных варваров гораздо сильнее подтачивал серый сумрак ненастья, которое, теперь казалось, стало постоянным спутником наемников Родвара в походе.

Мгла имела волшебную природу и не растворялась даже утром, с восходом солнца, получив от ее творца стойкость к ярким лучам светила.

Пламя небес не просачивалось сверху, а застревало в плотной серой дымке, которая объяла весь северный край. Даже природа поддавалась тяжкой хвори, чувствуя пробуждение Богопротивника.

Во время стоянки киммериец подошел к старику Тьяцци, который уныло жевал кусок вяленого мяса.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне о предначальных временах, — попросил Конан. — Наверняка, ты много знаешь.

— Чем вызвано твое любопытство, мой друг? — Динхвалт поднял на него удивленный взгляд.

— Необходимостью, — хмуро ответил варвар. — Я желаю знать обо всем, что касается Нидхеггсона и его мрачного мастера. Меня интересует, кто такой Хёггсен. Почему он начал войну против Хара в незапамятные времена, и с какой целью он хочет погубить весь мир сейчас, сбежав из плена огненного великана?

— Хёггсен был таким изначально, — ответил на это Тьяцци-предсказатель. — И свое прозвище Богопротивник он получил вовсе не из-за того, что двинул полки мрака против властного Отца Дружин, а потому что презирал любое творение своих собратьев, северных богов, и сопротивлялся всякому волеизъявлению в свой адрес от своего старшего брата. Он не является прародителем душного мрака подземелий, как его сестра, темная богиня Хель, владычица подземного мира, но он считается творцом совсем иного мрака — того, что зарождается, прежде всего, в душе.

У Хель бы никогда не хватило решимости собрать войско и бросить вызов Иггу, она построила подземелья Нижнего Мира и населила его телами умерших. На этом ее активность угасла, и она бы целую вечность не смела надеяться на то, что в один день захватит владения светлого Хара. Такую надежду ей подарил Хёггсен. Сестра, сказал он ей, царство Игга слишком велико для него одного, пора бы длиннобородому потесниться, а то и вовсе убраться из своих владений… Богопротивник начал великую распрю и, думаю, даже сейчас, пребывая во сне, он мечтает ее продолжить.

— За что он так ненавидит Хара?

Динхвалт вздохнул.

— Корни этой ненависти, которую я бы предпочел называть неприязнью или отвращением, кроются глубоко в почве самых древнейших из древних времен. Имир, отец старых богов, породил своих детей разными. Одному он дал смелость и терпение, другому — зависть и целеустремленность. Чего Хар сумел добиться благодаря своей отваге, то Хёггсен сумел разрушить своей злобой. Причем хитрец даже не осознавал, что поступает скверно. Он действовал так, как подсказывало ему сердце. Для того, чтобы уравновесить возможности своих детей, свою силу Имир не подарил ни одному из двух братьев, а отдал ее своей старшей

дочери Хель… Однако, древний бог не знал, что хитрость Богопротивника поможет ему заполучить все то, чем не наделил его родитель при рождении. Хар ушел в небо, чтобы построить высокий Асгард. Хель уползла под землю, чтобы нарыть ямы для мертвых обитателей своего царства, а Хёггсен остался посредине.

Слишком разумен, чтобы не бросить вызов сестре, но и слишком завистлив, чтобы оставить мысли о захвате владений брата. Возможно, дети Имира затеяли спор о могуществе еще задолго до начала времен, но их объединила общая беда — вражда с великанами-ётунами, которых породила Земля от нового брака с Ледяным Гигантом.

Северные боги презирали глупых отпрысков своего отца, стремившихся отобрать власть у своих старших братьев. Тогда же появилась Атали, которая с миром пришла в небесный Асгард и скрепила союз Хара и Хёггсена. Пораженные красотой и умом, боги приняли младшую сестру. Извечная распря на время забылась. На время к небожителям присоединился и молодой Кром, которого разгневало вторжение монстров в пределы страны, которой он покровительствовал — я говорю про Киммерию, Конан. Он неоднократно помогал властителям разбить армии великанов. Владыки развязали великую войну с ётунами и спустя десятилетия уничтожили почти всех ублюдочных отпрысков своего отца. Остался только один — самый коварный и могущественный из них, который скрылся от битвы и бежал в новый мир. Великана звали Тьяр. В своем пылающем сердце он унес не только всепожирающий огонь, но и палящую ненависть к северным богам и ко всему живому. Ётун оказался настолько могуч, что затопил весь найденный мир пламенем и сотворил целую орду себеподобных огненных демонов. Хар и Хёггсен не стали преследовать своего врага сквозь многочисленные залы поднебесной. Они забыли о Тьяре и, как оказалось, зря. Владыка демонов, известный под своим прозвищем Пожиратель Душ, превратился в короля иномировых разрушительных сил. Боги не уничтожили его сразу, и бежавший противник превзошел в мощи своих недругов. Тьяр потеснил в могуществе даже мрачную хозяйку Хель — если темная богиня забирала к себе тела покойников после смерти, то огненный великан брал себе их души, которые оставляют земное пространство. Наверняка, он потеснил бы и Тагала, если бы снова вернулся в Хайборию. С поражением великанов у северных владык возобновилась былая вражда. Общий противник был повержен, и союз богов распался. Кром вернулся в Киммерию, Атали — в чертоги к своему отцу. Хар, разгадав мысли брата и почувствовав растущую в нем зависть, изгнал Хёггсена из небесного Асгарда, и, тем самым, навсегда поссорился с Богопротивником. Последствия продолжившегося противостояния, как нетрудно догадаться, имели скверные последствия — Хёггсен спустился в Хель и убедил сестру начать войну против Игга. И что удивительно — на стороне Богопротивника сражались недавние недруги, почти искорененное племя великанов.

Войско светлого Хара пополнило немало славных воинов из числа предков коренных уроженцев земного Асгарда и Ванахейма. дальше — Рагнарёк, принесший погибель старым богам. На этом история братьев Хара и Хёггсена закончилась, пришло время правления более молодому поколению. Но, видно, сбежавший из плена Тьяра Богопротивник и его юный последователь Авар Нидхеггсон придерживаются совершенно иного мнения. Хёггсен жаждет вернуть былое величие и, вероятно, даже не побрезгует союзом с некоторыми из тех, кого собирается сместить с трона…

— Асура и Сет? — мгновенно задал вопрос Конан.

— Да, именно, друг мой. И, возможно, не только они одни…

— Почему они станут помогать Богопротивнику, если древний бог хочет уничтожить их

всех?

— Увы! Мне не дано этого знать. Я могу лишь догадываться. Но одно я знаю твердо: Хеггсен обязательно найдет себе союзников, поскольку он обладает поразительной силой и хитростью, какой недостает его более молодым собратьям.

— Что же будет с Кромом?

— Скорее всего, он погубит покровителя Киммерии. Ведь тот некогда был другом Хара.

— А где ж сейчас сам Хар? Почему он не вернется из своей призрачной Вальхаллы? Ведь Хёггсен-то убежал из Тьяргарда!

— И на этот вопрос я не знаю ответа, киммериец. Наверное, Игг уже там, откуда нет возврата…

III

Кровавые Холмы выглядели отвратительно. Их вершины алели недобрым красным светом, снег впитывал в себя подрагивающее зловещее сияние, так что казалось, будто с вершин по склонам стекала настоящая кровь. В отдалении высились мрачные каменные курганы, скованные коркой льда, где упокоились некогда потревоженные Видфинном мертвецы. Ни у кого из наемников не возникло желание приблизиться к нечистому месту, хотя варвары часто разрывали захоронения в надежде найти спрятанные там сокровища. В дворцовый могильник лезть никто не собирался — от одного его вида даже у самых смелых наемников пробегал по спине мерзкий холодок.

— Проклятое это место, — проворчал в усы Хьёрса, ни к кому не обращаясь.

— Земля помнит своего хозяина, — ответил асиру Тарланд, который разглядывал зловещее окружение неподалеку от северянина.

Злобный искоса взглянул на мага, потом снова обратил взор в сторону холмов.

— Очевидно, этот Видфинн был при жизни сущим подлецом.

— В хрониках аквилонских летописцев он упоминается, как один из самых кровожадных тиранов за всю историю Нордхейма.

— Можно подумать, кто-то из ваших заумных книгочеев видел его воочию, — с недоверием произнес Хьёрса.

— Не исключено, — бесстрастно заметил волшебник. — Хотя исторические летописи в основном были составлены по рассказам странников, которые путешествовали по различным землям, в том числе и по центральной части Ванахейма.

— Странников, говоришь? — усмехнулся Хьёрса. — Ну, так для тех небылицы плести все равно, что мед пить. Я вот, например, могу тоже рассказать, что заходил в призрачный дворец и видел покойного короля. Неужели же ты мне поверишь?

— Нет.

— Так вот эти бродяжники постоянно приносят какие-нибудь небывалые истории, — увлекся асир. — Пару лет назад приходил в наши края один такой странник. Плел враки про дальние земли и про чудных жителей. Мы-то, дурни, сначала слушали его, раскрыв рты, а он, знай, завирал. Пока, наконец, не зашел слишком далеко. Рассказал, будто в Гицуне, что на Закате Зингары, живут люди с песьими головами и питаются человеческим мясом. Мы как давай хохотать — знать, наши мореходы заплывали в тот самый Гицун по торговым делам. Люди там, как люди — ни единого клочка шерсти. Только темноваты самую малость. А тот странник возьми да разозлись. Стал доказывать, что рассказывает чистую правду, а мы, варвары, неспособны с толком выслушать его рассказы. Давай он врать дальше, да совсем голову потерял. Набрехал, будто сам прожил в Гицуне целых пять лет и едва не стал таким же песьеголовым. Даже, говорит, лаять, по-собачьи научился. Ну, тут мы, конечно, показали вруну его место. Спустили с плеч рубаху, раздели донага и выбросили на мороз — дескать, собакам убранство не требуется. А коли он по-собачьи говорить умеет, то пусть пойдет да попросит у своего брата пару обглоданных косточек.

Асир зашелся густым смехом, потом оборвал себя и взглянул на Тарланда, словно жалея о своем откровении. Но чародей даже и не думал потешаться над северянином, он выслушал историю с необыкновенным вниманием и даже скромно улыбнулся. Это, казалось, успокоило Хьёрсу.

— Вот что, маг, ты меня прости, я человек темный. Вашей хитрой премудрости не обучен. И мой рассказ, наверное…

— По-моему, очень даже занятная история, — прервал его Тарланд. — Иной раз нелишне убедиться, что не всякому рассказчику можно доверять. Нередко слухи и домыслы невежд приобретают чудовищные размеры, однако, благодаря своей оригинальности принимаются за правду. Как правило, даже самые правдивые и, казалось бы, проверенные трактаты, составленные по рассказам тех, кто сам слышал о чем-то от кого-то другого, постороннего, выявляют недостоверность знаний.

— Это ты верно подметил, колдун, — сказал Злобный, все еще не до конца понимая смысл всех слов аквилонского волшебника.

— Вот я, например, совсем по-другому представлял ваш народ, когда пускался в это путешествие, — решился на взаимную откровенность Тарланд. — Я верил, что все асиры — это такие угрюмые люди, невежественные и грязные, всегда таскающие с собой целую груду всякого оружия. И вот теперь вижу, насколько я был далек от истины, глупый… Уроженцы Ванахейма и Асгарда — такие же люди, вовсе не невежды и пьяницы, а смелые воины, для которых оружие является обязательным атрибутом. А все эти ваши традиции, непонятные нашему народу, связаны с особенностью северной культуры, которая по-своему уникальна и тоже имеет право на существование и всеобщее признание.

— Ну, вот теперь хоть и говоришь ты мудрено, маг, а я тебя понимаю, — довольно признал Злобный. — Я тоже начинаю думать, что книжники и чародеи вовсе не слуги Тагала. Разве что за исключением Авара Нидхеггсона, чтоб он лопнул!

Тарланд едва заметно улыбнулся.

— Вот постой, маг, побьем мы Авара, окончится поход, и устроим мы настоящий праздник. Вино будет литься рекой, столы ломиться от дорогих кушаний, а слух наш станут услаждать песни великих бардов, воспевающих наши подвиги. Ну, как тебе моя мысль, ученая голова?

Волшебник попытался что-то придумать, но Хьёрса сам возбужденно продолжил свои мечты:

— Мы будем восседать на тронах, точно короли. Люди будут возносить хвалу тем, кто избавил мир от злого колдуна. То-то же! Самые красивые девушки падут к твоим ногам, маг, умоляя наградить их поцелуем победителя, того, кто вернулся из самого пекла Хельгарда…

Тарланд нахмурился и вздохнул.

— Сначала нужно закончить поход, — безжалостно поставил он крест на грезах асира. Хьёрса тоже посерьезнел.

— И то верно. Знаешь, я бы очень не хотел, чтобы ты погиб. И вообще, чтобы кто-то погиб. Возможно, я тебя обижу, но скажу: пока что Хар не возьмет тебя в Вальхаллу. Ты еще не заслужил этого. Да и немногие из нас заслужили, в том числе и я. Поэтому нужно, во что бы то ни стало, остаться в живых, пройти через все препятствия, которые расставил на нашем пути колдун Нидхеггсон.

— Тарланд? — осторожно позвала издалека Миррейа, которая, завидев брата в компании с асиром, не решалась приблизиться.

Злобный посмотрел в ее сторону.

— Да иди сюда, девка, не стой там, как сирота. Меня не бойся, я тебя не обижу.

Волшебница взглянула на брата, точно спрашивал совета, Тарланд своим взглядом дал ей понять, что ничего опасного не намечалось, Чародейка медленно приблизилась к двум

мужчинам.

— Ты вот что… Это… В общем, извини за то, что так получилось в Данакаре, — сказал ей Хьёрса. — Не хотел я тогда тебя обидеть.

— Я уже все забыла, — почти откровенно ответила на это Миррейа.

— Вот и славно.

Тарланду даже показалось, что северянин облегченно вздохнул.

— Сейчас, я чувствую, нам придется очень туго, — сказал Хьёрса. — Поэтому нужно держаться один другого. Негоже таить друг на друга обиду. Да и вот что… Скажи своему другу, чтобы зла на меня не держал. По делу он тогда мне в Данакаре в челюсть двинул. Так ему и передай. А то, понимаешь ли, когда не знаешь, в какой момент свалится на голову несчастье, и ты вдруг расстанешься с жизнью, очень тяжело отправляться в иной мир с поклажей долгов и нерешенных споров.

VI

Наемники ждали ночи. Только в темное время суток Химинбьёрг являл взору свои призрачные хоромы. Кровавые Холмы меняли красный свет на тусклое свечение, которое стало просачиваться изнутри. Таким же мертвенным светом расцветились и могильные курганы. От усыпальниц северян стал исходить едва заметный шорох и звуки, от которых волосы на загривках живых воинов начинали шевелиться сами по себе. Со стороны проклятых насыпей доносился негромкий детский плач, возня, трели гулких свирелей, заунывные песни девушки, ждавшей любимого из далекого похода.

Воители Родвара без устали взывали к Имиру, Крому и другим покровителям, прося защиты от пробудившегося лиха. Впрочем, зло пока еще дремало. Мертвецы лежали там, где их упокоили много лет назад.

Конан сплюнул под ноги, когда понял, что не может усмирить дикое желание развернуться и как можно быстрее броситься отсюда без оглядки. А что, должно быть, чувствуют другие!

Чем дольше киммериец неподвижно сидел у костра, тем сильнее ему начинало казаться, что со всех сторон его окружают толпы голодных мертвецов, утративших человеческий облик. Варвар выругался, поднялся на ноги и пошел прочь от костра, чтобы стряхнуть жуткое покрывало полудремы. Ночной сумрак почему-то казался уютнее, нежели яркое пламя костра.

— Здравствуй, Конан, — услышал он тихий голос, не потревоживший вязкую поверхность омута тишины.

Сердце варвара на миг приостановилось, потом забилось с удвоенной силой.

— Иди себе мимо, нежить.

— Зачем ты так?

Перед киммерийцем стояла молодая девушка, красивая и стройная, не старше семнадцати зим. В ясных голубых глазах застыла печаль.

— Я вот уже как сто лет дожидаюсь своего суженого. Не видал ли ты его?

— Нет.

— Не хочешь ли ты зайти в мой дом, согреться от холода?

Варвар мрачно взглянул на могильный курган.

— Благодарю. У меня нет желания.

— Может в вашем войске найдется тот, кто пожелает скрасить мое одиночество? Я так устала коротать вечность без любимого…

— Сомневаюсь. Прощай.

Конан развернулся, чтобы уйти, но призрак возник у него на дороге.

— Подожди. Не уходи… Ты нужен мне.

— Извини, я еще должен многое сделать в мире живых.

— Нет! Я не отпущу тебя!

Девушка рванулась к варвару, полы ее платья взметнулись, подобно крыльям демона, глаза мертвеца разгорелись красным хищным огнем. Однако призрачная плоть молодой северянки не сумела остановить киммерийца.

— Не уходи, — еще раз повторил дух, на этот раз жалобно, с глубокой тоской в голосе.

Не оглядываясь, Конан пошел прочь от приведения и вернулся к костру. Проклятое

место…

Слева к Конану подсели Миррейа и Тарланд. Справа — Ингурд.

— Жутко здесь, брат киммериец, — поделился мнением ванир.

— Надо держаться вместе, — сказала волшебница. — Так мы можем победить страх.

— Страх возникает вовсе не из-за опасения потерять жизнь, — подумав, сказал Ингурд. — Просто здешняя среда, которая противоречит естественному ходу вещей, постоянно напоминает о себе. Не люблю видеть лики мертвых, и горе тому, кто тревожит покойников.

— Наверняка, Видфинн пробудился по приказу Авара, — сказал Конан.

— Я тоже так считаю, — согласился с киммерийцем Тарланд. — Нидхеггсон рассчитывает, что вернувшийся к жизни конунг мертвых сам принесет ему проклятый богами топор.

— Но ведь Видфинн не ожил? — робко спросила Миррейа, оглядывая лица своих собеседников.

— Уверен, что нет, — ответил Конан. — Иначе бы великанская секира уже покоилась где-нибудь в темной башне Гаррада. А Кром мне подсказывает, что Топор Модгуд до сих пор остается на месте, не тронутый ни одним живым существом.

— Тогда мы пришли как раз вовремя, — сделал вывод Снежный. — Вот только Химинбьёрг не потерпит вторжения. Мне чудятся толпы голодных мертвецов, которые только и ждут того, что мы отворим двери призрачного чертога. Поверьте, друзья, попасть на ужин голодному покойнику у меня совсем нет желания.

Конан промолчал о своей недавней встрече с голубоглазой девушкой-призраком, которая умоляла его оставить мир живых.

Тьяцци неожиданно вынырнул из мрака, словно согнанный с крыши кот.

— Здесь полно духов! — объявил старый прорицатель.

— Кто бы сомневался, — фыркнул Ингурд, раздосадованный вторжением Динхвалта.

Тьяцци не обратил внимания на его насмешку и присел рядом с остальными.

— Я чувствую, кто-то стережет это место, не давая армии Видфинна выбраться на свет. Стоит нам войти в Химинбьёрг, и бесчисленные несчастья обрушатся на наши головы — мы отопрем дверь в покои мрачной Хель!

— Это ясно безо всяких предсказаний, — пожал плечами Снежный.

— О, нет, здесь другое. Что-то невидимое и могущественное наложило печать на покои конунга мертвых, и даже Авар оказался не в силах сломать ее.

— Подожди-ка, — сдвинул брови Конан. — Неужели ты хочешь сказать, что Авар побывал здесь до нас?

— Клянусь светом Альвредура! — с уверенностью воскликнул прорицатель, тряхнув бородой. — В своих снах я видел, как Нидхеггсон шагал по проклятой земле. И если он не подходил к Химинбьёргу на расстояние вытянутой руки, то пусть голодный Азах сожрет мои глаза.

— Секира? — спросил варвар. — Колдун унес Топор Модгуд?

— Нет, оружие великанши все еще спит в мрачных залах дворца. Что-то или кто-то помешал магу пробраться в призрачные покои. Однако, друзья мои, вещий голос духов предупредил меня, что топор стережет злой Страж, которого приставил к нему Нидхеггсон.

Одинаковая мысль пришла в голову Конану и Ингурду почти одновременно.

— Тарланд, Миррейа, вы можете перенести наши призрачные тела внутрь, как сделали

это в Глотке Великана?

— Нельзя! — ответил за магов Динхвалт. — Химинбьёрг словно опечатан с обоих сторон- как для живых, так и для мертвых. Но если молодые люди мне помогут, мы сможем добраться мыслями до охранника секиры.

— Что ж, — пожала плечами Миррейа. — Попробовать стоит.

Впятером воины и маги окунулись в туман видений. Химинбьерг, еще невидимый, но притаившийся где-то неподалеку, полнился шелестящими голосами усопших. Они не могли проникнуть в запретную область, зато прекрасно видели остатки помыслов тех, кто там упокоился навеки. Воспоминания окрашивали серый сумрак в бледно-розовый свет, и, идя на него, можно было собрать цельные образы, сохранившиеся в памяти владельцев и рассеявшиеся во мгле после их смерти.

Десяток закованных в цепи людей, которых мрачные стражники заставили опуститься на колени перед троном владыки дворца.

Конан и его спутники смотрели на происходящее глазами одного из слуг Видфинна. Бывший конунг Асгарда не так давно сбежал из соседнего королевства и заперся в своем нечистом логове, где, как он полагал, его не настигнет возмездие.

Большинство пленников составляли мужчины, но среди несчастных были и две женщины. Одна из них пыталась плакать, но ее быстро успокоили ударами плети, причем Видфинн решился сам исполнить наказание за это ослушание. Кто-то из мужчин засыпал владыку проклятьями, но конунг оборвал его гневную речь весьма чувствительным ударом, от которого северянин свалился на пол; Оружие король доставать не стал — за неоправданную смелость пленника Химинбьёрга ждала куда более страшная кара.

— Как давно я не был дома! — жуткий хохот конунга огласил зал, разорвав зловещую тишину, испуганные клочья которой спрятались по углам. Голос Видфинна походил на скрип ржавых петель или весел в несмазанных уключинах. — Я люблю это место, острые зубы Хель! Слышите, ничтожные, ваш король вернулся домой!

Вторя грозному голосу, от могильников долетел протяжный вой. Владыка Химинбьёрга оскалился.

— Это мои родственники ждут начала пира. Можете радоваться, убогие, вы станете их главным угощением.

Вой повторился снова, на этот раз многим громче и, казалось, даже с изрядной долей злорадства. От нечеловеческих стенаний мертвецов вздрогнули даже немногочисленные стражники, слуги темного конунга…

Конан, Ингурд, Тьяции и аквилонцы прошли дальше в туман видений. Они словно спустились в низину, заполненную ядовитыми испарениями воспоминаний чудовищного существа.

Ошибки быть не могло — воины и двое магов натолкнулись на мысли дремлющего Стража. Могучий охранник секиры нес в себе большое количество образов прошлого. Кровавые жертвы, чудовищные пиршества на горах падали, груды расколотых черепов, куски тухлого мяса.

… Страж напоминал дракона — у него были когтистые лапы, большие кожистые крылья и длинный хвост, походивший на удава, выбравшегося из мрака Хель. Он помнил

роковую битву на Поле Хрейдмара. Он помнил, как ярко сверкнул меч асира Хеймдалля, ученика Хара, перед тем, как вонзиться ему в глотку, пробить гортань и завязнуть где-то глубоко внутри головы. Он помнил свой последний взгляд, брошенный на войско своего хозяина, перед тем как мутная пелена застлала его глаза.

Владыка Хёггсен сшибся с самим Иггом, и два брата, забывшие семейные узы, танцевали в жестоком танце смерти. Хар пал от клинка Богопротивника, но и умирающий бог поразил своего врага копьем, прежде чем окончательно свалиться в бездну небытия.

Потом смерть. Дракон умер. То, сколько он пребывал в беспросветном мраке, не сохранила его память, на ней застыл лишь невзрачный отпечаток длительного бездействия. Возможно даже, он провел в глубинах Хельгарда не один век.

Потом — вновь свобода. Свобода, не вернувшая ему жизни.

Первое, что увидел Страж, выплыв из тьмы Нижнего Мира, был взгляд внимательных глаз черноволосого человека в темной одежде цвета пепла от вечного огня. Авар Нидхеггсон призвал назад бывшего слугу Богопротивника.

— Эй, глядите! — раздался из тьмы голос одного из наемников Родвара, резко вырвав пятерых из сумрака видений. В лагере моментально повисла звонкая тишина.

Суровые тучи на небе расползлись в стороны, расчищая мерцающую серебряную дорожку, которую расстилал в вышине тусклый светильник.

Луна с любопытством глянула на неупокоенных гостей Кровавых Холмов и без спросу расплескала по белой заснеженной поверхности земли мертвенный свет.

Кровавые Холмы утонули в колючем блеске, в какой-то момент сияние сделалось нестерпимо ярким, заставив зажмуриться всех наблюдателей, и уже в следующий миг перед взором северных варваров предстал величественный и мрачный Химинбьёрг Видфинна.

Призрачные покои казались точно вытканными из цельного полотна иллюзий. Дотронься до них рукой — и эфемерные стены дрогнут, точно гладь воды, покроются рябью и, возможно, растают в ночной мгле.

Вьяллар мгновенно снял общее наваждение.

— Вперед! — приказал сын Родвара. — До рассвета осталось не так уж много времени.

Наемное войско быстро свернуло стоянку и двинулось в направлении покоев конунга мертвых. Окружающее пространство затаилось, замерло, приостановило свое зловещее дыхание. Огромное воинство духов молчаливо уставилось на дерзких бойцов, вторгнувшихся в их владения.

Воины остановились почти у самых врат. Затем вперед двинулись только командующие отряда и капитаны наемников. Вьяллар уже почти дошел до самых дверей, когда услышал повелительный окрик «Стой!» и замер, словно пригвожденный к месту неведомыми чарами. Сказанное исходило не из уст человека.

Спустя несколько мгновений он увидел их. То были не люди и не призраки — слишком водянистые для того, чтобы походить на обычных смертных, но слишком плотные и реальные для того, чтобы быть принятыми за простые тени.

— Ни шагу вперед, человек! — приказал все тот же голос, тихий, как шепот листвы. Как плеск волн. Как весенняя капель… — Что привело тебя в это место? Зачем ты привел с собой толпу других смертных, глупец? Здесь нет ничего кроме смерти…

— … И Топора Модгуд, — выступил вперед Конан. — Не гневайтесь, владыки. Мы пришли забрать древнее оружие из призрачных покоев.

Тени словно задумались.

— Кто ты, воин?

— Конан из Киммерии, наемник славного Родвара и сына его Вьяллара, который привел отряд к Кровавым Холмам.

— Ваша идея безрассудна, смертный, — произнес дух. — Вам не унести секиру из чертогов Видфинна. Вы только найдете погибель.

— Прочь с дороги, злой дух! — выкрикнул шемит по имени Самоон. — Иди, разговаривай с Шайтаном, а мы войдем внутрь, и вы нам не помешаете…

Вьяллар и Конан одновременно бросили на него недоброжелательный взгляд, так что ассасин счел за лучшее замолчать.

— Мы не злые духи, — отозвался один из прозрачных людей. — Мы — альвы, стражи покоя, и стережем Кровавые Холмы вовсе не от вас, а от тех, кто пытается вернуться из мрака. Войти мы вам не можем позволить — отворив двери в покои, вы неминуемо накличете беду.

Слуги Видфинна хлынут в отворившийся провал.

Конан и Вьяллар переглянулись.

— О, владыки! — обратился к духам сын Родвара. — Вы должны позволить нам войти в темный Химинбьёрг, потому что если мы не получим Топор Модгуд, враг завладеет им, и тогда беды умножатся во сто крат. Великие альвы, мы также радеем о покое в мире, и нашей первой задачей является остановить колдуна, задумавшего утопить во мраке весь северный край. Без секиры великанши у нас значительно сократятся шансы на успех. Так разрешите же нам отворить эти двери и войти в призрачные залы!

— Там вы найдете свою смерть, — был краткий ответ.

— Увы! — ответил Вьяллар. — Это удел смертных. Если и придется, мы готовы сложить головы. Будет хуже если, злой колдун первым заполучит реликт, тогда потеря будет оплачена сотнями, тысячами жизней!

Тени отступили назад, похоже, для того, чтобы посовещаться.

— Мы готовы открыть вам проход в призрачный дворец, — после недолгих раздумий объявил главный альв. — Но у нас нет ключа, чтобы распечатать двери покоев Видфинна. Если вы готовы на свой страх и риск спуститься в темноту древних могил и забрать оттуда ключ, мы не станем вам препятствовать. Но знайте, как только двери будут открыты, мы уже не сможем защитить вас от сил мрака. Вы согласны на это?

— Да, согласны, — ответил Вьяллар.

— Что ж, смертные, таков ваш выбор, и мы уважаем ваше право. Ступайте к курганам и начинайте спуск. Возвращайтесь оттуда с древним ключом.

Вьяллар, Конан, Тарн, Гретта и Миррейа с полусотней храбрых вояк двинулись в сторону Заката, где темнели зловещие выпуклости могильных курганов. Остальная часть войска осталась ждать их у призрачного дворца.

У самых отрогов могильника группа лидеров распалила факелы и стала приближаться к входу в захоронения. Теперь их сопровождали только десять воинов, другие четыре десятка встали в боевой порядок у курганов, чтобы оградить спустившихся в темноту наемников от появления врага извне.

Оба киммерийца подступили к массивной двери, которая преграждала путь в подземные чертоги мертвых.

Миррейа глядела на вход с благоговейным ужасом.

— Мне еще тоже никогда не приходилось становиться расхитителем могил, — постарался унять ее замешательство Конан.

— Заперто, что называется, навечно, — пришла к выводу Гретта, оглядев тяжелую дверь.

— Ломайте! — приказал воинам Вьяллар.

Тарн покачал головой.

— До рассвета точно не управимся. Должен быть какой-то другой способ попасть внутрь. Если хочешь, командир, я посмотрю, нет ли поблизости…

Сын Гарпии умолк, прерванный внезапным скрежетом. Остальные, широко распахнув глаза, уставились на вход в мрачную обитель. Дверь открылась сама, обнажив провал в густой мрак полых курганов.

— Мертвые приглашают нас в гости, — негромко произнес Конан.

— Идем, — приказал сын Родвара. — Помните, найденный вами ключ не должны заполучить духи умерших! Если вы отдадите ключ им в руки, то навсегда останетесь рабами бесплотных!

Когда стихло последнее предостережение альвов, воины вошли в курган, попав в объятия зловещей тишины.

От мрака, царившего здесь повсюду, не спасали даже факелы. Хищная тьма давила со всех сторон, стремясь слизать слабые огни с деревянных палок. По стенам, скупо озаряемым багровым светом, скользили быстрые тени, исполнявшие какой-то невообразимо жуткий танец.

— Куда тут идти-то? — вполголоса спросила Гретта, осмотрев стены в поисках прохода.

Никаких коридоров не было видно — только глубокие ниши и неровные провалы, уводившие неизвестно куда.

— Так что, куда все-таки пойдем, командир?

— Не я строил эти гробницы, — сказал Вьяллар. — А потому верного пути не знаю. Будем двигаться…

Пол под их ногами плотоядно захрустел, зыбко вздрогнул и… обрушился. Все десять воинов и их командующие провалились в глубокую яму.

Факелы потухли, тьму наполнили проклятия и крики. На несколько мгновений пространство заполнил гулкий звук падающего каменного крошева, стукающихся о неровные выступы тел наемников, еще больше проклятий и, наконец, полная тишина.

Конан огляделся — они оказались под землей, на глубине около двадцати пяти футов, в зале, полном неверного призрачного сияния. Голубоватый мерцающий блеск, точно живое существо, то крался по стенам, то замирал на стенах, то забирался в самые глубокие щели, высвечивая из тьмы всю скопившуюся там пыль и грязь.

Еще в зале были скелеты. Белое море скелетов. Полусгнившие человеческие кости усеивали пол повсюду.

— Все живы? — подал голос Вьяллар. — Не молчите, во имя Крома, подайте голос!

Один за другим наемники стали откликаться. Оказалось, что никто серьезно не пострадал от падения.

Миррейа громко взвизгнула, увидев прямо перед собой оскаленный череп. Вьяллар негромко выругался. Тарн посмотрел в дальний угол, где синее мерцание выхватило из темноты силуэт фигурного ключа.

— Взгляните-ка туда, — Сын Гарпии указал в то место, где блеснул ключ. — Очень похоже на то, что мы ищем, неправда ли?

— Слишком хорошо все получается, — с тревогой заметила Гретта, — сначала дверь отворилась сама собой, потом мы провалились как раз в нужный зал, теперь еще и ключ отыскался без нашей помощи. Выглядит это все так, как хорошо спланированная ловушка.

— Такое вполне возможно, — согласился сын Родвара. — Только что нам с этого? Мы искали ключ, и мы его нашли. Неужели же теперь все бросить и повернуть назад?

— Гретта права, — поддержал наемницу Конан. — Что-то уж слишком просто все выходит. Не должно быть так.

— Это еще не повод отступать от задуманного. Все, что нам необходимо помнить, это постоянно ни в коем случае не терять бдительность. Брет, Томил, принесите ключ!

Двое наемников поспешили в темноту.

— Осторожно! Духи не могут коснуться ключа сами. Им нужна плоть живых!

Воины склонились над древним ключом…

Берегитесь, живые! Мертвецы рядом!

— Нет! — запоздало крикнул варвар.

Рука одного из бойцов уже легла на заветный предмет. В тот же миг зал огласил скрипящий торжествующий хохот. Томил — тот, кто взял ключ, — замер на месте: его взгляд как-то странно оббежал всех наемников Родвара, потом вернулся к своим рукам, точно северянин видел их впервые. Недолго думая, воин сжал в левой руке ключ, а правой выхватил клинок и в мгновение ока обезглавил товарища. Миррейа судорожно вцепилась в плечо варвара.

Тарн кинулся на плененного духами наемника, но тот предугадал движение Сына Гарпии и отбросил от себя ударом рукояти меча. Гретта собралась следующей атаковать обезумевшего Томила, но ее оттеснили Конан и Вьяллар, обнажившие свои огромные двуручные мечи. Оба киммерийца грозно двинулись на противника.

Кто-то из восьми солдат выбросил из-за плеча лук и пустил стрелу в грудь пленнику духов. Хотя тисовая убийца вошла в плоть воина почти по самое оперение, Томил только покачнулся — видно, отныне жизнь его принадлежала мрачной силе, витавшей вокруг.

Киммерийцы атаковали слаженно и почти одновременно. Вьяллар выбил из руки противника меч мощным ударом, Конан рубанул наемника по шее. Из смертельной раны даже не брызнула кровь — разрез на теле солдата духов наполнился густой и темной сукровицей. Томил яростно дернулся, словно все еще желая продолжить схватку, однако, злобные призраки оставили пришедшую в негодность плоть, и северянин рухнул тяжелой грудой костей.

— Убираемся отсюда! — прошипела Гретта.

Миррейа помогла подняться на ноги оглушенному Тарну.

— Туда! — наемница указала в противоположную сторону, где виднелся едва различимый подъем на поверхность.

— Ключ! — воскликнул Вьяллар.

Командующий войска потянулся за предметом, сжатым в руке павшего бойца, но Конан остановил его.

— Не прикасайся к нему, иначе разделишь участь Томила. Ключом могут воспользоваться только альвы.

— Надо забрать его отсюда!

Конан размахнулся и отсек левую руку мертвого воина с зажатым в ней ключом, потом подобрал ее и бросил Вьяллару.

— Спрячь ее куда-нибудь и не показывай никому до самых дворцовых ворот.

Сын Родвара твердо кивнул.

Они поспешно выбирались из тьмы подземной гробницы под вой нежити, которая не желала выпускать пойманную в сети добычу, однако, была бессильна что-то предпринять без плотской оболочки и потому злобно ревела. На ходу варвар успел подумать, что если случится так, что дверь окажется закрытой, они останутся здесь навеки.

К счастью, дверь была открыта. В черном прямоугольнике маняще серебрилась луна, приглашая воинов поскорее покинуть негостеприимные чертоги мертвецов. Пятеро капитанов и восемь сопровождавших их солдат с облегчением вырвались из душной тьмы усыпальницы.

— Кажется, нам повезло, — со вздохом произнесла Миррейа, которая только сейчас осознала, что все это время почти не дышала.

Тарн обвел взглядом притихшие окрестности.

— Эй, а где же воины, оставшиеся на страже?

Вопрос был вполне законным. Ни одного из сорока человек, получивших приказ дожидаться их у могильника, не было видно поблизости. Спустя несколько мгновений воины заслышали звук тихих шагов. Из-за кургана показался северянин, бездумно плетшийся в их направлении.

— Эй, какого демона…? — раздраженно крикнул Вьяллар. — Разве тебе не было приказано нести стражу у входа в курган?

— Оставь, — шепнул ему Конан. — Вряд ли он тебя слышит.

Сын вождя канахов хотел удивиться, но варвар опередил его, сказав простую фразу, прояснившую ситуацию:

— Он мертв.

Через какое-то время об этом догадались и остальные. Воин, который брел им навстречу, уже не принадлежал миру живых. Об этом красноречиво говорил застывший взгляд северянина и его шаркающая походка. Похоже, силы мертвых завлекли душу наемника в замогильный мрак.

— А что же остальные? — Гретта посмотрела кругом. — Не могли же все…

Снег взорвался из-под ног группы капитанов наемников десятками прянувших из застылой земли рук.

— Кром…! — воскликнул пораженный варвар.

Его меч, тем не менее, удивляться не стал. Стальной клинок отхватил несколько особо настойчивых конечностей. Конан видел, как справа от него под землей с воплями исчезли два бойца из их небольшого отряда.

— Все мертвы, — с отчаянием и злостью изрек Вьяллар. — Уходим из этого проклятого места, во имя света, и как можно быстрее!

Группа бросилась бежать по направлению к Кровавым Холмам. Руки успели утащить вниз еще одного воина. Тарн указывал путь, передвигаясь над землей огромными летящими прыжками.

Женщины — Миррейа и Гретта, — бежали за ним; пятеро оставшихся в живых воинов Родвара спешили следом, отступление прикрывали Конан и Вьяллар. Мертвецы набрасывались на них дважды, явившись из-под земли в полный рост, Пришлось поработать клинками, расчищая дорогу.

Потеряв еще одного наемника, они прорвались, и уже ничто не мешало им достичь

окрестностей призрачного Химинбьёрга, где их поджидало все остальное воинство.

— Олав, строй людей! — на бегу бросил сын Родвара асиру. — Вскоре здесь появятся гости.

Напарник Гретты все понял мгновенно, без лишних объяснений. Группа угодила в ловушку, бойцы погибли, а командира и его подчиненных, чудом сумевших спастись, по пятам преследует враг.

— Вьяллар, ключ?

— У меня. Не подпускай никого к воротам дворца… кто бы ни появился. Мы идем внутрь.

Сын Родвара взял в поддержку три десятка бойцов, среди которых оказались члены банд Хьюки и Бора, остальных поставил под командование Олава. Миррейа осталась с братом помогать асиру. Альвы сдержали обещание: взяв из мертвой руки Томила ключ, они отперли врата в призрачные покои.

— Берегитесь того, кто стережет топор! — напутствовали они Вьяллара и его команду. — И непременно успейте покинуть дворец, пока не наступит рассвет, иначе вы останетесь там навсегда.

Воины вошли в мрачный Химинбьёрг, куда проникали редкие лучи лунного света, искаженного злой волшбой, и их приветствовал хриплый глас мертвецов. Зашевелились старые гнилые кости, скелеты в рваных лохмотьях двинулись на непрошеных гостей. Ярко вспыхнули мечи, разогнав липкий сумрак, и воители Родвара быстро упокоили поднявшихся хозяев. Они прошли пыльными коридорами, куда ни разу не заглядывало солнце, и вышли в просторный зал, где на троне восседал скелет с большим обоюдоострым топором в руках.

— Не иначе как Видфинн, — тихо шепнул Бели своему брату.

— А это тот самый… топор? — спросил Брокк Вьяллара.

Командующий покачал головой.

— Нет, обычная секира. Топор Модгуд сокрыт где-то в другом месте.

Внезапно скелет поднялся с трона и уставился на чужаков взором невидящих глазниц. Бойцы замерли в оцепенении.

— Вы потревожили мой сон после стольких лет, осквернители покоев! Что вам нужно в моем дворце, негодные?! — разнесся по залу скрежещущий шепот.

— Мы пришли сюда забрать топор великанши, сражавшейся на Рагнарёк под знаменами Хёггсена, — ответил Вьяллар конунгу мертвых.

— Зря теряете время, живые! Я ничего не отдам из своего дворца, а вы навечно останетесь здесь моими рабами…

— Вот в этом, король, ты заблуждаешься. Открой нам, где хранится секира, и мы уйдем, более не тревожа твоего сна.

— Я открою вам, где поджидает вас смерть, — сказал Видфинн и с этими словами бросился на чужаков. Сбежав со ступеней, скелет размахнулся и обрушил удар на первого, кто стоял у трона.

Им оказалась Гретта. Капитан наемников, все еще не в силах стряхнуть оцепенение, навеянное ледяным шепотом, в ужасе увидела, как острый топор взметнулся к ее лицу, и поняла, что жить ей осталось не больше мгновения.

Она ошибалась. Конан оттолкнул Гретту и сам занял ее место. Ржавое лезвие в виде полумесяца со звоном столкнулось с клинком киммерийца.

Варвар отвел топор в сторону, крутанулся на месте, и разнес костяной череп конунга на

куски ударом левой руки. Скелет рухнул в пыль горкой гнилой трухи.

— Бесполезно, — раздался голос Видфинна откуда-то из-под потолка. — Вам все равно не уйти отсюда живыми. Топор охраняет ужасный Страж, посланный сюда Аваром. Он проглотит ваши жалкие тела и пленит души… Вам не уйти… Никогда…

Зловещий шепот стих.

— Этот мерзавец не смог обрести покой даже после смерти, — сказал Бор и смолк.

Его вдруг пронзила мысль, что он и сам, как только умрет, будет скитаться по земле бесплотным духом в тщетной надежде найти успокоение, расплачиваясь за все проступки, за которые был повинен при жизни. Нечто подобное ощутил и Хьюки. Однако лидеры банд ничего не сказали вслух.

— Так что, может, поищем топор? — предложил Тарн.

Наемники двинулись дальше по призрачному дворцу. Мертвецы их больше не преследовали, словно теперь бесплотные духи выжидали какого-то момента, чтобы разом выплеснуть на чужаков всю скопившуюся злобу.

Блуждая по темному дворцу, они, наконец, отыскали зал, из которого лился яркий огненный свет. Тогда все поняли сразу — за входом в пылающие покои их ждал Топор Модгуд.

V

Нехорошее предчувствие охватило Вьяллара. Он знал, что в зале, возможно, многих ждет смерть, однако, отступать уже было поздно. Приходилось войти в зал и встретиться с тем, что его охраняло от непрошеных гостей по приказу Нидхеггсона, так и не сумевшего преодолеть печать, наложенную на Химинбьёрг альвами-стражниками.

Ступив на мозаичный пол зала, северные воины увидели существо, охранявшее ценную секиру. Оно дремало в волнах жара, исходившего из нутра собственного тела, которое светилось подобно хрустальному кувшину, наполненному жаркой лавой.

Чудовище походило на дракона — плоская змеиная морда, кожистые крылья, чешуйчатый хвост и мощные задние лапы. Однако огненным ящером монстр определенно не был. Красные глаза, лишенные зрачков, не смыкались ни на миг — казалось, он пролежал тут целую вечность, ожидая своих жертв. Существо переливалось подобно медузе, окрашиваясь в призрачные цвета, всякий раз, когда по его коже пробегала рябь, точно оно являлось из числа тех призраков, что населяли мрачный дворец. Если чудовище и было когда-то драконом, то после смерти его преобразили в злое порождение тьмы и наделили необыкновенными свойствами.

Неудивительно, что Нидхеггсон, не сумев преодолеть барьер альвов, отправил этого любимца Тагала стеречь секиру, нужную его мастеру Хёггсену. Страшное отродье, некогда служившее Богопротивнику и участвовавшее в битве Рагнарёк, теперь поджидало новых гостей. Оно привыкло губить, калечить, убивать все, на что указывал его хозяин, и даже смерть не изменила его мерзкой сущности.

Красные глаза едва заметно сузились при появлении команды Вьяллара, как будто демонический дракон приглашал их войти и взять Топор Модгуд.

«Давайте посмотрим, насколько вы смелы, дерзкие смертные, — говорил его взор. — Если вы не прочь рискнуть, входите. Только тогда уж вряд ли кто-то из вас вернется назад».

И они вошли, Толпа варваров, забыв о страхе, бросилась на жуткое чудовище. Если они убьют Стража, то возьмут Топор Модгуд. Миссия будет выполнена, и они, наконец, смогут убраться из этого проклятого места.

Тотчас голова демонического существа ринулась со скоростью змеи навстречу северянам. До невиданных размеров раскрылась жадная пасть и сразу трое воинов исчезли в клокочущем жерле, полном кипящей лавы. Всего несколько мгновений звучали их леденящие душу вопли.

Потом бойцы бесследно растворились в жаркой магме дракона, оставив от себя только клубок сизого дыма, выпорхнувший из пасти чудовища. Однако остальных воинов Вьяллара уже не пугала столь ужасная смерть — мечи, копья и топоры звонко застучали по его телу. Демон-дракон взметнулся, изгибая дугой тело и сбрасывая с себя назойливых людишек.

Вьяллар и Гретта отлетели к стене зала, сильно ударились о камни и, похоже, потеряли сознание. Когтистая лапа сгребла Бора, и чудовище с хрустом откусило голову лидеру банды. Затем, хищно оскалившись, Страж метнул обезглавленное тело в толпу своих жалких оппонентов, и пока сбитые с ног воины приходили в себя, мощным ударом своего огромного хвоста переломил позвоночник еще двоим людям Вьяллара.

Конан нырнул под чешуйчатое брюхо и попытался вонзить меч в уязвимое место всех драконов, однако сталь клинка завязла в клейкой массе, отдаленно напоминавшей плоть.

Варвар резко выдернул клинок и ударил чуть повыше, в грудь опасному врагу. На этот раз меч злобно хрустнул о кость чудовища. Демоническое существо, наконец, обратило на него внимание и небрежным взмахом лапы отбросило прочь киммерийца. Конан взмыл в воздух, успев исторгнуть каскад проклятий. Тяжелый удар о стену лишил его подвижности…

Сквозь размыкающиеся с трудом веки он увидел, как Страж жестоко разделался с тремя бывшими разбойниками покойного Бора, как в огненной пасти исчез завопивший Видар. Как кинувшиеся ему на выручку Бели и Брокк погибли жуткой смертью — старшего из братьев дракон прикончил шипом, вонзив его наемнику в самое темя, а склонившегося над ним младшего стоптал тяжелой лапой, размазав по полу красный мозг, еще мгновение назад живого человека.

Тогда Конан понял — конец. Они уступили проворному слуге Авара. Еще минута — и любимец Тагала прикончит остальных бойцов. Смерть будет ужасной. Существо из мрака знает, *как* убивать. Спасти их может только что сам Кром, поднявшийся из своих…

Но тот, кто явился им на выручку, богом не был.

Простой человек — немного безумный и помешанный на драконах. Каррах. Давно он ждал встречи с огненным змеем, но судьба столкнула его с крылатым чудовищем из самых жарких печей Тагала. Но это нисколько не смутило волшебника-заклинателя.

— Оставь моих друзей, проклятый!

Заклинатель драконов надул из шаманской трубки с десяток прозрачных пузырей, наподобие тех, которыми забавляются дети. Однако магические пузыри, столкнувшись с кожей дракона и лопнув, оставили на теле монстра совсем недетские ожоги. Впервые за схватку чудовище протяжно взвыло. Каррах выдул еще одну порцию убийственных пузырей, и на теле дракона-призрака появились новые дымящиеся раны.

Дальше удача отвернулась от колдуна. Демоническое существо, яростно сверкнув кроваво-красными глазами, ударило Каррахха передней лапой. И хотя удар ослабевшего монстра оказался не таким уж сильным, он опрокинул человека, и Заклинатель драконов выронил свое необычное оружие, которое к несчастью укатилось в неосвещенный угол зала.

Сбитый с ног Каррах взвыл — на его груди от острых когтей остались три борозды, из которых тут же потекли тонкие струйки крови. На помощь шаману уже спешил пришедший в себя Вьяллар. Но волшебник-заклинатель оттолкнул от себя сына Родвара, показав на дракона.

— Добейте эту тварь… Второй шейный позвонок, начиная от головы… Это — его уязвимое место…

Конан услышал эти слова. Он рывком вскочил на ноги, подобрав с земли упавший меч. Второй раз за злосчастную ночь он действовал совместно с уроженцем своей страны.

Заскочив на спину огромного противника, киммерийцы стали беспорядочно тыкать мечами в шею Стража.

— Второй шейный позвонок… — напомнил Каррах.

Вьяллар слетел с тела чудовища, но Конан удержался. Четвертым ударом варвар нашел-таки уязвимое место монстра, на которое указал Заклинатель Драконов. Мерзкое существо завопило так, что оглушило всех переживших схватку людей. С хрустом лопнули все его кости, и тело стало растекаться жидкой остывающей массой.

Конана передернуло при мысли, что среди всей этой мерзости плыли непереваренные останки его товарищей. Целой осталась лишь голова. Она, похоже, вовсе не собиралась умирать. Клацнула зубами и… распалась на две половины. Меч Вьяллара окончательно

уничтожил любимца Тагала.

Раненых второпях перевязали, после чего уцелевшие бойцы спешно готовились покинуть призрачные покои Химинбьёрга — утро уже было близко. Конан осмотрел рану Карракха — грудь колдуна была пробита в трех местах, но легкое оказалось не задето.

— Жить будешь, — киммериец с едва заметной улыбкой похлопал его по плечу.

— Вот видишь… и я на что-то сгодился. А то тогда, когда мы попали в ловушку к етунам, мне показалось, что от меня никогда не будет толку… Я ведь принес пользу, не так ли?

— Так, — Вьяллар помог варвару поднять Карракха. — Мы еще успеем поблагодарить тебя после. Конан, хватай топор, и поскорее уносим ноги отсюда…

Так они и сделали. Киммериец взял со стойки тяжелое оружие великанши, после чего небольшой отряд, вернее, все, что от него осталось, поспешил из зала к выходу из негостеприимных чертогов Видфинна.

Но, вырвавшись из объятий Химинбьёрга, они попали отнюдь не в мирную ночь. Звонко пели луки, выплевывающие стрелы, пели стальную песнь мечи, им вторили железные наконечники копий, пронзающих плоть противника…

Войско под командованием Олава оборонялось от толп наседающей нежити, которая подступала к владениям конунга мертвых одновременно с трех сторон. Защитники-альвы не смогли сдержать невидимый заслон от мира духов, который рухнул вследствие нарушения старой печати.

Стражи покоя поклялись восстановить его днем, но пока что воинам предстояло продержаться до рассвета.

И они держались.

Конан не запомнил, сколько покойников удалось ему искрошить за час жаркого боя — время пролетело незаметно. Он вонзал и вытаскивал свой клинок из тел врагов, снова погружал холодную сталь в неживую плоть. Кромсал и рубил, резал и колол тех, кому давно следовало упокоиться во мраке могил.

Все бойцы проявили мужество, соревнуясь друг с другом в количестве поверженных врагов. Никого из них нельзя было обвинить в трусости или малодушии, а те, кто погибли в ту ночь, несомненно, попали в славную Вальхаллу Хара.

Они выиграли этот суровый, неимоверно трудный бой. Рассвет разорвал покрывало ночи и принес долгожданный покой. Хаос схватки скоро улегся, мертвецы рассыпались на земле кучами серого праха, и стылый северный ветер разметал его по снежным просторам.

Перед тем, как восходящее солнце окончательно развоплотило покои Видфинца, смелых воинов подозвали альвы, и Конан с Вьялларом говорили с главным из них.

— Мужество ваше, несомненно, достойно похвалы, — сказал эфемерный хранитель покоя. — Вы выполнили свою миссию, невзирая ни на какие опасности. Теперь мы видим, насколько сильно ваше желание победить Хозяина Хельгарда. Идя на высокие стены Гаррада, вы должны иметь достойное оружие. Найдите наших братьев на Закате, это как раз недалеко от пещер Хифлинга. Они построят вам чудесные машины, с помощью которых вы сумеете пробить себе путь в Гаррад, а после и в темный Хельгард.

— Спасибо за добрый совет, о, благороднейший из духов, — Вьяллар учтиво поклонился альву. — Надеюсь, мы когда-нибудь сможем сполна отблагодарить вас за доброту.

— Ваше желание сохранить мир на Полуночи и есть самая лучшая благодарность, — ответил дух-стражник. — А теперь ступайте, и да прибудет с вами свет!

Химинбьёрг медленно истаял в прохладном воздухе. Исчезающие силуэты альвов воздели длани в прощальном жесте. Конан и Вьяллар подняли руки в ответ. Спустя несколько колоколов благословенное войско Родвара, едва отдохнув от пыла битвы, двинулось в новый путь.

Часть шестая. Цепь Рокка

I

Вороной конь летел по ночному небу, высекая из звезд яркие искры своими копытами. Могучий всадник, весь седой, с волосами, убранными под низкий круглый шлем, лукаво улыбался.

Его черный плащ развевался на ветру, точно крылья дракона отправившегося на охоту.

На плечах старца сидели целая стая воронов — таких же черных, как и мрак Хель. Красные глаза птиц тускло алели в сумраке, они хрипло каркали всякий раз, когда их хозяин поворачивал голову направо или налево, однако, ни разу не слетели с его плеча. Вслед за черным жеребцом-красавцем по небосклону передвигались прыжками два огромных волка. Их шерсть серебрилась в лунном свете, и казалось, что сами звери сотканы из нитей прозрачного тумана…

Конан стряхнул наваждение. Иллюзия была настолько реальной, что долгое время варвар не мог поверить, что все это ему только лишь привиделось.

— Никак сам Хар путешествует по небу, — сказал Тьяцци, уставившись ввысь вслед исчезающим во тьме силуэтам.

— Как…? Ты тоже видел это?

— В лунные ночи дух Игга появляется среди звезд. Отец Дружин гонит полчища мертвецов, и странно, что в этот раз он был один. Я опасаюсь, он кружит над нашим войском, ожидая, когда последние воины падут в битве и тогда…

— Глупости, — поморщился Ингурд. — Хара нет в мире живых, он никогда бы не явил свой лик смертным. Все это иллюзия, придуманная кем-то из ныне царствующих богов, чтобы ввести нас в заблуждение.

— Ну, тогда и пробуждающийся Хёггсен тоже заблуждение, — мрачно сказал Динхвалт, — которое, вероятно, выдумали Высшие боги, чтобы как-то попугать друг друга.

У Снежного не нашлось, что сказать на это.

— Я уверен, северные владыки бесследно сгинули на Рагнарёк, — сказал ванир после некоторого молчания, — и они уже не вернутся: Никогда. Память о них сотрется через столетия, а может быть и раньше. Ума не приложу, как нечестивец Хёггсен сумел воскреснуть из мрака забвения.

— А вот я, кажется, знаю, — сказал Динхвалт. — Помнишь, Конан, я рассказывал тебе о своем чудесном сне, который поведал о побеге Хёггсена из Тьяргарда?

Киммериец покопался в памяти и кивнул.

— Ты, верно, упомянул тогда какого-то великана по имени Тьяр.

— Истина! Вот где, по моему разумению, кроется разгадка! Хёггсен не убежал из огненного плена, а ему позволили убежать!

— Зачем?

— Кто знает, друг мой… Кто знает… Вероятно, этот Тьяр не так уж прост.

— Но нам-то что с того? Попросим великана забрать Хёггсена обратно в Огненную Страну? Дескать, в этом мире он не нужен, пусть покоптится у тебя еще лет эдак тысячу.

Ингурд слабо усмехнулся.

— Мы уже заполучили Слезы Крома и Топор Модгуд. Осталась еще цепь Рокка, потом — прямая дорога в Гаррад. Кажется, мы опережаем мерзавца Нидхеггсона, но что-то уж слишком он притих, и это пугает меня больше всего. Клянусь прекрасными ножками Атали,

он задумал что-то недоброе и уже на полпути к осуществлению своего плана, о котором мы не имеем ни малейшего представления. Колдуны они всегда непредсказуемы. От них можно ожидать любой гадости.

— Да все это очень подозрительно, — согласился Конан. — Авар что-то определенно замыслил. Жаль, что мы не можем прочитать его мысли. Хотя… Миррейа и Тарланд. Они же могут предугадать действия чернокнижника?

— Вот и ступай, поговори с ними, — посоветовал Ингурд. — А я вздремну немного, пока снова в путь не двинулись.

Конан нашел аквилонских магиков и изложил им свое пожелание. Волшебники, хоть и казались очень уставшими, выслушали мысли киммерийца и, похоже, всерьез ими заинтересовались.

Тарланд и Миррейа уселись в позу для медитации, чтобы осмотреть лагерь волшебным зрением в поисках врага, варвар тем временем устроился поблизости, ожидая результатов чародейства.

— Не обнаружили никаких следов черного мага, — сообщили Миррейа. — Похоже, ярл Нидхеггсон по-прежнему пребывает где-то в Гарраде.

— Но ведь он, наверняка, знает о приближении войска, Кром его разорви! Неужели же он не склонен ничего предпринять?

— Вот в этом я сомневаюсь, — ответила аквилонская аристократка. — И тут вышла любопытная вещь. Мы с братом обнаружили присутствие в отряде предателя. По всей видимости, на него чародей и делает ставку.

— Зубы Яджура! Кто бы это мог быть?!

Волшебница лишь развела руками.

Спустя колокол наемники Родвара выступили в путь. После столкновения с армией мертвецов и зловещими чарами окружения Химинбьерга их осталось не больше двух с половиной сотен. Свирепый дракон-демон уничтожил всю банду Хьюки, оставив в живых только ее лидера, и расправился почти со всеми головорезами Бора. Боевой дух по сравнению с походом во владения Видфинна заметно снизился. Темные силы, подвластные Авару, давили на войско с возрастающей настойчивостью.

Счастье, что Хифлинг с его многочисленными, точно норы муравейника пещерами, находился не так уж далеко от призрачных покоев — всего три дня пути.

Два дня они шли, почти не останавливаясь на отдых, уделяя на сон всего три-четыре колокола. Усталость не чувствовалась — чем ближе они подбирались к стылым пещерам, тем больше крепла в них уверенность в будущем.

Только к концу второго дня Вьяллар объявил привал на полноценный ночной отдых, так что наемники возобновили поход только под самое утро.

— Странное дело, — жаловался старик Тьяцци друзьям. — Меня словно затягивает в черную пучину — как только я окунаюсь в сон, то сразу устремляюсь в самую глубину бездн Хельгарда. Теперь я точно знаю, что царство мрака сокрыто под Гаррадом Авара. Там, глубоко под землей, на ложе самого высокого кургана трупов, которые все до единого почти до вершин затопила река Гьелль — вся красная, из человеческой крови, спит Хёггсен-Богоубийца. Мертвецы трудятся день и ночь — из собственных ногтей они строят корабль для Нидхеггсона, на котором чернокнижник сумеет переплыть кровавую реку и пробудить ото сна коварного северного бога. Зачем души мертвых показывают мне все это? Неужели потому что их неупокоенные тела жестоко использует темный колдун? Или они

сопротивляются приходу тьмы в Нордхейм, предупреждая через меня об опасности всех его уроженцев?

Еще не забрезжил холодный рассвет, как две с половиной сотни воинов подошли к пещерам Хифлинга. Черневшие отверстия очень походили на норы, нарытые какими-то чудовищными подземными обитателями. Сунься поближе — и оттуда полезут мерзкие жители глубин.

Посланный на разведку отряд вернулся с необычными известиями — пещеры были пусты, в полых ходах гулял сквозной ветер. Однако темные коридоры уходили далеко под землю, и как сказали наемники их изучившие, по промерзлым проточинам можно было бродить целую вечность.

Вьяллару и его команде вечность не требовалась. Найти цепь и вернуться на поверхность.

Цепь Рокка, которую никто ни разу в глаза не видел. Как же они отличат её, некогда сковывавшую Акала, от любых других цепей, которые могут попасться в подземелье? Старик Динхвалт согласился дать описание этого предмета, каким его видели духи, однако, наемникам вождя канахов оно мало, чем помогло.

— Ту цепь ковали северные боги… — сказал прорицатель. — Рокка объединила шесть сутей: птичью слюну, жилы медведя, корни гор, женскую бороду, шум кошачьих шагов и рыбье дыхание…

Из слов Динхвалта Вьяллар сделал вывод, что цепь с такими характеристиками, должно быть, чужда природе железа. Жилы, волосы и изрядная доля магии. Впрочем, как позже сказал сын вождя, это всего лишь его предположение.

Конан вспомнил про альвов, на которых указывали их братья из Химинбьёрга. Сын Родвара задумался — с одной стороны ему не хотелось терять ни мгновения на негаданную задержку, с другой — помощь, духов могла оказаться воистину незаменимой. Отряду сказочно повезло: разыскивать никого не пришлось, стражи покоя явились сами.

— Приветствуем вас, — проговорила капитанам наемников плотная тень. — Мое имя Наккар, я главный хранитель этих земель, посредник между миром мертвых и миром живых. Я и мои братья уже наслышаны о ваших подвигах во владениях конунга мертвых, и наши сородичи сказали, что вам потребуется наша помощь. Рассвет уже близко, поэтому поспешим, друзья. Ответьте на мой вопрос: действительно ли вы хотите получить чудесные оружия, чтобы совладать с колдуном Аваром Нидхеггсоном, властелином мертвых и его господином, тем, кто зовется Хозяином Хельгарда?

— Да, добрейший Наккар, цель нашего похода — это падение Гаррада и низвержение его владыки. В пути нам встретилось огромное число тяжких испытаний, силы наши заметно истаяли, и неизвестно, что еще ждет нас впереди, — держал речь Вьяллар. — Поэтому не скрою, что мы были бы очень признательны получить вашу помощь, могучие защитники смертных.

— Мы рады вам помочь, — ответствовал главный альв. — Но цена вновь может показаться не слишком низкой. Вам опять придется на свой страх и риск выполнить наше поручение, чтобы мы смогли оказать вам ответную услугу. Так что сразу же спрошу тебя, смелый воин, готов ли ты и твои собратья на это?

— Да, великий. Назови свое к нам дело, и мы его выполним.

— В глубине стылого Хифлинга дремлет наш кузнец Вестри, околдованный злыми чарами богини мрака Хель. Без его помощи мы не сумеем изготовить для вас чудесные

механизмы. Если вы отыщите его и вернете на поверхность, то уже следующей ночью получите осадное орудие, способное обратить в ледяное крошево неприступные стены темного города Авара-колдуна.

— Да будет так. Мы отыщем вашего брата Вестри.

После разговора с альвом Вьяллар отдал приказ начать спуск в Хифлинг. На этот раз командующих войска сопровождало немногим более семи десятков воинов. Те из них, кто пережил Химинбьёрг и битву со Стражем, надеялись на скорое выполнение миссии. Впрочем, сам сын Родвара их надежду не разделял. Олав с остальными людьми, как и в прошлый раз, остался сторожить внешнее пространство, прикрывая наемников Вьяллара от возможного нападения извне.

Сначала Хифлинг уходил вниз одним большим проходом с незначительными ответвлениями в половину человеческого роста. Отряд шел по волнистому каменному полу, и у многих создавалось впечатление, будто он попали в пищевод огромного древнего чудовища. Свет факелов чудесным образом дробился о стены и переливался на их гладкой поверхности до блеска отполированной неведомым зодчим. Потом внезапно главный ход разделился на четыре второстепенных — каждый без малейшей подсказки на то, куда он уводил.

Олав предложил разделиться — так отыскать цепь и пропавшего Вестри, казалось асиру проще.

Вьяллар поддержал его идею, и отряд разделился. Конан недоверчиво хмыкнул — разделиться-то они разделились, а вот как собираться будут?

Впрочем, выбора у них не было. По очереди заглядывая в каждый проход и не зная верного пути, по пещерам Хифлинга действительно можно было бродить целую вечность. Вьяллар, Миррейа и шемиты попали в одну группу, Конан, Гретта и Реган — в другую, Хьёрса, Тарланд и Карракх — в третью, Ингурд, Торрад, Тарн — отправились с четвертой. По пятнадцать-двадцать человек в каждой.

Им предстояло пройти сквозь холодные пещеры и до ночи вернуться на поверхность с Цепью Рокка и найденным братом альвов.

II

Они сразу почувствовали опасность. Не нужно было быть магом или великим вором, чтобы ощутить разлитую в холодном воздухе ненависть.

Ненависть к чужакам, вторгшимся в запретную область.

Ненависть ко всему живому.

Вьяллар шел впереди всех, осторожно ступая по бугристому каменному полу, сразу за ним следовала Миррейа, прячась за широкой спиной киммерийца, затем шли три главных ассасина, Икнет, Самоон и Бушан, и вслед за своими капитанами шагали северные воины вперемешку с темнокожими шемитами.

— Если вы позволите, господин Вьяллар… — решилась нарушить тишину аквилонская волшебница.

Сын вождя канахов подарил ей хмурый взгляд.

— Я не господин. Если у тебя есть что сказать, то говори безо всяких украшательств речи… И зови меня просто Вьяллар.

— Конечно… Вьяллар. Поскольку нас обучали распознавать природу магии — а я с уверенностью могу сказать, что это место магией просто переполнено — интуиция подсказывает мне, что мы имели шанс столкнуться не с простым чародейством. Точнее и не с чародейством вовсе. Здесь словно бы действовала некая стихийная сила, даже не осознававшая, так скажем, что она колдует…

— Говори яснее, хорошо?

Миррейа покраснела.

— В общем, мне кажется, здесь побывал не человек. Вероятно, кто-то из богов. Или богинь. А для них, как известно, творить волшбу так же обычно, как скажем, для нас причесывать волосы — вроде как повседневный ритуал.

— Понятно. Насколько это опасно?

— Не знаю. В таких случаях степень риска для человека определить достаточно трудно. Как правило, либо это безвредно, либо смертельно опасно. Хотя бывают исключения — некоторые мрачные боги, вроде Сета или Шайтана специально устраивают коварные ловушки для тех, кто вторгается в места их поклонения.

— Шайтан справедлив! — вмешался Бушан. — Своих он никогда не обидит. А вот вы северяне — и что? Ваш бог не пощадит вас, будь вы хоть самыми старыми жителями Нордхейма или Аквилонии.

— И у вас нет преимуществ перед нами, чужестранцами, потому что ваши боги невежественны, — поддержал его Икнет. — Покарать невиновного для них — это обычное дело, в то время как для Шайтана — это самое худшее из злодеяний. Перед тем как…

— Помолчите, — поднял руку Вьяллар, и шемиты затихли. — Миррейа, ты сможешь определить ловушку, если таковая встретится на пути?

— Не уверена. С магией богов я еще никогда не имела дел. Но можешь поверить, господин Вьяллар… то есть, Вьяллар… что я непременно сделаю все, что в моих силах, чтобы предупредить об опасности.

— Хорошо. Тогда идем дальше.

Ход превратился в коридор, стены которого, как было заметно, подвергались обработке. Горную породу украшали недорогие блестящие камешки. Свисавшие с потолка сосульки по

воле неизвестного скульптора приобрели форму змей, которые жадно раскрыли пасти в ожидании своих жертв.

— Подождите! — внезапно сказала чародейка и указала на стену. — За ней что-то есть!

Вьяллар окинул стену взглядом, словно решая, что делать, потом взял у одного из своих бойцов тяжелую секиру и ударил по гладкой поверхности. Стена податливо хрустнула, покрылась трещинами и медленно, точно не желая рушиться, опала на пол каменной крошкой. В образовавшемся провале открылась ниша, а в ней тесный проход, уводивший вниз.

Сын Родвара вопросительно взглянул на Миррейу, но та лишь едва заметно покачала головой, дав понять, что пока не чувствует поблизости ничего скверного.

— Спустимся вниз, — решил киммериец.

— Одумайся, могучий! — пугливо произнес Бушан. — Разве ты не видишь, это же гробница! Спустившись вниз, умрешь лютой смертью!

— Я уже однажды спускался в безмятежный мрак покойников, — с усмешкой вспомнил Вьяллар мрачный Химинбьёрг. — Если мертвецы не забрали мою жизнь в усыпальницах Видфинна, неужели же Хифлинг окажется моей могилой?

— Ассасины поклоняются смерти, однако, смерти разной… Оказаться пожранными мглой ваших богов — незавидная участь.

— Спускаемся вниз, — повторил сын Родвара. — Я приказываю.

Шемиты были вынуждены подчиниться. Даже если бы темнокожие и решились на бунт, воинов Вьяллара было больше. Ассасины бы неизбежно проиграли.

По стенам темного коридора пробегал огонек едва заметного пламени, нагоняя на жителей Полудня суеверный страх. Осторожный шаг сменялся новым…

Миррейа все также внимательно следила за изменениями в окружении, но ничего опасного по-прежнему не замечала.

Наконец, они завершили спуск и оказались в овальном зале со стенами, украшенными фресками. В центре комнаты стоял хрустальный саркофаг, освещенный пламенем двух неугасимых лампад. Над прозрачной крышкой витал целый рой огненных мотылей.

Воины быстро догадались, кто спал беспробудным сном в тесной усыпальнице.

То был Вестри, альв-кузнец, пропавший брат Наккара…

* * *

Они прошли уже достаточно далеко по извилистому ходу. Казалось, в темной проточине можно бесцельно брести целую вечность. Реган успел за это время изрыгнуть столько проклятий, сколько, наверное, все войско Родвара не насобирало бы и за год.

Гретта запоздало вспомнила, что во тьму Хифлинга стоило взять с собой старого Динхвалта — он бы сумел определить верную тропу, и им бы не пришлось блуждать по всем коридорам в поисках цепи.

Конан молчал — его занимала недобрая мысль о том, что Рокка, также как и Топор Модгуд, кто-то должен охранять. Здесь, в стылых пещерах, они находятся в полной власти невидимых стражей ценного предмета. Вряд ли враг пожелает выйти на открытый поединок, скорее всего, на пути их ждут коварные ловушки.

— Этот проклятый коридор играет с нами! — наконец, возмутился Ледяной Молот. —

Водит кругами да петлями во мгле, точно слепых крысят! Мое терпение, друзья, начинает подходить к концу…

Тут же словно по волшебству они увидели впереди свет.

— Гарни, Валгор! Сходите, посмотрите, что там впереди! — приказала Гретта наемникам.

Двое киммерийцев с ворчанием обогнали группу и исчезли за поворотом. Они вернулись скоро — изумленные и потрясенные.

— Что там?

— Колонны в сиреневом сумраке! — сказал Валгор. — Похоже на какой-то темный алтарь. В глубине зала, куда мы уже не решились заглянуть, стоит большая статуя, высеченная из мрамора. Будь я проклят, если она изображает не двух волков с хищно разинутыми пастями!

— Ясно, — Конан начал что-то припоминать.

Он слышал об этом давно, да еще и мельком, сидя в одной из таверн Ванахейма около пяти лет назад. Рассказ странствующего пирата уже, наверняка, давно бы стерся из памяти киммерийца, если бы не одна незначительная деталь, имевшая отношение к интересам варвара. Тогда Конан еще не присоединился к банде Гуннара, он только обдумывал, в какие края начать путь. Странствующий пират рассказал о банде нордхеймских вещих колдунов, которые заперлись где-то глубоко в пещерах дальше к северу, чтобы основать там новое царство. Царство, где поклоняются богине Хель и ее слугам.

Там, по слухам немногих, имевших шанс посетить владения сумасшедших колдунов, скоплены великие богатства. Скорее всего, именно почитатели северной богини тьмы отыскали Цепь Рокка и принесли ее в свое убежище. В то время этот слух мало заинтересовал Конана — налетать на владения колдунов, какими бы безумцами они ни были, из-за призрачных сокровищ, он не собирался.

Спустя год или два прокатилась другая молва: асиры все-таки решились выбить магов из хладных жилищ, однако, ничего там не нашли. Пещеры оказались абсолютно пусты — внутри истаял любой след присутствия человека. А вскоре все участники похода, потревожившие хладную обитель, погибли загадочной смертью, объяснению которой не смог найти ни один нордхеймский знахарь.

Видно, и вправду подземелье охраняли древние силы, которые не терпели ничьего присутствия в своих владениях.

Только в эти мгновения Конан догадался, что все ранее собранные слухи касались именно этого злополучного места — пещер Хифлинга. Статуя двух волков — это бывшее место жертвоприношений магов, которые обитали здесь некоторое время, прежде чем бесследно исчезнуть.

— Идемте, взглянем, — предложил киммериец.

Конан прошел в зал с высоким сводом, утопленным в сиреневой дымке, за ним последовали Гретта и Реган, который вместе с Ингурдом после гибели вендийских жрецов занял место капитана отряда, потом в зал вошли остальные воины из группы.

Так и есть. Два мраморных исполина. Один — волк Аккал, пожиратель трупов из Хельгарда, другой — его чудовищный собрат — пес Сумрак, некогда посаженый на цепь стеречь вход в мрачное царство Хель. Последняя работа зодчих из числа поклонников кровавой богини.

Гретта наклонилась к основанию статуи, чтобы прочитать высеченные в камне руны.

«Я скоро выйду на свободу, и не найти вам тех оков, что удержать меня способны. Мой голод лют. Я съем всех вас. Сожру людей, сожру богов, я — Аккал, волк из мрачных снов», — медленно прочитала наемница надпись под статуей волка, залитую темно-синей мерцающей краской.

«Сумрак — мое имя. Мрак — мой отец, мать моя — ненависть. Слюна — яд, глаза — огонь, когти — мечи, шерсть — звенья кольчуги. Я выйду на свет, и спасения вам не будет. Дыхание своим спалю я ваши жалкие тела», — гласила другая надпись, сделанная у лап гигантского пса. Похоже, совсем другой рукой.

«Дыхание Сумрака!»- внезапно вспыхнуло в сознании Конана. Словно проблеск пламени, отголоски чужих мыслей. Мыслей тех, кто безвозвратно сгинул в этом гиблом месте.

«Мы спрятали гибель за холодной стеной, через которую не пройдет никто из живых…

Поклонники Аккала научились превращать людей в мертвецов… Мы попросили Вестри создать новую защиту, чем и прогневали богиню Хель…

Теперь ее проклятие сгубит нас всех…»

Конан оглянулся, словно желая убедиться, что таинственный голос слышал только он. Его спутникам, похоже, подобное было недоступно.

— Кажется, я знаю, что произошло здесь несколько лет назад, — сказал варвар. — Возможно, нашим друзьям грозит опасность.

Гретта, Реган и остальные бойцы посмотрели на киммерийца.

— Будь добр пояснить, что ты имеешь в виду, — произнес Ледяной Молот, испытующе глядя на варвара.

— Если кто-то обнаружит запретное место, то может погибнуть. Вестри в ловушке, и тот, кто его решится выручить, неизбежно попадет в нее. Или же тот, кто подойдет близко к месту, где заключено Дыхание Сумрака…

— Погоди, погоди, — махнула рукой Гретта. — Какое дыхание? Какая ловушка? Давай-ка все по порядку.

— Если рассказывать с самого начала, на это уйдет много времени. А его у нас нет.

— И все же…? Что тебе известно?

— Начнем с того, что мне рассказывал старик Тьяцци о давних временах, временах войны Рагнарёк. Сумрак и Аккал — два порождения мрака, волк и пес, грозившие сожрать не только северных богов, но и весь мир. Когда боги столкнулись на Боргильдовом поле, Аккал и Сумрак вышли на свободу. Однако мир до сих пор существует. Как сказал прорицатель, это только потому, что во время Рагнарёка волк и пес начали сражаться друг с другом, борясь за остывающие тела воинов, годные в пищу. Неизвестно, кто победил. Скорее всего, чудовища попросту уничтожили друг друга.

— К чему нам давние времена? — перебил Конана асир. — Как все эти сказания связаны с нами?

Варвар бросил на него сердитый взгляд. Киммериец очень не любил, когда его перебивали. Особенно если он взялся рассказывать какую-то историю, в смысле которой и сам-то понимал немного. Гретта примирительно подняла руку.

— Что было дальше?

— Откуда мне знать? — Конан поборол раздражение. — Волк и пес подрались, и Тагал

с ними! А вот почитатели мрачной богини, спустившиеся в норы Хифлинга, решили, во что бы то ни стало выяснить, кто из двух демонов оказался сильнее. Вот, где кроется разгадка. Маги поклонялись Хель и ее детищам — Сумраку и Аккалу, да вот только по-разному. Одни почитали волка, другие — пса, и было у них вроде как два клана. Первыми распрю начали почитатели Аккала, те, что притащили цепь в Хифлинг, Поклонники прожорливого пса открыли новое оружие, посланное им богиней Хель для покорения всего Нордхейма, способное уничтожить врагов. Сторонники волка подумали, что дети Сумрака непременно уничтожат их клан — ведь в конце дней должен остаться только один демон-пожиратель. До этого братство магов было едино, но вот с открытием могучего оружия, названного дыхание Сумрака, между двумя кланами началась настоящая война. Одни укрыли Цепь Рокка, другие — подарок Хель. Чтобы поклонники Акала не заполучили дыхание Сумрака, его служители создали ловушку, через которую якобы не мог пройти ни один живой. Тогда почитатели волка стали обращать людей в мертвецов, горя жаждой заполучить подарок. Они бы и прорвались через преграды, если бы слуги пса не воззвали к альвам. На зов явился Вестри-кузнец. Он поставил новую совершенную ловушку на Дыхание Сумрака, и уже ни один из приверженцев мрака — ни живой, ни мертвый — не смог заполучить могучее оружие. Хель, разгневанная глупостью своих подчиненных и столь невежественным обращением со своим подарком, спустилась в Хифлинг, умертвила всех своих прислужников, а на Вестри-кузнеца наслала проклятье, сковав его узами вечного сна. С того времени Цепь Рокка стерегут орды мертвецов, подвластные хозяйке мрака, которые часто пополняются смельчаками, дерзнувшими сунуться в эту холодную обитель.

— Откуда ты все это знаешь? — с искренним удивлением спросил варвара Реган.

— Духи нашептали, — пожал плечами Конан.

— Что же теперь делать? — задумчиво спросила Гретта.

— Остановить всех, — ответил ей киммериец, — пока не залезли, куда не следует. Обдумаем, как действовать дальше и только тогда…

— Пойдем отсюда, — предложил Реган, с презрением взглянув на острую морду волка. — Найдем остальных. Не стоять же тут без толку в компании с этими жуткими, хоть и каменными, зверьми.

Ни у Гретты, ни у Конана возражений не нашлось. Командиры отряда, а вслед за ними и остальные воины, потянулись к выходу из зловещего зала. Конан еще долго не мог отделаться от наваждения — ему чудилось, будто алые призраки Сумрака и Аккала покинули свои каменные тела и шли за ними по пятам во тьме.

* * *

… Тяжелая кисть асира опустилась на плечо юноши. От неожиданности Тарланд вздрогнул.

— Смотри под ноги, маг! — предупредил его Хьёрса. — Ухнешь в пропасть, никто за тобой не полезет.

Волшебник посмотрел прямо перед собой и обмер — еще бы шаг, и он провалился в глубокую яму, на которую не обратил внимания, пребывая в глубокой задумчивости.

— Спасибо, — неловко пробормотал Тарланд, но Злобный его не услышал, вернувшись в строй бойцов.

К чародею подошел низкий коренастый человек в халате. Карракх еще до конца не оправился от раны, полученной в бою со Стражем, и шел, скривившись и придерживаясь за больное место.

«Счастливые эти люди варвары, — не уставал повторять колдун-заклинатель, — хоть умом природа их обделила, зато уж силой и живучестью точно не обидела. Киммерийцу вон, поди, пол-груди разворотило, а он и не заметил. А я вот, несчастный, страдаю от какого-то проклятого пореза».

Впрочем, Карракх помимо постоянных причитаний не забывал благодарить судьбу за то, что вообще остался в живых, в то время как столько воинов, куда сильнее его, навсегда остались в призрачном Химинбьёрге.

— Изучаешь магию здешнего окружения, Тарланд? — поинтересовался Заклинатель драконов.

— Пытаюсь.

— И что выяснил?

— Выяснил, что это бесполезное и опасное занятие. Бесполезное, потому что требует, куда большего сосредоточения, а опасное, потому что, пытаясь сосредоточиться, я не смотрю себе под ноги.

Карракх бросил взгляд на темнеющий провал ямы.

— И это все?

— Нет. Еще я уловил некое поле, преграждающее путь. Думаю, скоро мы на него натолкнемся.

— А это опасно?

— Хотелось бы и мне знать. Пока же идем вперед.

Отряд продолжил путь.

— Знаешь, я тоже чувствую магию, — сказал Заклинатель драконов. — Только по-своему. Могу с уверенностью сказать, что Хифлинг полон духов мертвых, которые только и витают вокруг.

— Где же они? — спросил юноша.

— Повсюду. Они невидимы глазом смертного, но они есть, и их присутствие можно ощутить. Вот ваш друг Тьяцци, он хорошо умеет это делать. А я по сравнению с ним — кто? Сущий шарлатан.

— Я уважаю старика, но не особенно доверяю его… методам, — признался аквилонский чародей.

— Зря. У каждого магия своя, а вся она собранная вместе — твое умение, мое умение, способности пророка Динхвалта — она есть единая, великая магия. Так что любая ее часть, любое ее проявление имеет свое значение.

— Я, признаться, об этом даже не задумывался, — сказал Тарланд, на которого мысль Карракха оказала сильное воздействие. — Миррейа-другое дело. Она в ордене дольше, чем я. Сестра бы тебе что-нибудь на это обязательно сказала. А я могу только признать свою некомпетентность.

— Брось, — добродушно махнул рукой колдун, который начал себе казаться умным, раз сумел в чем-то убедить аквилонского аристократа. — Вот я как-то раз пошел на свидание с Джайрой, своей семьдесят девятой девушкой, которая, между прочим, тоже считала себя глупой…

Тарланд не стал слушать забавную историю Карракха, его сознание наполнилось

голосами, которые сохранил в своей памяти Хифлинг, точно так же как это случилось с Конаном, и если бы варвар и аквилонец имели шанс обменяться мыслями, волшебник бы сильно удивился. Поскольку маг обладал большими знаниями в области для киммерийца практически недоступной, то моментально зацепился за ниточку, брошенную ему невидимым помощником, и вскоре распутал целый клубок.

Видения наслаивались одно на другое, составляя единую картину событий — Тарланда захлестнул мощный шквал иллюзий, напоминающих о былом.

Пещеры… Грозные маги… Дыхание Сумрака, удушливый газ, выедающий легкие тех, кто пытался его заполучить. Трудящийся над новым изделием кузнец Вестри, вплетающий в свое творение силу холода… Жесточайший и свирепый мороз, обволакивающий тела новых жертв… Тела убитых… Стоны выживших… Мрак, заполняющий и без того темные ходы… И сама хозяйка подземного царства Хель, спускающаяся в Хифлинг.

Тарланд дернулся, но видения не отступили, а Карракх, ничего не замечая, продолжал рассказывать о своих приключениях…

…- Снова волчье отродье пожаловало, господин Хьял? — ученик мага с тревогой посмотрел в лицо своему учителю, однако, старый северянин лишь хитро усмехнулся.

Горав, его ученик, парень лет семнадцати, рыжий, все лицо в огненно-красных веснушках, стоявший по правую руку от ванахеймского чародея, не одобрял подобной беспечности и недопустимого даже для старшего наставника легкомыслия.

— Аккалская мразь забаррикадировала средний ход и отрезала нас от складов с провиантом, — сердито проворчал он, чтобы напомнить учителю всю серьезность ситуации. — А еды у нас в палатах осталось не больше, чем на седмицу.

К тому же трое мудрейших, ушедших к колодцу так до сих пор и не вернулись. Вероятно, волчьи маги подстерегли-таки их. Охранять покои с секретным оружием становится все труднее — Аккалские слуги рвутся туда, как очумелые. Что газ? Даже отравленные, они ползут к входу, в надежде забрать Дыхание Сумрака, а после найти противоядие. Неслыханная наглость! Да вот еще новая беда — слышу по ночам какие-то звуки, точно наша хозяйка вдруг решила бесшумно прогуляться по подземелью… Эгей, господин Хьял, да вы, гляжу, меня совсем не слушаете… Да куда же вы, мастер…?

Старый маг отстранил рукой юношу-чародея и выступил вперед. Посох его уткнулся в землю, подбородок едва заметно приподнялся, взгляд глаз цвета грозовых туч метнулся навстречу незнакомцу. Однако, колдун сразу узнал шедшего и едва заметно усмехнулся — пряча блеклую улыбку так тщательно, чтобы ее не увидел никто, и даже он сам не чувствовал давно забытого вкуса необыкновенно легкого настроения на губах после ее увядания.

Напротив мага замерла тень человеческого роста с четко очерченными чертами лица. Долгое время он стоял молча, так что Хьялу первому пришлось нарушить повисшую тишину:

— До сего момента я не верил, что ты придешь.

— И вот я здесь, — сказал альв Вестри.

— Ты по-прежнему хочешь нам помочь?

— Я уже выразил свою волю дважды. Не заставляй меня повторяться и на этот раз, колдун.

— У нас принято выслушать клятвы, принесенные духом.

— Это никакие не клятвы. Я дал слово помочь. Надеюсь, смертный, этого тебе достаточно.

— Достаточно ли мне? — как бы в некотором раздумье произнес поклонник Сумрака. — О да, мне этого вполне хватает. Но, пойми, это, ни в коей мере, не умаляет моего желания узнать, почему ты хочешь это сделать.

— Я способствую развитию всего, что сопротивляется разрушению, — ответил альв. — Вы осознали то, что Дыхание Сумрака — страшное оружие, несущее смерть, неподвластное никому из смертных. Это благородный поступок. Вы решили спрятать его от своих собратьев, в которых воля к разрушению оказалась сильна. Это вдвойне благородный поступок. Сохраняя страшное Дыхание Сумрака в недоступном от смертных месте, вы спасаете сотни жизней. И этим вы идете против законов своей богини. А это выше всяческих похвал. Почему же мне не помогать тем, кто способен осознать величие созидания, вместо того, чтобы все глубже погрязать во мгле бесполезного разрушения?

— Слова твои витиеваты, альв, — сказал старик, прищурив глаза. — Хитры и искусны, настоящий шедевр речетворца. Однако могу ли я надеяться, что твое изобретение окажется не хуже красивых речей?

— Можешь мне поверить, маг, — уверенно произнес Вестри, и колдуну даже показалось, что подобие его прозрачных губ сложилось в настоящую дружескую улыбку.

Тарланд сделал еще несколько шагов. Изобретение Вестри, роковой механизм, прогневавший Хель, которая в отличие от других богинь и богов не пожалела времени на то, чтобы выбраться из глубин мрачного царства и вступить в Хифлинг и лично покарать неугодных…

Впереди… Дальше — это… Смерть.

Хьял дико хохотал, наблюдая за тем, как хищный мороз окрашивает бело-голубой изморозью тела врагов. И живые, и мертвые поклонники Аккала одинаково быстро застывали в коридоре обледенелыми глыбами.

— Работает, мастер альв! Работает, шельма его возьми!

Восхищению старого чародея не было предела. Колдун едва ли не хлопал в ладоши. Все полтора десятка противников съел жадный холод, после чего замораживающее волшебное вещество снова вобрали в себя две пасти по бокам коридора. Изумленный колдун подошел к ближайшей статуе и размашистым шлепком сбил обледенелую голову с плеч одного из волчьих слуг. Та со звоном раскололась о каменный пол пещеры. Хьял знал, что на подобные проказы у него совсем мало времени — после убийства врагов хитрая вещица.

Вестри восстанавливается всего пару мгновений. Опоздаешь — и заледенеешь как сосулька, даром, что ты почитатель Сумрака. Колдун поспешил ретироваться в безопасное место. Теперь Дыхание Сумрака запечатано навеки. Никто не возьмет его из зала, охраняемого изобретением альва…

— Стойте! — резко завопил Тарланд, так что дрогнули даже стены. Взгляд аквилонского волшебника замер на двух жадно распахнутых пастях, виднеющихся из стен. — Вперед дороги нет.

Хьёрса с недоверием вгляделся в холодный сумрак.

— По мне, так тут ничего опасного не заметно. Разве что пара крыс, да летучая мышь на

потолке…

— Помолчи, Тарланду лучше знать, северянин, — строго повысил на него голос Карракх. — Но, во имя светлой Иштар, мой юный друг, неужели нельзя продолжить путь? Мы прошли уже достаточно далеко и возвращаться ни с чем будет скверно. Нам нужно посмотреть, нет ли там цепи, той, что ищет Вьяллар.

— Цепи там нет, — однозначно ответил аквилонец. — Клянусь сердцем Эрлика, я доподлинно знаю, что в том зале. Впереди спрятано дыхание Сумрака, и его стережет чудовищный механизм альва Вестри, убивающий холодом. Если мы ступим еще хоть на пару шагов, то все замерзнем, лед пронзит наши тела и отнимет жизнь.

Карракх помрачнел и в задумчивости провел рукой по своей лысине. Потом Заклинатель драконов развернулся к наемникам.

— Разве вы не слышали, что вам сказал ваш капитан? Поворачиваем назад.

Воины Родвара немного поворчали, однако, перечить не стали, и отряд зашагал в обратном направлении. Тарланд только что спас шестнадцать жизней.

* * *

… О загадочном зале никто не имел одинакового представления. Торрад Великан решил, что добрые силы решили вознаградить их за все страдания, угостив праздничным ужином. Ингурд подумал, что все они внезапно умерли, даже не успев этого осознать, и попали в запредельную Вальхаллу.

Хотя вообще-то Снежный представлял себе чертоги Хара несколько по-иному. Неизвестно, какие мысли промелькнули в головах других северян. Но все точно знали одно — перед ними небывалое чудо, и им непременно стоит воспользоваться.

Наемники Родвара стали рассаживаться за столы и придвигать к себе тарелки с богатым угощением. Кто-то поспешил сразу же наполнить походную флягу дорогим вином из кувшина. Через некоторое время по залу разнеслись нежные звуки лютней, объявивших начало праздника.

Единственным, кто оставался в стороне от жуткого пиршества, был Тарн, Сын Гарпии. На него, похоже, черное волшебство не действовало, и иллюзии не сумели пленить его мозг. Получеловек с удивлением и изрядной долей отвращения следил за тем, как воины расселись за гнилые обломки столов и стали с восхищением готовить для трапезы ломкие кости покойников и лохмотья их скудной одежды. Вино им заменила побуревшая кровь, оставшаяся в сосудах.

Все это происходило под некие странные звуки — не то скрежет камней, не то шипение гадов во тьме.

Сын Гарпии подозревал, что люди Вьяллара видели окружение совсем в другом свете. Переубеждать их было бесполезно — ведь все они попали под власть какой-то магии. Однако оставлять их здесь Тарн тоже не собирался. Вот он, конечно, и случай отомстить всем людям за былые унижения и обиды, но… С наемниками Родвара его связывало нечто странное, то, что обычно люди именуют дружбой.

— Отдых отменяется, — сказал Сын Гарпии. — Это мой приказ.

Ингурд беспечно взглянул на получеловека.

— Конечно, Тарн, дружище. Мы задерживаться не станем. Только дай-ка перекусим

вдоволь, да попьем доброго вина…

— Поднимайтесь немедленно!

Это прозвучало настолько неожиданно и резко, что околдованные бойцы вздрогнули. Однако чары держали северян крепко. Во взглядах тех, кто обернулся на повелительный голос Тарна. Сын Гарпии стал искажаться, превращаясь в настоящее чудовище — каким он и должен быть. А воображение варваров дорисовало все недостающие черты. На воинов смотрел жуткий монстр, который решил увести их из Вальхаллы в самую тьму Хель.

— Вы что оглохли? На ноги! Живо! Или вы уже разучились двигаться?!

Северяне побросали гнилые кости и гневно схватились за свои клинки. В голову получеловеку пришла мысль, которую он собирался немедленно осуществить.

Сын Гарпии вдруг подлетел к Ингурду и сунул ему за пазуху «большую краюху хлеба».

— Поедим потом, друг, хорошо?

Остолбенелый ванир бестолково кивнул. Тарн смахнул с обломков столов все предметы трапезы.

— Ну, недоноски, кто теперь поймает меня?

Взбешенные варвары бросились на Сына Гарпии, однако, тот извернулся и черной стрелой метнулся в проход. Воины Родвара кинулись в погоню, беспорядочно налетая друг на друга и переворачивая столы.

Догнать мерзавца! Схватить мерзавца! Разорвать на части мерзавца!!!

Они выбежали в темный коридор. Тарн не собирался далеко убегать. Он отшвырнул от себя одного из людей Вьяллара, поднырнул под другого и перевернул его через себя. Третий взмахнул клинком и едва не распорол Тарну плечо. Однако Сын Гарпии проявил чудеса ловкости, сумев остаться в стороне от общей суматохи и, наверное, только поэтому не погиб. Он пнул варвара ногой в грудь, и наемник тяжко врезался в стену.

Потом на Тарна набросился Великан. Сын Гарпии перехватил его руку с ножом, но вот в силе Торраду он явно проигрывал. Нечеловек прогнулся под весом асира, уступил пару шагов… и получил сокрушительный удар в правую скулу.

Тарн вздохнул, но не упал. Вместо того чтобы потерять сознание от сильного удара, он сделал еще один шаг назад. Затем занес ногу и изо всех сил ударил Торрада под коленную чашечку. У асира разъехались ноги, он упал на колени, а Сын Гарпии, не теряя времени, добавил ему каблуком сапога прямо в пах. Тогда Великан тихо заверещал.

Вырвавшись из захвата поспешившего на помощь Торраду бойца, Тарн прыгнул — высоко, под самый потолок. Уже в следующее мгновение он оказался в двадцати шагах от группы разъяренных наемников.

— Стойте! Все, хватит! — прокричал Сын Гарпии и к своему удивлению обнаружил, что ярость северян начала спадать — словно кто-то вылил на них бочонок воды. Или, быть может, оказавшись вне пределов зала иллюзий, они вновь обрели здравый рассудок.

— Ингурд, ты не выронил хлеб? — спросил он Снежного.

— Нет, хлеб у меня за пазухой, — с удивлением произнес ванир.

— Тогда доставай, самое время поесть, — ухмыльнулся получеловек из-под своей маски.

Ингурд, все еще не понимая, куда клонит Тарн, потянулся за краюхой хлеба и достал из-за пазухи… голый череп, который уставился на него пустыми глазницами. От неожиданности ванир вскрикнул и выронил находку. Все наемники заворожено уставились на белую кость. Тот, кто успел набрать вино, понюхал его из фляги и содрогнулся от

отвращения.

Внезапно резкий звук разорвал тишину, да такой неожиданный, что варвары невольно вздрогнули.

Это всего лишь смеялся Тарн.

III

Миррейа молча взирала на прозрачную гробницу и ей все больше становилось не по себе.

Вьяллар тем временем подошел к саркофагу и уже начал подумывать о том, как бы сдвинуть крышку. Юную волшебницу сковал безмолвный ужас — ей казалось, что все окружение стонет, памятую о прошедших событиях и предвещая скорую гибель чужакам, вторгшимся в Хифлинг.

Взгляд чародейки пронзил толстые стены — она вдруг увидела Тарна и его команду. Ваниры восседал за столами, где справляли последний праздник ванахеймские маги, перед тем как мрачная Хель раздавила их тела и исторгла из них мятежные души.

… Хьял собирался произнести речь, но вот звонко пропевшая стрела вонзилась ему в самое горло, и маг подавился собственным мучительным хрипом. Горав метнулся на помощь учителю. Внезапно что-то развернуло юношу и потащило его вверх. Ученик чародея испустил пронзительный вопль, мерзкая призрачная тварь тут же выпустила его из своей хватки.

Слуги Акала!

Горав ошибся. Слугами Аккала некогда звались люди, их братья-маги, с которыми у них разошлись пути. Те же, кто вторгся в трапезный зал, давно расстались с жизнью, отдав свою сущность хозяйке Хель.

Темная госпожа отныне лично возглавляла свое воинство. Противостоявшие ей воины с воем падали в туман, расстилающийся по полу пещеры живым ковром.

Мрак, точно голодное угольно-черное море, затапливал зал, смывая своими волнами всех колдунов клана пса.

Горав закричал — чернильное облако обволокло его тело и принялось впитывать в себя сок жизни из самых вен. Последнее, что увидел молодой ученик Хьяла, был силуэт черной как ночь хозяйки подземных глубин, кравшийся в их обитель.

Миррейа бездумно перевела взгляд на усыпальницу Вестри…

— Глупый альв, дерзкий альв… — плыл в душной тьме холодный шепот.

Кузнец пятился до тех пор, пока не уперся спиной в стену. Вестри знал, что сможет пройти сквозь нее, убежать из ловушки — как не смог бы ни один смертный. Но он также знал и о тщетности этой последней идеи, которая, казалось бы, давала надежду на спасение, обманчиво отодвигая гибель на новый отрезок времени. Хель найдет его в любом месте. Нет, нужно просто признать проигрыш. Бежать перед врагом, который все равно тебя настигнет непозволительно. И Вестри обернулся, встав лицом к надвигающемуся мраку.

— Как посмел ты, жалкий, помогать этим людишкам? Из-за тебя они отвергли мой дар!

— Сомневаюсь, госпожа. Маги сами сделали свой выбор. И они отвернулись от твоего мрака! А если мне и случилось им чем-то в этом помочь, я буду вечно этому рад.

— Ты будешь вечно рад, — согласился сумрак, приближаясь к альву.

Хрустальные брызги сорвались со стен и упали на плечи Вестри, придавив его к полу. Хлопнула тяжелая крышка — и веки хранителя покоя устало сомкнулись…

— Нет, Вьяллар, постой… — произнесла чародейка, но было уже поздно.

Сын Родвара сдвинул тяжелую крышку саркофага. Тотчас огненные светлячки устремились к недвижному телу альва, проникли в призрачную плоть — и Вестри пошевелился.

— Время пробуждения, добрый альв, — сказал Вьяллар. — Тебя заждались твои братья на поверхности.

— Как долго я спал… — произнес дух, оглядывая собственную гробницу. — Кто вы и почему…?

Воспоминания вернулись к кузнецу одной яркой вспышкой. Альв рывком высвободился из плена.

— Зря вы сюда пришли. Здесь вас ждет гибель. Вам не следовало трогать саркофаг.

— Опасность! — пронзительно вскрикнула Миррейа, — я чувствую, как что-то стало медленно спускаться в нишу.

Шемиты подтянулись ближе к Вьяллару и волшебнице, выхватив из-за пояса длинные стилеты, они встали полукругом, повернувшись лицом к выходу.

— Проклятье Хель… — зло прошипел Вестри.

Тьма ворвалась в усыпальницу душными волнами, погрузив тесное помещение в непроглядный мрак на три локтя от пола. Воины оказались по колено в море плещущейся черноты.

— Не двигайтесь, — прошептал альв. — Возможно, мы обманем тьму. Лучше будет, если вы вообще перестанете дышать.

Из мглы вынырнул сгусток чего-то влажного и уволок в пучину одного из воинов. Раздался чавкающий шлепок, после чего из мрака вылетели только белые кости пойманного бойца. Миррейа замерла — вовсе не по совету Вестри, просто девушку сковал ужас. Ее рассудок отказывался понимать происходящее. Мрак медленно сожрал еще пять наемников из числа северных варваров, потом полакомился шемитом. Волны всколыхнулись, выбросив очередную порцию обглоданных костей, после чего стали тяжко оседать. Тьма впиталась в пол, оставив после себя только черные лужи, точно где-то в каменной поверхности открылась дыра, куда утекло чернильное море.

— Мрак насытился, — сказал Вестри-кузнец. — Однако это ненадолго, теперь он будет преследовать вас по всему Хифлингу, пока не пожрет всех до единого. Сейчас же слуги Хель удалились на покой. К выходу! Быстрее!

Шемиты, точно стая воронов, устремились к подъему из склепа. За ними рванулись уцелевшие варвары, после них Вестри и Вьяллар. Сын Родвара сгреб в охапку остолбеневшую Миррейу и на руках потащил ее к выходу.

Они, не останавливаясь, бежали по коридору не меньше пары квадрансов, постоянно оглядываясь назад — не гонится ли за ними мрачное чудовище из глубин Хель. Когда же страшное место осталось далеко позади, группа остановилась на отдых.

Вьяллар, наконец, поставил на ноги волшебницу, которую все это время не выпускал из рук.

— Миррейа, очнись! Все позади. Мы спаслись.

Киммериец с силой встряхнул девушку за плечи. Та посмотрела на него встревоженным

взглядом, потом с разочарованием оглядела стены пещеры, словно не веря, что все происходящее вовсе не сон, от которого следует как можно скорее пробудиться, и… разрыдалась, упав на плечо сыну Родвара.

… Гретта и Конан заслышали шаги почти одновременно. Они тут же приготовились встретить надвигающего противника, как полагается — сталью клинков. Отряд засел в тени, ожидая приближения таинственных существ, разгуливающих по ходам Хифлинга.

Однако это были вовсе не скелеты, не мертвые маги и не чудовища темного мира, выбравшиеся наружу, чтобы утолить голод.

— Тарланд, разрази тебя гром! — воскликнул Конан так, что маг едва не подпрыгнул. — Ты чего это подкрадываешься в темноте?

Бойцы вышли из укрытия, воочию желая убедиться, что те, с кем их вновь свела судьба, настоящие живые люди.

— Вы нашли цепь? — спросила Гретта аквилонского мага.

Тот лишь покачал головой.

— Пришлось повернуть назад, — объяснил Карракх. — Думаю, у мудрейшего Тарланда нашлись веские причины.

— Цепь Рокка была в другом зале, — сказал чародей. — Там же, куда мы шли покоилось Дыхание Сумрака.

— Вам повезло, что вы не полезли дальше, — сказал Конан. — Хоть у кого-то нашлось достаточно ума, чтобы ничего здесь не трогать. А вот что же насчет остальных, мне до сих пор интересно.

Снова послышались шаги. Только эти другие — торопливые, словно кто-то резво удирал от опасности.

Гретта вопросительно взглянула на варвара.

— Либо мы сейчас это выясним, либо… Во всяком случае, посмотрим, кто там вздумал бегать по коридорам.

Они уже не скрывались. Подыскать хорошее укрытие для группы, увеличившейся вдвое, не оставалось времени. К счастью, это был всего лишь Тарн со своей командой.

— Какая встреча, — усмехнулся Сын Гарпии.

Лидер наемников окинула взглядом бойцов.

— Все собрались, — подытожила Гретта. — Остались только Вьяллар и его люди. Они-то, скорее всего, и разбудили лихо. Найдем их все вместе. Думаю, разбредаться нам больше не стоит.

После довольно длительных поисков они воссоединились с отрядом Вьяллара. Счастье, что мрак из ловушки Хель не успел найти их раньше. К удивлению наемников, волшебницу и сына вождя сопровождал пропавший брат Наккара, кузнец Вестри. В группе командующего войска не хватало семерых, и поэтому Конан и остальные рассудили, что Гретта не ошиблась в своих предположениях. По лицам переживших беду, было видно, что столкнулись они с чем-то поистине пугающим и смертельно опасным.

— Надо поскорее покинуть Хифлинг, — сказал альв. — Рано или поздно мрак, разбуженный вами, вернется снова.

— Мы не можем уйти без Цепи Рокка, — в ответ на это сказал сын вождя. — Без этого нам нельзя возвращаться на поверхность.

— Что ж, я знаю, где она, Вьяллар-освободитель, но путь к ней отрезан — в том огромном зале покоятся сотни, если не тысячи мертвецов, готовых встать и за несколько

мгновений покончить со всеми, кто позарится на святыню.

— Мы пробьемся.

— Невозможно. Даже если вы положите всех до одного, сражаясь целый день и всю ночь, хищный мрак доберется до вас, и тогда вы никогда не покинете зал.

— Что же делать, мудрый? Ты должен знать, как нам вытащить цепь из стылого нутра Хифлинга.

— Способ есть, — сказал Вестри после некоторых размышлений. — Нужно взять Дыхание Сумрака и воспользоваться им в борьбе против нечисти, стерегущей Цепь Рокка.

— Это безрассудство, — вставил Тарланд, который наблюдал в своем видении, как действует механизм, охраняющий оружие поклонников чудовищного пса. — Если ты, конечно, не отключишь свою убийственную штуковину.

— Никто не говорил, что это просто, — заметил альв. — Я создал вечный замок, заперший дар Хель. Я же знаю, как его отпереть. Если среди вас найдется достаточно смелый… Все может получиться.

— Тогда хватит терять время, — решил Вьяллар. — Возьмем дыхание, расчистим себе путь к Рокка и уберемся отсюда.

— Это дело, — тихо согласился Конан.

IV

Отряд дошел до коридора, который вел в зал, содержавший священное оружие поклонников Сумрака. Затем наемники отмерили чуть больше двух сотен шагов и остановились. Невдалеке виднелись пасти, исторгающие убийственный холод.

— Я составил замок из шуршания инея, хруста шагов и блеска льда, поймал зимний мороз, посадил на цепь и заставил убивать, — сказал альв. — Механизм основан на магии альвов, его контролирует мелкий дух стужи. Холод обучен отнимать жизнь у всех, кто бы ни приблизился к залу с дыханием Сумрака. Но есть одна маленькая хитрость, которая позволит обмануть убийственный механизм. Если измазаться глиной и дать ей затвердеть, дух стужи не распознает тепло под твердой коркой. Впрочем, он обучен убивать даже мертвецов. Я постараюсь внушить духу, что это всего лишь камень, который катится в зал.

— Довольно рискованно, — заключил Вьяллар, выслушав наставления Вестри.

— Более того, скажу, что без моей помощи вам не справиться. А говорю я это, потому что в обмен на свою помощь я хочу взять с вас обещание, что вы не воспользуетесь всем дыханием Сумрака, и унесете из зала лишь его малую часть. Вы должны понять; что в даре мрачной Хель сокрыта большая сила, и его не следует выносить на свет во избежание гибели тысяч и тысяч достойных людей.

Конану вспомнились двое вендийцев-жрецов, которые говорили нечто подобное о Клыках Асуры. Они отдали жизни, пытаясь исправить одну-единственную ошибку. Во имя их памяти он должен вынести оружие из пещеры. Киммериец выступил вперед.

— Я заберу дыхание Сумрака из зала!

Наемники посмотрели на варвара с уважением. Человек, победивший ётунов и их древнего родителя Боргельмира. Человек, спасший Гретту от секиры Видфинна и вынесший Топор Модгуд из призрачных чертогов Химинбьёрга. Человек, выживший в схватке с ужасным Стражем Нидхеггсона. Ему можно было доверить это дело без опаски.

— Хорошо. — Альв едва заметно кивнул.

Тем временем кто-то из наемников уже раздобыл глину для маскировки. Вестри подошел ближе к варвару.

— Войдешь в зал, увидишь светящийся красным шар. Это и есть Дыхание Сумрака. Протяни руку, коснись пальцами его поверхности, и сила оружия начнет переходить к тебе — об этом будут свидетельствовать появляющиеся на твоем предплечье руны. Достаточно одной. С полученной силой вы расчистите путь к Рокка.

— Понятно.

Конан начал готовиться к вторжению в зал, тщательно натирая тело, свежей глиной. Когда киммериец закончил, он дал глине засохнуть и соскоблил корку только в местах на сгибах суставов, чтобы новая маскировка не стесняла движений.

— Я готов.

— Замечательно, — альв-кузнец пожал плечами. — Можешь начинать.

Варвар зашагал в направлении зала, туда, где щерились в жутком оскале две пасти, исторгающие беспощадный холод.

Альв Вестри шел позади него в пяти шагах с распростертыми ладонями, как будто собирался поймать в них весь мороз.

Постепенно Конан начал ощущать действие хитроумного изобретения Вестри — среда

вокруг сделалась такой холодной, что каждый новый шаг, казалось, все дальше уводил в хладную внемировую мглу Имира. Глина стала промерзать, мороз плотно обволок засохшую корку. Киммериец догадывался, что механизм работал не так, как обычно — иначе бы он уже давно заледенел, точно сосулька.

Мороз закрался в глиняные щели…

Мороз пощекотал его кожу…

Мороз нырнул в его легкие…

Глина, расцвеченная прикосновениями холода, приобрела серебрящийся белый цвет. Должно быть, со стороны он сейчас похож на ледяного голема, учащегося делать первые шаги, подумалось Конану. Вестри не оставался без дела ни на мгновение. Альв усиленно колдовал, стремясь отвлечь на себя духа стужи. Жадные пасти, зияющие в стенах, наполнились облаками мерзлого пара. Холод вырвался из них наружу и устремился мимо Конана к ладоням кузнеца. Вестри сплющил волну в тонкий серп, но руками убийственного вещества при этом не коснулся — похоже, изобретение могло уничтожить даже своего творца, бесплотного духа, Варвар сделал еще несколько шагов и оказался у входа в зал, где тлело Дыхание Сумрака.

— Теперь поторопись, — напомнил Вестри. — Сделай все, как я сказал. Только учти — я не смогу удерживать холод в своих руках слишком долго.

Конан убрал с кожи замерзшую глину и вбежал в зал. Там, в точности, как и рассказывал альв, горел алым огнем шар, около десяти футов в диаметре. Киммериец протянул руку и дотронулся до огненной поверхности. По Дыханию Сумрака пробежала рябь из ярко-желтых искр. Зал озарило сияние, и наполнение алого шара начало медленно перетекать в тело киммерийца. Конан дождался, пока на его предплечье четко обозначилась светлая руна, полная золотистого света, потом отстранил руку от оружия поклонников Сумрака. Сияние угасло.

В те краткие мгновения он даже не почувствовал соблазн завладеть всей огромной силой целиком. Дар мрачной богини мог принести в мир на поверхности только разрушение и ничего более.

Такие таинственные предметы, как Клыки Асуры или же это дыхание чудовищного пса, вообще лучше было не трогать за исключением крайней необходимости.

Все, что им сейчас нужно — это использовать малую часть силы Сумрака на то, чтобы расчистить дорогу к Цепи Рокка.

Конан повернулся к выходу. Позади него волшебное оружие гулко вздрогнуло, точно не веря, что смертный способен отказаться от столь щедрого дара, потом все стихло. Быстрым бегом киммериец выбежал из зала, пробежав мимо Вестри, всеми силами пытающегося сохранить ему жизнь, и под бравые крики наемников Родвара вернулся к отряду с частью дыхания Сумрака внутри своего тела.

Альв подошел к варвару и с долей недоверия осмотрел его запястье. Всего одна руна.

— Я доверял тебе, воин, — сказал он, — и рад, что ты не подвел меня. Теперь я вижу, что твоя воля крепче любого алмаза. Прости за излишнюю осторожность. Но раз уж ты заслуживаешь доверия, могу тебе открыть секрет: даже с этой единственной руной ты можешь с легкостью, по одному лишь своему желанию, уничтожить небольшое войско. Воспользуйся силой благоразумно — тогда уже сегодня вы получите Цепь Рокка.

Конан не собирался возражать. Ему просто пришла в голову мысль использовать дыхание Сумрака в Гарраде, против войск черного колдуна. Впрочем, эту идею пришлось

сразу же отбросить — еще неизвестно как поведет себя родственная стихия близ мрака Хельгарда. Разумнее будет сделать все, как и советовал старый мастер альв.

Вестри указывал дорогу — войско приближалось к месту, где хранилась легендарная цепь, некогда сдерживавшая прожорливого волка.

Конан подумал, что, должно быть, в незапамятные времена все-таки победил Аккал, поскольку его поклонники явно пользовались большей благосклонностью Хель, нежели прислужники Сумрака. Да и то, что Авар разыскивал оковы волка, чтобы осуществить свой нечистый план, тоже говорило в пользу этого утверждения.

У всех бойцов по мере приближения к темному залу все больше пропадала склонность к общению. Воины Родвара делались мрачными, как грозовые тучи и угрюмыми, точно обветренные утесы.

Коридор вел вниз, и уже начал ясно ощущаться трупный смрад, царивший в сумраке самых глубоких подземелий.

Наконец, они вошли в зал, где их ждала Цепь Рокка. Увиденное глазами воинов напоминало нереальный лоскут, выпоротый из цельного одеяла кошмаров.

Горы трупов кругом…

Тела лежали высокими курганами всюду, насколько хватало глаз. Сотни мертвых тел. Тысячи мертвых тел — и не было им счета. Цепь Рокка виднелась далеко — в противоположном конце страшного зала пещеры, слабо поблескивающей над горами мертвецов.

Воины углубились в жуткие чертоги, тяжело и с опаской озираясь по сторонам.

Внезапно по курганам пробежала дрожь, и покойники, потревоженные волей своей хозяйки, испустили протяжный стон. Тогда до Конана дошло, что все обитатели зала — все эти бессчетные груды мертвых тел — все они живые!

— Киммериец, скорее используй Дыхание! — с тревогой произнес альв. — Если неупокоенные стражи двинутся, вас просто раздавит беспорядочная масса их тел.

Конан медлить не стал. Он пожелал, чтобы сила Хель поскорее покинула его тело и разделалась с мертвецами. С его правой ладони, устремленной навстречу толпам поднимающейся нежити, исторглось светлое сияние, похоже на дым, пропитанный светом.

Огонь охватил стонущих слуг мрачной богини. Великий пожар танцевал недолго — жадное пламя быстро источило их тела, оставив на полу пещеры лишь кучи черной золы. Кое-где еще извивались яркие бездымные язычки, догрызающие дергающиеся останки трупов.

Но сокровенная цепь все еще оставалась вне досягаемости. Ее охранял лишь один страж, не сгинувший в жарком пламени. Огромное неживое существо, мерзкое создание, составленное из десятков тел.

Результат жутких магических экспериментов поклонников Аккала, отчаянно пытавшихся придумать, как заполучить Дыхание Сумрака, перед тем как Хель спустилась в подземелье и лично покарала всех неугодных ей слуг. Сплошная масса рук, ног, о чем-то шепчущих голов и кусков тел надвигалась на наемников Родвара, готовясь сокрушить жалких противников.

На рваных лоскутах кожи мертвого чудовища, сшитых вместе веревками и магией, виднелись тускло поблескивающие руны — похоже, ванахеймские чародеи пытались создать защиту для своего монстра от убийственного механизма Вестри. Предназначение безобразного чудовища состояло в том, что оно должно было преодолеть опасное расстояние

коридора, ведущего в зал с Дыханием Сумрака, и вернуться назад к своим создателям с трофейным артефактом.

Однако вторжению Хель в подземную обитель было суждено оборвать планы колдунов, и теперь по жестокой прихоти судьбы монстр выстоял против высвобожденной Конаном разрушительной силы.

— Это еще что за проклятье богов, сожги его, Тагал? — с негодованием воскликнул Вьяллар. — Почему ты меня не предупредил, что здесь засела еще и эта отвратительная дрянь?!

Сын вождя обернулся к альву. Вестри лишь виновато пожал плечами — скорее всего, кузнец и сам ничего не знал об ужасном создании почитателей Аккала.

— Его не взяло дыхание Сумрака… — с тревогой заметил Каррах.

— Значит, его возьмет сталь меча! — грозно заявил Конан, обнажив клинок.

— Сильная магическая защита, — определил Тарланд.

Это было очевидно — чтобы пройти сквозь механизм, Вестри требовалось нечто большее, чем нехитрые чары колдуна-подмастерья.

— Защити нас Митра! — испуганно выдохнула чародейка, видя, как тяжело ступает монстр в направлении бойцов отряда.

Потом девушка с тревогой взглянула на Вьяллара, точно страшилась того, что удача отвернулась от сына Родвара с того момента, как он открыл саркофаг Вестри. Проклятье богини могло остаться на киммерийце.

Разумеется, у них еще было время убежать. Но к чему удаляться от цели, когда до Рокка остался всего один шаг? Неужели же все, чего они добились, все, что пережили и преодолели, окажется напрасным — тем, за что и вовсе не стоило бороться? Бежать по стылым ходам, где их вновь будет преследовать плотоядный мрак? Нет! От легендарной цепи их отделяет всего лишь гора мертвого мяса…

Северяне бросились на безобразное порождение темной магии даже без приказа своего командира. Такое уже случалось в Химинбьёрге. Ты знаешь, что впереди тебя, возможно, ждет не трофей, а прямая дорога в темницу душ, но идешь вперед, презрев опасность. Они победили Стража Нидхеггсона. Неужели это отродье окажется опаснее короля ужаса?

Воины атаковали гадкого слугу Аккала с разных сторон. Сразу же брызнула кровь и темная слизь — топоры и мечи наемников откусили большие куски разлагающейся плоти целым рядом железных клыков.

Кого-то тут же схватили многочисленные руки и потянули наверх, к головам, которые впивались в трепещущие тела гнилыми зубами. Истошные крики умирающих наполнили гулкое пространство, но это придало лишь новые силы тем, кто еще боролся и сопротивлялся.

Реган обрушил свой молот на исполинского мертвеца, и оружие вошло в рыхлую массу едва ли не по рукоять, с треском раздробив десяток ломких костей. Торрад с ревом взмахнул дубиной — и переломил тянущиеся к нему руки.

Конан присел на одно колено, потом взвился вверх с выставленным клинком, распоров мерзкое брюхо покойника так, что изнутри посыпались дурно пахнущие внутренности.

Тарн парой хищных прыжков и ударов когтей отделил от тела несколько пустых голов. Ингурд, лишившись оружия, стал разрывать плоть неживого охранника цепи голыми руками. Кисти покойников сомкнулись на предплечье Каррахха и поволокли Заклинателя драконов навстречу раззявленным ртам. Вьяллар, услышав отчаянный вопль колдуна, рванулся ему на

выручку и быстро перерубил все пленившие его конечности, тем самым вернув долг шаману за помощь в Химинбьёрге. Капитан войска высвободился из хватки и вновь с яростью набросился на чудовище.

Хьёрса и Хьюки, бешено махая секирами, разворотили левый бок огромного мертвеца. Вестри тоже не остался в стороне от битвы. Альв угостил мерзкое создание изрядной порцией магии, от которой гнилая кожа гиганта лопнула, обдав всех новой волной зловонной жидкости.

Наконец, победа стала медленно, но верно приближаться к людям Вьяллара. Северяне искромсали врага до такой степени, что монстр превратился в беспорядочную груду сжимающихся конечностей, которая принялась бесцельно шататься по залу, влача за собой горы кровавых ошметков. Каким бы ни было ужасным создание поклонников Аккала, оно проиграло бой воинам Родвара. Вьяллар, несмотря на нестерпимый жар схватки, не забыл про то, зачем они спустились в залы мертвецов.

— Цепь! — воскликнул командующий.

Не мешкая, Тарн подобрался к ней, подпрыгнув вверх, недалеко от своих товарищей и приземлившись сразу у высокого алтаря, держателя легендарной цепи. Новый прыжок назад и Сын Гарпии вернулся уже с оковами Аккала.

— Цепь у меня, — объявил Тарн. — Давайте поскорее выбираться из этого проклятого места.

— Будем надеяться, мрак Хель не настигнет нас в дороге, — почти неслышно прошептал Вьяллар. — Защити нас Кром!

Наемники бежали из стылого нутра Хифлинга так резво, словно за ними гнался сам трехрогий Азах на своей грохочущей колеснице, в окружении многочисленной свиты. Никто даже и не подумал о том, чтобы устроить привал, пока все они не выбрались на поверхность, встретившую измученных бойцов приветливым солнечным светом. Желание навсегда оставить пещеры Хифлинга постоянно подгоняло наемников вперед — никто из них не отстал от общего строя. Только пару раз Вьяллару пришлось снова закидывать на плечо Миррейю, да еще Конан с Хьёрсой, забыв о былой вражде, помогли выбившемуся из сил аквилонскому магу закончить путь. И Торрад Великан, которому Сын Гарпии чуть не сломал колено, бежал едва ли не впереди всех.

Наконец, они вырвались из плена холодного подземелья. Хифлинг испустил злобный рокот — голодный мрак, снова ворвавшийся в коридоры, не нашел новых жертв. Вьяллар расхохотался и плюнул в сторону темного входа в пещеры. Прощай, стылая обитель!

Славная Цепь Рокка, сдерживавшая прожорливого волка, оказалась в руках наемников Родвара и немедленно пополнила коллекцию трофеев сына Родвара.

Часть седьмая. Отплытие Нагльфара

I

Для себя Конан твердо решил, что альвам можно доверять больше, чем некоторым людям. Слово духов, хранителей покоя, было нерушимо. В первый раз они помогли им в Химинбьёрге, второй — после спуска в мрачный и холодный Хифлинг.

Да и что это была за помощь! Теперь в Гаррад они шли не с пустыми руками, и у них точно найдется, чем удивить Нидхеггсона. Наккар и Вестри трудились над чудесными механизмами целых три дня и три ночи, и их усилия не пропали даром. Воины Родвара заполучили в свое распоряжение три волшебные катапульты, способные обратить в пыль не только стены темного города — что там! — сам подземный дворец хозяйки мрака!

Помимо великих изобретений альвы порадовали наемников доброй вестью: против великого колдуна взбунтовалась сама природа. Земля, изрытая вдоль и поперек, полная огня и смрадного дыма, стала непригодна для обитания не только для людей, которых Авар старательно изживал из этих краев уже столько времени, но даже для древних существ, спавших в ее недрах. Каменные карлы, или же стоундварвы на наречии северян, разгневанные деятельностью Нидхеггсона, собрали войско и двинулись в поход на Гаррад. Таким образом, у Вьяллара и его людей нежданно-негаданно появился новый союзник. Сын Родвара предположил, что если ничто их не задержит в дороге, то отряд достигнет владений темного ярла как раз к тому времени, как начнется осада города, и северные воины помогут гномам совладать с противником.

Войско передвигалось быстро, и цитадель Авара приближалась. После Хифлинга наемники проделали четыре дня пути. Оставался еще один.

Один день — и отряд, наконец, придет к своей цели. Один день — и они заставят заплатить Нидхеггсона за все грехи. Один день — и войско Родвара достигнет мрачной обители колдуна, чтобы положить конец жизни мятежного мага, решившего утопить во тьме всю Хайборию.

У них было четыре священных предмета против тех двух, которыми обладал Авар. Они везли к стенам резиденции колдуна разрушительные волшебные катапульты, чудесный подарок альвов, и на их стороне были многочисленные стоундварвы. Разве могли они проиграть? Разве могли все планы и надежды рухнуть в одночасье?

Всего один день. Неужели же ванахеймский чернокнижник окажется настолько искусен, чтобы после всего за столь краткое время придумать какой-нибудь коварный трюк и вернуть себе стремительно ускользающую победу? Тем временем, сам Нидхеггсон не являл никаких признаков ответных действий — словно колдун знал о чем-то таком, что было недоступно воинам Родвара.

Войско наемников остановилось на ночную стоянку — вероятно, солдатам Вьяллара представился последний спокойный отдых. Дальше — мрак Хельгарда. Уже отсюда воины могли видеть темнеющие башни Гаррада, торчащие на горизонте, точно гнилые зубы.

Атали вновь распустила бусы, и сверкающий жемчуг звезд высыпал на темнеющее небо Ванахейма. В лагере весело потрескивали костры, напоминавшие о тепле и домашнем уюте, по морозному воздуху плыл вкусный запах готовящейся пищи. Стоянка наемников, словно последний оплот жизни, закрепилась в огромном пространстве мертвых пустошей. Где-то внизу, глубоко под землей, стонали духи Хельгарда, а тысячи беспокойных мертвецов неустанно возились во тьме, достраивая мрачный корабль, на котором Нидхеггсон готовился

пересечь кровавую реку Гьелль.

Строительство судна подходило к концу — борта Нагльфара, составленные из ногтей покойников, поблескивали в алой тьме мертвенным светом.

На нем колдун Авар должен был увезти с собой старый мир к пробуждающемуся Хёггсену, а назад вернуться с туманами перемен, подаренными Богопротивником, которые окутают Нордхейм, затем распространятся на Восход и Полдень, навеки погружая во мглу забвения привычный порядок вещей. Войска нежити выйдут на поверхность.

Богиня Хель, хозяйка Нижнего Мира, вновь заключит союз с братом, и огромные армии вооружатся для того, чтобы смешать краски мира в сплошное пятно чернильного мрака.

Но они должны успеть задержать темного мага. Ведь остался всего один день…

II

Вокруг было настолько тихо, что это постоянно привлекало внимание. Не слышался даже волчий вой. Тишину не нарушал хруст шагов бродящих в темноте хищников. Все окружение словно вымерло.

— Тихо как в могиле, — со злостью сплюнул в снег Ингурд, не поднимая головы. — Чтоб рогатый Азах потоптал этого Нидхеггсона своими копытами!

Ваниры, асиры и киммерийцы собрались вокруг одного большого костра. Здесь сидели Конан, Реган, Торрад, Ингурд, Хьёрса, мрачный Хьюки, старик Тьяцци и пара аквилонских магов.

Не хватало Карракха и Тарна — их Гретта поставила в ночной дозор. Варвары пили вино из кувшина, передавая сосуд по кругу. В словах нужды не было, все и так прекрасно понимали, что эта ночь может стать для многих последней. Воины не спешили предаться сну — во владениях Авара сновидения имели до невозможности скверный характер.

Они с удовольствием выспятся после, когда все будет кончено. Сигнал тревоги не застал врасплох бодрствующих варваров.

— Нападение! — прокричал Тарн, заметивший неприятеля, который спускался на лагерь наемников с темного неба.

— Враги атакуют! — подал голос Заклинатель Драконов с другой стороны.

Сверкнули обнаженные мечи, дружно испустив стальной клич — их хозяева, казалось, даже были рады схватиться с врагом вместо праздного сидения в полной тишине. Весь отряд Родвара оказался на ногах за считанные мгновения.

Авар натравил на людей Вьяллара гнусное отродье, выведенное путем чудовищных магических экспериментов.

Это были не люди и не демоны — существа, преобразованные волшебством и наделенные необыкновенные свойствами. Возможно, когда-то они служили колдуну живыми, но Нидхеггсон сделал из них настоящих отвратительных чудовищ. Не иначе, как сама Хель нашептала ему эту нечистую идею.

Наемников атаковали крылатые монстры с головами животных и телом человека. В руках уродливые слуги мага держали ржавые косы, молоты и цепы, которыми, впрочем, они орудовали, не так хорошо, как северяне. Однако нелюдей было много — никак не меньше числа бойцов Вьяллара. Схватка запылала подобно гигантскому пожару. Повсюду в лагере слышались рев и крики — это варвары излили на врагов свою ярость. Если мерзкие существа рассчитывали тихо вырезать спящих людей, то их затея провалилась. Слуги Нидхеггсона нарвались на разворошенный улей. Клинки затанцевали с такой безумной скоростью в руках северных воинов, что сразу стало ясно — смельчаки не уступят чудовищам в этой схватке, а если кто и погибнет, то прежде прихватит с собой десяток-другой противников. Конан вертелся, подобно вихрю, кромсая тела монстров — летели в стороны отсеченные руки с оружием, разваливались распластанные тела, в воздух взвивались тучи перьев из порубленных крыльев. Такую же безудержную ярость киммериец ощущал в Глотке Великана, когда крошил снежные тела Любимцев Бурь. Только теперь вблизи владений чародея его гнев усилился втрое, и варвар превратился в одно цельное оружие, которое можно было остановить от убийств, только отправив в чертоги Крома. Бившиеся с ним плечом к плечу наемники старались не отставать от Конана. Торрад сворачивал шеи человекоподобным

чудовищам голыми руками. Хьюки мстил за смерть своих людей, злорадно улыбаясь всякий раз, когда его клинок находил плоть противника. Ингурд и Реган оттеснили группу козлоголовых уродов от старика Тьяцци и аквилонских чародеев, оставив на земле семь распростертых тел врагов. Хьёрса в эту ночь снял столько голов с плеч неприятелей, сколько не сумел бы и за полгода непрерывных битв и, пожалуй, сравнялся в числе убитых противников даже с Конаном.

Жаркая схватка рвала в клочья мертвенный покой снежной равнины.

С неба на лагерь опускались новые слуги Авара, однако, теперь они бились как-то вяло и неуверенно, словно ждали чего-то. Убив очередного врага — по счету этот был тридцать шестым — киммериец остановился. Нелюди отступали перед его взглядом, не решаясь атаковать варвара. И все же они не отступали, как это было принято в случае проигрыша.

Казалось, теперь они поменялись ролями — нападал Конан, монстры защищались. Что-то здесь было не так.

Киммериец взмахнул мечом и срубил еще одного прислужника Нидхеггсона. Остальные шарахнулись в стороны от его страшного меча. Но они не улетали!

Тяжело дыша, варвар огляделся. Авар хитер. Вздумай он уничтожить весь отряд целиком, маг не стал бы высылать на бой столь ничтожные силы. Возможно, нападение крылатых существ являлось лишь отвлекающим маневром, предназначенным прикрыть исполнение другого, более важного плана.

Гаррад… Клыки Асуры… Черный Венец… Лагерь… Слезы Крома… Топор Модгуд… Цепь Рокка… Алый Стилет… Мысли киммерийца неслись быстрее самого свирепого урагана.

Догадку принес ветер мучительно быстрого раздумья. Конечно же! Нидхеггсон жаждет заполучить недостающие артефакты!

Это значит, что Вьяллар в опасности. Надо было раньше догадаться, осел! Ведь и Миррейа и Тарланд предупреждали, что в отряде есть предатели, как же можно было об этом забыть!

Конан поспешил к ставке командующего войска, заранее зная, кого увидит в компании сына Родвара. Лишь бы застать его живым… Лишь бы не было слишком поздно…

Проклятые шемиты несли Алый Стилет в Гаррад совсем с иной целью!..

… Ассасин резко выбросил вперед руку с кинжалом, метя Вьяллару в горло, но киммериец увернулся, и стальное лезвие оставило красную полосу на его левой щеке.

Подкрасться сзади к варвару и перерезать ему горло у них не получилось — сын Родвара распознал даже тихие шаги. Им пришлось ввязаться в схватку. К несчастью, большого меча у киммерийца не оказалось под рукой. Вьяллар отбивался от семерых темнокожих убийц таким же длинным кинжалом, отнятым у одного из помощников Икнета.

Северянину удалось уложить одного из восьми ночных гостей, но остальные семеро постепенно одолевали его, пользуясь преимуществом в числе. Тело Вьяллара уже покрывали многочисленные порезы. Кровь ручьями стекала по плечам и груди киммерийца. Но сын Родвара не сдавался. Пусть темнокожих душегубов будет хоть тысяча!

— Гнилое отродье! Дети одноглазой козы, вывалившиеся из ее обвислого вымени! Воспитанники шлюхи! — варвар осыпал ругательствами наседающих шемитов, отвечая проклятьем на каждый выпад убийц. — Чтоб вас всех вывернуло наизнанку! Чтоб после смерти скользкие гады вечно грызли ваши детородные органы, бесчестные ублюдки!

Кинжал одного из слуг Шайтана блеснул совсем близко от переносицы воина. Еще бы на

дюйм ближе — и кровь забрызгала бы все пологи ставки. Вьяллар лишь оскалил зубы:

— Ну же, мразь! Что же ты боишься подойти поближе? Или ты можешь убивать только в темноте, под покровом ночи, как подлейший из трусов?

Шемиты не отвечали и лишь молча сужали кольцо вокруг Вьяллара, неумолимо как посланники смерти.

Стилет кого-то из ассасинов чиркнул по его спине, распоров кожу. Сын Родвара быстро развернулся, не дав продолжить атаку остальным, потом метнулся в противоположном направлении, отогнав слишком смелых хлестким, размашистым ударом.

В ставку вошли три хранителей клана — Икнет, Бушан и Самоон. Схватка на какое-то время замерла.

— Хватит возиться! — приказал главный ассасин. — У звероголовых уже кончаются силы, еще несколько минут, и нас обнаружат.

— Но этот варвар дерется, словно сам Шайтан!

— Глупости. Смертный не может быть равен богу, и он ничем не лучше вас, ничтожных. — Икнет взглянул в лицо воину. — Время дорого. Самоон, займись киммерийцем!

Глава клана и его второй помощник прошли к сундуку, где сын Родвара хранил ценные трофеи, которые они добыли ценой многих жизней. Вьяллар запоздало пожалел, что не запер сундук на замок.

Но разве мог он предвидеть такое? Разве мог предположить, что настоящая угроза явится не со стороны мрачного Гаррада, а появится в самом лагере, точно гнойный нарыв на теле? За беспечность иногда приходится платить слишком дорого, знал командующий войска.

Сын вождя, было, дернулся, чтобы остановить Икнета и Бушана, но восемь острых кинжалов, нацеленных ему в грудь красноречиво предупредили его о тщетности опрометчивых действий.

Глава ассасинов забрал из сундука топор, три голубых кристалла и причудливую цепь. Перехватив взгляд Вьяллара, он сказал:

— Жаль, что приходится убивать тебя, могучий. Ты — великий воин. Но иначе бы ты не позволил нам унести священные предметы.

Сын Родвара знал, что бесполезной бранью дела здесь не исправишь.

— Ты говоришь так, словно я скоро умру, убийца. А я еще переживу тебя и верну то, что ты украл у меня, подлец!

— Сомневаюсь, вождь. Видишь эти кинжалы моих людей? Взгляни на них получше — это твоя смерть.

Вьяллар сжал зубы.

— Если у тебя есть хоть какое-то представление о чести, выходи на поединок!

— Хорошая попытка. Но, к сожалению, я должен отказаться. Время беспощадно ускользает от нас. Вскоре твои наемники разберутся в происходящем и… Самоон! Действуй.

— Своим предательством ты не сыщешь себе славу, — напоследок сказал Вьяллар.

Икнет промолчал. Двое главных ассасинов вышли из ставки командующего отряда.

— Разорви меня Кром, — прорычал воин. — Они провели меня как щенка с костью! Что ж, предатели, давайте покончим с этим…

Схватка возобновилась. Шемиты атаковали со всех сторон. Вьяллар метался из стороны в сторону, словно загнанный в угол зверь, уворачиваясь от холодных лезвий и нанося свои

удары.

Самоон не спешил вступать в бой. Один из трех главных убийц стоял чуть поодаль, сложив на груди руки и внимательно наблюдая за происходящим.

Вьяллар догадывался, что задумал верховный ассасин — дождаться пока противник истратит в схватке последние силы, истечет кровью и покажет все слабые места в своей защите. После этого можно будет довершить дело одним точным ударом. Но проклятый еще не знает его, Вьяллара Аломарского!

Стилет жадно клюнул сына Родвара в правый бицепс, и кровь брызнула из-под стального клинка. Однако и сам обидчик не ушел от возмездия — кинжал киммерийца пробил его предплечье, так что темнокожий почитатель Шайтана громко завопил. Вьяллар развернул шемита и бросил его на сообщников, чтобы защититься от мгновенной контратаки. Разгневанные неудачей, ассасины едва не прирезали своего. Вновь натянулась и лопнула рассеченная кожа — на этот раз где-то на ноге, в области бедра.

Сын киммерийского вождя прыгнул вперед, не обращая внимание на боль, и нанес глубокий порез на лице одному из атаковавших, разрезав ткань черной маски и темную кожу убийцы. Спустя мгновение на Вьяллара напал Самоон, и атаковал он так резко, что никто этого не ожидал, даже из числа своих. Словно черный коршун налетел ассасин на варвара — стилет скользнул по груди киммерийца, оставлял за собой алую дорожку. Однако шемит тут же отлетел, отброшенный сильным ударом кулака северянина. Уже приходя в себя Самоон, обнаружил, что не только он достал своего противника кинжалом, но и рослый воин оставил неплохую отметину на его груди, чуть выше сердца.

Не помня себя от ярости, помощник Икнета атаковал во второй раз. Его левая рука сжала плечо киммерийца, в то время как правой он нанес вспарывающий удар под ребра воина. И тот достиг своей цели — стилет погрузился в податливую плоть. Радовался Самоон лишь один краткий миг — хоть и запоздало, но все же лезвие сына Родвара отыскало его горло. Вместо победного крика из глотки шемита вырвался булькающий хрип. Убийца, вытаращив глаза, рухнул наземь.

Вьяллар покачнулся. Упади он в то мгновение, и его бы настигла смерть от семи клинков, одновременно вонзившихся в его обессиленное тело. Но северянин устоял. Видно, сам Кром защищал его в тот момент.

Видя гибель своего лидера, ассасины на какое-то время растерялись. Этого оказалось достаточно, чтобы сын вождя канахов дождался поддержки.

Конан ворвался в ставку, точно голодный волк в курятник. В одной руке киммериец держал окровавленный меч, в другой — пылающий факел. Испуганные неожиданным появлением нового противника, убийцы растерялись. Хоть варвар и был один, страху он произвел не меньше, чем целое войско.

Голова одного из предателей покатилась по полу, отхваченная гигантским мечом. Конан ткнул факелом второго шемита, оказавшегося к нему ближе всех, и тот вспыхнул точно головня. Охваченный пламенем, ассасин казался каким-то чудовищным демоном, только что сбежавшим из жарких печей Тагала.

Снаружи послышались крики — это на выручку Вьяллару спешили другие бойцы. Темнокожие, забыв обо всем, бросились спасать свои жизни. Но прежде чем они выбрались из ставки, Конан проткнул мечом еще одного врага.

Варвар не стал их преследовать — они получили по заслугам, главное сейчас — жизнь Вьяллара. А рана у киммерийца была скверная. Стилет Самоона погрузился в плоть на целых

полтора дюйма.

Сын Родвара, уже не в силах стоять на ногах, опустился на одно колено. Однако своего земляка, опустившего, чтобы помочь ему, он отстранил.

— Я в порядке… Ты должен найти Бушана и Икнета — у них артефакты. Поторопись, Конан, они не могли уйти далеко.

Варвар дождался, пока в ставку вбегут другие воины, поспешившие к месту по его зову, после чего перепоручил заботу о командующем войска Каррахку, а сам бросился исполнять волю сына Родвара.

… Хранители клана, как и предположил Вьяллар, не успели скрыться от погони. Конан настиг шемитов недалеко от лагеря. С киммерийцем были Олав и Гретта, которые оставили поле боя, чтобы помочь варвару вернуть украденные ассасинами артефакты.

— Замри! — приказал Конан верховному убийце.

Икнет остановился… и метнул в Конана нож. Северянин убрал голову на четверть дюйма влево — как раз настолько, чтобы острое лезвие не располосовало его щеку.

Потом варвар, словно огромная пантера прыгнул вперед и ударил шемита мечом. Убийце сказочно повезло — клинок киммерийца соскользнул, и Конан поразил только кисть противника.

Верховный ассасин вскрикнул и отступил, выпустив из рук мешок, в который он сложил трофеи Вьяллара. Бушан набросился на северянина с голыми руками. Помощник Икнета повалил Конана наземь, и меч выпал из рук воина. Однако варвар тут же скинул с себя легкого южанина, и Бушан отлетел в снег, в то время как киммериец спокойно поднял свой клинок.

Сабля Гретты вспорола воздух в доле дюйма от головы шемита, и ассасин поспешил отступить, отползши от наемников едва ли не на четвереньках.

Мешок с трофеями поднял Олав.

Сердце Конана замерло. Что-то уж очень не спешил асир возвращаться в лагерь с отнятой добычей. Шемиты на него тоже не нападали. В мгновение киммериец осознал новую горькую правду — Олав был с ними заодно!

Гретта тоже это почувствовала.

— Что это ты собрался делать с артефактами, пес?! — гневно спросила лидер наемников своего бывшего напарника.

— Отнести их хозяину, конечно же, — усмехнулся асир.

— Лживая мразь! Так ты заодно с Нидхеггсоном!

— Какое поразительное открытие, — вновь хмыкнул тот. — Надо было раньше догадаться. Я начал исполнение плана мастера еще с самого Аломара, убедив всех, что мы непременно должны собрать волшебные предметы. Действительно, зачем Авару выходить за пределы своей цитадели, когда его задумку может осуществить банда наивных идиотов? Неужели вы думали, что он позволит вам дойти до самого Гаррада и лично бросить ему вызов? Как видите, великий колдун все отлично просчитал.

Теперь для Конана все встало на свои места.

Киммериец еще в Зале Факелов разговаривал об этом с Греттой — о степени доверия к ее напарнику. Вот, оказывается, чем объяснялось стремление Олава собрать недостающие в коллекции Авара предметы и как можно скорее попасть во владения ванахеймского мага, а также его нежелание нанимать большое войско наемников, способное не только достать три предмета из опасных мест, куда бы не сунулся Нидхеггсон, но и в конце пути разбить

противостоящую ему армию чародея. И ведь подумать только — сам Олав ни разу не участвовал в сражениях за ценности!

Он ничем не проявил себя в битве с ётунами, оставался за пределами призрачных покоев Химинбьёрга и не спускался в стылые пещеры Хифлинга. Зато Олав прекрасно выполнил задание колдуна — он проследил, чтобы воины достали все нужные предметы и благополучно донесли их до самого Гаррада, прямо в руки Авару.

Предателем, на которого указывали Миррейа и Тарланд, были вовсе не мрачные шемиты, которые уже давно принесли магу клятву верности, а асир Олав.

— Да, колдун все прекрасно рассчитал, — согласился Конан. — Но в одном Авар ошибся — тебе никогда не донести трофеи Вьяллара до стен темного города!

Сказав это, киммериец стал приближаться к асиру с занесенным мечом. То же самое сделала и Гретта. Внезапно оба воина остановились. С неба к Олаву спустились крылатые монстры, держащие в руках аквилонских волшебников.

— Дорого ли ты ценишь их жизни, киммериец? — спросил асир Конана.

— Мерзавец! Ты ответишь и за этот гнусный трюк!

— Не горячись, я просто задал вопрос.

— Да, я ценю их жизни многим больше, чем твою, недоносок.

— Тогда я покупаю твое обещание их жизнями. Нидхеггсон приказал мне доставить магикосенсов в темный город, однако я предлагаю другое решение. Поклянись, что ни ты, ни кто-либо из людей Вьяллара не станет преследовать меня до самых стен Гаррада, — и тогда я отпущу чародеев.

— Можно ли верить твоему слову, шакал?

Олав сделал знак рукой одному из слуг Нидхеггсона, и тот выпустил из хватки Тарланда.

— Твое решение! — потребовал асир.

— Клянусь глазами Крома, — сказал киммериец, — что никто не задержит тебя, пока ты не достигнешь проклятой обители чернокнижника. Но, знай, как только мы сломаем ворота в Гаррад, ничто не спасет тебя от моей мести! Олав приказал отпустить Миррейу. Потом обернулся к варвару.

— Уходите отсюда. Если завтра вы пойдете на штурм города, то неизбежно погибнете. Как только Авар получит предметы, вы ему станете не нужны. Он прикажет своим многочисленным слугам стереть вас в порошок, и выстоять против мощи всего Гаррада у вас не будет ни малейшего шанса.

— Спасибо за совет, — сплюнул Конан. — А теперь катись отсюда, ублюдок, пока я не передумал и не пощекотал твое брюхо своим мечом.

Крылатые существа подхватили асира и двух шемитов, резво взмыли в небо, и бесследно исчезли в чернеющей вышине. Гретта и Конан остались вчетвером с аквилонскими магами.

— Не нужно было его отпускать, — мрачно произнесла лидер наемников. — Он бы все равно оставил здесь Миррейу и Тарланда — ведь крылатых чудовищ было всего трое. А так… как теперь вернуть Слезы Крома, Топор Модгуд и Цепь Рокка?

— Кром подскажет, — проворчал варвар, настроение которого сделалось пасмурнее самой черной тучи. — Возвращаемся в лагерь…

… В ставку Вьяллара Конан вошел с низко опущенной головой. Миррейа, увидев страшную рану сына Родвара, сразу же бросилась к его телу, покоившемуся на подстилке.

— Ты весь в крови! — с ужасом воскликнула девушка. — Как же такое случилось? Какой безумец допустил это? Нужно заживить рану, иначе ты умрешь.

— Я и так умру.

— Не говори так, Вьяллар. Тарланд, помоги!

Вдвоем аквилонцы принялись колдовать над телом смертельно раненого бойца.

— Ты обязательно поправишься, — сказала юная чародейка сыну вождя, и Конану даже показалась, что в ее голосе промелькнула настоящая нежность.

Командующий войска едва заметно улыбнулся.

— Конан… кристаллы? Топор, Цепь..?

— Я не сумел вернуть их, Вьяллар, — ответил Конан, не поднимая глаз.

— Олав предал, — заступилась за него Гретта. — Мы задержали шемитов, но это мерзкое отродье забрало все артефакты в Гаррад.

Вьяллар ничего не сказал и лишь тяжело откинулся на подстилку. Варвар, а вслед за ним и Гретта, вышли из ставки лидера наемников. Киммериец был готов лопнуть от злости. Несколько раз он в ярости сжал кулаки — но разве это поможет ему вернуть назад трофеи, украденные подлым асиром?

Все потеряно… Победа, казавшаяся еще несколько часов такой близкой, все-таки ускользнула.

— Вот он наш герой! — послышались крики северян, спешивших навстречу киммерийцу. — Вот он Конан, в одиночку уложивший добрых полвойска Хельгардской нечисти!

К варвару подбежали Ингурд, Хьёрса и Реган.

— Эй, дружище, ты чего такой кислый? — спросил его Снежный, заметив на лице воина печать безысходности. — Идем? отпразднуем славную победу, тебя все ждут.

— Победа ускользнула от нас, Ингурд, — сурово заявил киммериец.

Ванир нахмурился и потребовал объяснений. Пришлось Конану подробно рассказать обо всем.

— Дело скверное, но поправимое, — согласился Реган, выслушав варвара. — Перестань отчаиваться, киммериец.

— Уже завтра утром или даже раньше собранные ценой большой крови трофеи окажутся у колдуна, — сказал варвар. — Нам не догнать Олава, если только, конечно, не случится чудо, и у нас не вырастут за ночь крылья.

— Зачем же свои крылья, когда есть чужие? — лукаво усмехнулся Хьёрса.

— Да, идем, взглянешь на наших пленников, — подхватил Ледяной Молот.

III

Конечно же, варвары нашли способ убедить прислужников Авара перенести их через стены темного города. Посмей они отказаться, и северяне подвергли бы их жесточайшим пыткам до тех пор, пока бы уродливые недочеловеки не испустили последний вопль — ярость жителей Киммерии и Нордхейма была страшна. Поскольку крылатых монстров, согласившихся выкупить свои жизни услугой, оказалось всего трое, то в логово чернокнижника должны были отправиться только трое наемников Родвара. Лететь в Гаррад на спинах существ готовились Конан, Гретта и Хьерса. Именно на них лежала ответственность за то, чтобы отбить у колдуна утраченные артефакты и не позволить Нидхеггсону пробудить Хёггсена. Раненый Вьяллар отошел от дел — о нем постоянно заботились аквилонские чародеи и старик Тьяцци, боровшиеся за жизнь сына Родвара и уже получившие надежду на победу. Должность командующего войска по согласию сына киммерийского вождя возложил на себя Реган, который должен был повести отряд на штурм цитадели Авара. В этом ему согласились помочь Тарн, Ингурд и Карракх. Никто из наемников не собирался отступать от первоначального плана.

Тройка воинов пустилась в погоню за пару колоколов до рассвета.

Реган и Ингурд на прощанье махнули им рукой.

Земля стала удаляться от троих наемников, сидящих на спинах крылатых существ. Навстречу бойцам надвигался грозный Гаррад. Звероголовые поднялись в самое поднебесье, окунувшись в туман облаков, чтобы колдун не разглядел их попутчиков своим магическим зрением. Гретта, Конан и Хьёрса оказались в бесцветном мареве туч, и время потеряло для них смысл. Они взметнулись ввысь над лагерем Вьяллара, а многим позже вынырнули из серой мглы уже над улицами темного Гаррада. Дальше все было похоже на сумрачное видение, по сравнению с которым призрачный Химинбьёрг и стылый Хифлинг показались обрывками дурного сна. Они воочию лицезрели обитель ванахеймского мага!

Дым и смрад гари повсюду. Высокие башни окутаны туманом, который, точно гигантский призрачный серпент, обвивал их исполинские каменные тела. Ни звука жизни. Мрачное молчание и тишина могил, царящая на темных улицах, на которых покоились груды слабо шевелящихся трупов.

Вся земля была испещрена ходами, вырытыми невиданными могильными червями. Безмолвный ужас властно порхал на своих крыльях над мертвым городом. И среди всего этого хаоса прятался он — единственный человек, вытащивший из гулких бездн это поистине бессчетное число бед.

Крылатые существа знали путь к башне Авара. Она величественно возвышалась посреди груды органического хлама огромной когтистой рукой с пятью пальцами-зубцами, устремленной вверх, к небу, в жесте последнего отчаянного порыва. В верхних покоях колдуна виднелся свет. Но то был не огонь факелов, призванный отгонять сумрак, то алело зловещее пламя, предвещающее несчастье.

Слуги Нидхеггсона донесли троих воинов до окна зловещей башни. Наемники Родвара отпустили своих пленников и вошли в зал чародея.

Там их поджидал Олав, и в глазах асира пылало настоящее безумие. Было похоже, что сильное потрясение лишило северянина рассудка. Бывший напарник Гретты склонился над полом, где во мраке лежали три кристалла, потерявшие свое синее свечение, пустые, как

плоды, из которых выжали весь сок. Конан догадался, что негодяй Нидхеггсон успел выпить из Слез Крома всю силу.

Олав поднял голову и обратил на них свой взгляд сумасшедшего.

— А, вы все-таки пришли… Как скоро… Но вы все равно опоздали. Хёггсен пробуждается, и мастер ушел встречать своего господина.

— Где он?

— Во тьме Хельгарда!

Безумец бросился на воинов и тут же получил тычок мечом от Конана. Клинок вошел в живот северянина, тот вздохнул, вырвал из раны окровавленное лезвие и устало осел на пол, не делая никаких попыток к сопротивлению.

— Скоро и я пополню ряды его огромного мертвого воинства, — с горечью в голосе произнес Олав. — Авару не нужны живые воины, ибо он достойный приемник госпожи Хель, ненавидящей жизнь…

Гретта подскочила к бывшему напарнику и встряхнула его за плечи.

— Ты можешь искупить свое предательство, Олав. Скажи, как нам добраться до Нидхеггсона, и мы непременно остановим колдуна!

На краткое время разум вернулся к северянину.

— Маг спустился в Хельгард к Последней Пристани, где его ожидает Нагльфар, готовый к отплытию. Авара сопровождают шемиты, с которыми он поделился своей силой в награду за принесенный Алый Стилет. Под темной башней, вы найдете ход, ведущий в подземное царство мрака. Поторопитесь, вы должны попасть на Нагльфар, прежде чем страшное судно отплывет от берега — иным способом кипящую Гьёлль не преодолеть…

Олав еще раз тяжело вздохнул и, отстранившись от Гретты, уставился в потолок невидящим взглядом.

— Пойдемте отсюда, — сказал Хьёрса и первым стал спускаться вниз по винтовой лестнице.

Гретта и Конан последовали за асиром. Уже отмерив больше трех десятков ступеней, они услышали, как высоко наверху, в покоях мага, зашевелился мертвый Олав. Вернее, его бездумно двигающееся тело. Вот та награда, которую он получил от Нидхеггсона за все свои старания.

Долгое время они не видели ничего, кроме чернильной темноты лестничного спуска. Воины не заходили ни в какие двери и никуда не отклонялись от намеченного пути.

Шли они долго. Казалось, ступени уводили из чертогов колдуна прямо в бесконечность, и раз ступив на эту дорогу, повернуть назад уже было нельзя.

Все, что оставалось, — это слепо брести во тьме шаг за шагом. Потом вдруг тени расступились, обнажив пламенющий ярко-красным светом проход в Нижний Мир.

Трое наемников в последний раз переглянулись и вступили в Хельгард, мир, полный туманов и стонов отчаяния, где царил иной порядок вещей, неподвластный пониманию живых.

… К концу следующей ночи войско Родвара подступило к стенам Гаррада. Наемники приготовили к бою чудесные катапульты, и Реган взобрался на небольшой холм, чтобы дать сигнал к началу атаки.

Их союзники еще не подошли — вероятно, что-то задержало стоундварвов в дороге, однако, северянам уже было нельзя медлить.

Настораживало то, что обитель чернокнижника встретила их унылым молчанием. На

стенах не появились лучники, не замерли в ожидании рокового мгновения воины колдуна по другую сторону ворот. Единственным защитником темного города оставалась тишина. Всепожирающая тишина,

Ледяной Молот постоял в раздумье немного, после чего отдал приказ начать осаду. Катапульты изрыгнули магические снаряды, начиненные убийственным холодом, точно в основание стен города. Замораживающие шары ударились о каменную поверхность, образовав льдистые пятна около ста футов в диаметре.

Затем волшебное вещество, изобретенное альвами, принялось пожирать морозом камни стен.

Уже через несколько мгновений препятствия сделались такими же хрупкими и прозрачными, как стекло. Сильный удар топора мог с легкостью разрушить промерзшую насквозь преграду. Наемники выстрелили еще раз и продырявили морозом стены еще в трех местах. Если сражение пойдет так и дальше, они пешком пройдут до главной башни Гаррада.

Внезапно Реган замер. Не только ему одному послышалось грозное ворчание, походившее на рокот. Как будто вокруг грозно хрипели десятки тысяч глоток. Варвары расширили глаза, чувствуя, что уже в следующее мгновение неизбежно произойдет нечто страшное. И оно произошло. Рухнула вся стена темного города, которую обстреливали наемники, открыв путь к лавине злобных мертвецов, поваливших из Гаррада. Неживые слуги Авара вылились из закрытого пространства, словно волна, и было их столько много, что многие северяне не смогли сдержать испуганный возглас — на них стремительно надвигалось целое море трупов! Если наемников было не менее двух сотен, то их противников, по крайней мере, в двадцать раз больше. На каждого человека Вьяллара приходилось по два десятка умерших воинов колдуна. Вокруг отряда Родвара зашевелилась земля — откуда-то из глубин на них со всех сторон выползало еще больше нежити! Путь вперед закрыт, дорога к отступлению отрезана. Осталось только с честью погибнуть.

Тарн мрачно усмехнулся. Он предвидел такой исход, но готовы ли сейчас к этому другие? Сын Гарпии оглядел своих боевых друзей и решил, что, пожалуй, да, готовы. Из толпы жадных до сокровищ вояк за все это время они превратились в священных карателей злодеев, в исполнителей воли самого великого Крома. Даже если все они погибнут, то сделают это как настоящие бойцы. Никто не отступит. Никто не струсит.

Никто не скажет, что он устал или не может. Все они будут биться до последнего.

Грозно сверкнула сталь клинков — воины Родвара приготовились к последнему отчаянному бою.

Прошло несколько мучительно долгих минут, потом поле сражения затопил безбрежный океан хаоса, смешав воедино тела, мысли, брань, лязг оружия — и смерть.

… Миррейа сидела у ложа раненого Вьяллара. Сын Родвара постоянно требовал выглянуть наружу и посмотреть, как идет бой. Волшебница с бледным лицом отодвигала полог ставки и вновь возвращалась к лидеру наемников.

— Все в порядке, Вьяллар. Твои воины одолевают врага.

— Тогда почему не слышно победных криков?

— Потому что… до победы еще далеко. Противников много, и твои бойцы не скоро сразят их всех.

В последний раз, когда девушка выглядывала наружу, она видела, как мертвецы подобрались к самой ставке лидера наемников. И лишь благодаря вмешательству невидимых высших сил, да героизму Ингурда и окружавших его бойцов, северяне отбросили рвущуюся

вперед нежить.

— Я должен им помочь, — сказал Вьяллар, делая попытку подняться со своего ложа. — Я должен быть с ними…

— О, нет, они справятся сами. Воины дерутся смело и яростно. Не завидую их врагам. Просто… им нужно немного больше времени.

— О, Кром, если б не эта рана! — простонал сын вождя канахов.

Миррейа прикрыла лицо ладонями. Жить им оставалось недолго.

… Тарланд впервые в жизни поверг своего врага. Но то был не живой человек, а гниющий труп, поднятый из могилы темными чарами и рвущийся в атаку. Потом он зарубил еще одного мертвеца и еще одного, понимая, что отнимать жизнь у того, кто ее не имеет не в пример легче, чем у обычного человека, — и бойцовские качества тут были ни при чем. Сзади на спину магу набросился кто-то из нежити, опрокидывая колдуна, но внезапно чья-то сильная рука сняла со спины юноши тело отвратительного трупа. Тарланд обернулся.

Хьюки.

Бывший предводитель ванахйм ской шайки слабо улыбнулся.

— Не зевай, чародей.

— За мной долг, — волшебник выжал вымученную улыбку.

— Еще успеешь вернуть.

И дальше — снова в пылающее пламя схватки.

Карракх размахивал увесистой дубиной, сбивая мертвецов наземь. На магические хитрости уже не было времени, и Заклинатель Драконов сражался как обычный боец. Получалось это у него совсем неплохо.

Ингурду пришлось туго. Неупокоенные слуги чернокнижника едва не покалечили его. Трижды ржавые мечи пробовали на прочность его кольчугу, а последний раз копье мертвеца едва не вонзилось в его левый глаз. Неизвестно какие боги спасли Снежного. Но это только разжигало в нем ярость. Ванир бился как берсерк, орудуя двумя тяжелыми топорами и сбивая с плеч покойников безмозглые головы.

Тарн сразил пятнадцатого мертвеца. Еще пять, и он достигнет положенных двух десятков, которые он непременно должен захватить с собой.

Сын Гарпии подумал о Конане и его спутниках — добрались ли они до темной обители Нидхеггсона или же их настигла беда. Живы ли они или отдали свои души мрачной хозяйке Хель?

Чудесное оружие подвело Регана в последнем бою. Волшебный молот сломался, и асиру пришлось подхватить длинное копье, чтобы отбросить назад подступившую нежить. Сколько еще сумеет он уложить врагов, прежде чем отправится в бездонный мрак?

* * *

Авар взглянул на бурлящую Гьёлль, полную светящейся крови, которая озаряла багровым светом огромное подземелье Нижнего Мира и, не обернувшись, стал подниматься по трапу из костей на мрачный корабль.

Шемиты последовали на борт Нагльфара вслед за своим предводителем. Издалека уже неслось дыхание, новой жизни. Это пробуждался он, Хёггсен Богоубийца…

Где-то там, за Пределом, неведомые прислужники богов колотили с новой силой в

Барабан Рока, наблюдая за тем, как волны нежити медленно смывают тающий отряд Родвара. Наемники дрались с ожесточением, но, во имя звезд, посылающих свет на землю, не могут же они вечно противостоять превосходящему противнику! Сколько ещё, — может быть, четверть квадранса, может и колокол, — и островок их лагеря, наконец, захлестнут яростные волны мертвецов. Над неживой долиной прокатился низкий звук поющего рога, так что дрогнула земля. Это, наконец, подошли стоундварвы. В поток мертвых тел вклинились ряды приземистых тел, рассекая напополам валящую от Гаррада толпу слуг Нидхеггсона.

Ингурд расхохотался, потрясая в воздухе окровавленным топором.

— Еще поживем, братья! Клянусь подолом Атали, мы отправим всех мертвецов в топку к Тагалу!

И вновь хаос безумного боя.

IV

… Кипевшая кровь Гьелль бросала темно-красные отсветы на борта зловещего корабля. Нагльфар медленно отчаливал от Последней Пристани. Натянулся парус из человеческой кожи, выгнувшийся от поганого дыхания Нижнего Мира…

Алый туман вился у берегов, принимая самые чудовищные формы, о которых только может подсказать человеческое воображение. Груды голых костей и разодранных в лоскуты тел высились повсюду, прорезаясь даже сквозь полотно Гьелль неровными рифами. Пространство заполнял низкий рокот, отдаленно напоминающий гнусавую песнь.

Нидхеггсон стоял на корме корабля, сложив на груди руки и внимательно вглядываясь вдаль, где кровавая дымка прятала ложе пробуждающегося северного бога. Топор Модгуд, Алый Стилет лежали около него на палубе, обвязанные Цепью Рокка. Рядом покоились тускло поблескивающие Клыки Асуры и Черный Венец Сета.

Видоизменившиеся шемиты, теперь похожие на страшных демонов с огромными кожистыми крыльями, стояли у самого паруса судна, властно поглядывая по сторонам.

Нагльфар отплыл от берега и начал путешествие по кровавым волнам Гьелль.

На борту корабля новые гости! Вот на палубу взбирается варвар-киммериец, и в руках он сжимает огромный двуручный меч. Слева от него с саблей в правой руке замирает женщина-воин. На ее лице виден большой шрам через всю щеку. Справа от варвара грозно улыбается асир, поигрывая тяжелой обоюдоострой секирой. Дерзкие смертные, спустившиеся в царство скорби, готовятся к бою!

Колдун даже не поворачивается к ним лицом. На защиту своего господина встают шемиты-убийцы. Ассасины вытаскивают свои длинные кинжалы и бросаются на воинов. Яростно скрежещет сталь клинков. Наконец, один из темнокожих падает за борт Нагльфара и исчезает в бурлящем красном потоке. Трое воинов набрасываются на второго убийцу и отправляют его вслед за своим товарищем. Потом северяне медленно двигаются к колдуну.

Киммериец протягивает руку к артефактам, и только тогда маг словно пробуждается от дремы. Нидхеггсон медленно поворачивается к нарушителям священных дум. Глаза Авара до сих пор застилает дымка грез, он стоит уже в будущем, там, где жалким смертным нет места. Но разве живые до сих пор не покинули его корабль?

С рук колдуна срывается блестящий ураган искр, которые опутывают трех противников мага. Воины без сил падают на глянцевую палубу, роняя оружие. Двигаться больше нет сил…

Неподвижные враги более неинтересны чернокнижнику, он вновь старательно вглядывается в багровую даль, полную призраков. Нагльфар продолжает свое величественное путешествие…

Судно из ногтей мертвецов проплывает мимо ущелья теней, где скопились шепчущиеся во мраке духи.

Дальше по кровавым волнам…

Справа другой участок суши — курган поющих голов. Короли Полуночи воспевают свою хозяйку Хель. На несколько мгновений корабль и все его окружение охватывает густая мгла — это Нагльфар проплывает мимо владений мрачной богини. А вон и она сама — извивающийся во мраке черный силуэт. Тело Хель черно, как ночь. Красные глаза владычицы, лишенные зрачков, медленно провожают судно. Колдун приветствует повелительницу мрака…

Воины лежат без движения, хотя члены тела уже начинают вновь повиноваться им — лишь бы не заметила их богиня смерти. Но вот призрачные владения подходят к концу, и Нагльфар вновь выплывает в красный свет реки Гьелль.

Путешествие близится к концу. Мрачный корабль подплывает к новому участку суши, озаренному неверным желтоватым сиянием. В центре островка располагается кокон из туманных серебристых нитей — ложе великого губителя северных богов, усыпальница разжигателя колоссальной войны, положившей начало Рагнарёк.

Чуть поодаль от кокона расположились семеро диковинных существ с неимоверно длинными и узловатыми пальцами на тонких руках. Странные создания полностью поглощены работой и не обращают на прибывший корабль ни малейшего внимания.

Они склонились над ткацкими станками; их грузила — черепа, инструменты — копья и мечи, ткань — человеческая кожа, а нити — красные жилы. Мастера трудятся над воссозданием нового тела Хёггсена Богоубийцы и, похоже, их работа подходит к концу.

Нидхеггсон опускает костяной трап и с магическими предметами в руках шествует по направлению к месту сна северного бога. Затем колдун принимается раскладывать священные артефакты вокруг светящегося алтаря… Время, не имеющее своей власти в Нижнем Мире, начинает свой бег. Моменты новой истории мира, которая зарождается здесь, в Хельгарде… Ткачи с единым вздохом прекращают свою работу. Внутри прозрачного кокона из света начинает разрастаться тень. Авар протягивает руку к пробуждающемуся богу.

«Хёггсен!»

… Тяжелая секира Хьёрсы опускается на шейные позвонки колдуна. Но из страшной раны чародея брызжет не кровь, но рвется наружу ярко-синий свет, который раньше наполнял Слезы Крома. Авар испускает громкий вопль — однако, то был не вопль ужаса, но крик, полный гнева. Нидхеггсон стреляет в асира убийственной молнией, и Злобный, весь в искрах и копоти, падает к ногам Конана и Гретты, которые не успели спуститься с корабля столь быстро. Почти мертвый. Киммериец наклоняется к северянину. Хьёрса последним отчаянным движением хватается за его плечо.

«Друг…» — шепчет он варвару, но вот хозяйка тьмы обрывает нить его жизни, и дух Хьёрсы летит прочь, в мглистую высь.

Конан, взбешенный новым приливом ярости, бросается на ванахеймского колдуна. Долг. Слово закрадывается в его сознание за миг до того, как киммериец наносит удар мечом.

Он спас тебе жизнь!

Варвар переворачивает клинок и бьет чернокнижника основанием рукояти по затылку. Авар падает на колени…

Внезапно серебристое сияние меркнет, и Гретта замирает в ужасе. Из кокона выходит он, пробудившийся Хёггсен Богопротивник. Его лик вовсе не ужасен — обычный человек, похожий на любого из асиров, только безбородый, с ярко-белыми волосами и ростом в полтора раза выше человеческого. Хёггсен улыбается, оглядывая сушу, прибывший корабль и замерших в испуге людей. Его взгляд касается Конана, Гретты и упавшего на колени колдуна. Потом Хеггсен внимательно смотрит на киммерийца.

«Ты освободил меня из заточения?»

Варвар медленно качает головой и показывает на оглушенного мага. Богопротивник хмурится.

«Да, похоже на то… Этому человеку я подарил свои силы, но он не добился ничего существенного. Где моя армия, Авар?»

Ванахеймский маг молчит.

«Хорошо, я сам посмотрю».

Хёггсен пронзает взглядом пространство, вырываясь из пределов Нижнего Мира. Войско Родвара, сражающееся с мертвецами, толпа стоундварвов, с неистовым ревом рубящаяся вместе с варварами… Взор северного бога скользит во времени — Хёггсен смотрит на каждый из артефактов, принесенных к его алтарю, и наблюдает историю его путешествия в Хельгард. Богопротивник завершает созерцание. Его взгляд опускается на чародея. Хёггсен разочарован.

«Ты недостоин быть предводителем моего войска», — говорит он. — «Пожалуй, я сделаю королем вот этого варвара».

«Но, мастер, я служил тебе…»

Сноп зеленого огня повергает Нидхеггсона наземь, обрывая возражения чародея на полуслове. Авар корчится на земле в жестоких судорогах. Внезапно он гасит пламя агонии и протягивает руку Конану.

«Киммериец, я был глуп… Я жестоко просчитался в своих надеждах. Этот бог разрушения — противник всего живого. Я построил Гаррад по его плану… Не верь его обещаниям. Он убьет и тебя, как только ты перестанешь быть ему нужен…»

«Глупости, ничтожный», — говорит Хёггсен. — «Я отдам всю власть достойному. Итак, варвар, ты согласен принять мой дар и занять место этого жалкого чародея?»

Авар делает последнюю отчаянную попытку подняться.

«Не слушай Хёггсена-хитреца, Конан. Возьми мою силу и убей его!»

Тело мага покидает голубое мерцание и окутывает киммерийца. После этого Нидхеггсон бессильно падает и его мятежный дух летит догонять Хьёрсу. Богопротивник спокойно смотрит на происходящее.

«Что ж, ты вобрал в себя силу чародея. Почувствуй же, что значит быть моим помощником».

Взгляд Конана разгорается настоящим огнем. Осанка киммерийца выпрямляется, плечи разворачиваются, подбородок властно приподнимается. Перед глазами варвара бегут мимолетные видения. Он восходит на престол Нордхейма и Киммерии, Кофа, Шема, Бритунии, Немедии, Аквилонии, Зингары, Вендии, Кхитая… Страны одна за другой покоряются новому владыке. Сотни тысяч слуг. Дворцы, полные сокровищ…

Гретта с изумлением смотрит на киммерийца, поражаясь происходящим в нем переменах. И это ее друг, которого она знала столько времени!

Взгляд Конана касается ее лица… Варвар закрывает глаза, и наваждение исчезает.

«Нет», — говорит киммериец. — «Я спустился в Хельгард не для этого, коварный бог. Ты сеешь разрушение, и я должен остановить тебя».

«Я всего лишь пытаюсь изменить мир», — ответил Хёггсен. — «Но раз уж ты отказался от моего дара, то разделишь участь этого колдуна».

Богопротивник поднимает с кроваво-красной земли топор великанши…

… Нижний Мир взорвался. Жадное ярко-желтое пламя разорвало пространство, обнажив провал в пылающую страну. Из огненной бездны дохнуло нестерпимым жаром, и демонический хохот сотряс весь Хельгард.

«Думал, что ты убежал, жалкий глупец?»- рассмеялся Тьяр, являя свой огненный лик из глубин Тьяргарда.

«Черный Владыка!»- проговорил Хёггсен, и Конану показалось, что в голосе

постоянного насмешника мелькнул страх.

«Теперь я знаю, в чем мое предназначение», — сказал пламенеющий великан. — «Мне давно надоело сидеть у края бездны и стеречь вход в Огненную Страну, размышляя о балансе миров. И ты подсказал мне выход из вечного тупика своим бегством в этот жалкий мир. Я спалю Хельгард, а после сожгу Хайборию, положив конец правлению всех богов и людей. Я превращу весь мир в один пылающий хаос, и тогда мне уже не нужно будет ничего сторожить, ибо мои владения раскинутся повсюду!»

Хёггсен нервно дернулся.

«Этому не бывать! Уже однажды я устроил Рагнарёк, и теперь об этом горько сожалею. А то, что хочешь сделать ты, это настоящее безумие!»

Богопротивник поднял черные клыки.

«Асура, сюда!»

Но вендийский бог не явился. Вероятно, Светлейший поборол искушение вернуть свой ужасный лик.

Тогда Хёггсен взял в руки Черный Венец.

«Сет!» — позвал он.

Однако и стигийский покровитель не явился на помощь северному богу. Скорее всего, он отринул надежду получить назад свой магический артефакт.

Разозленный Хёггсен швырнул предметы в кипящую Гьелль, и кровавая река поглотила святыни. Цепь Рокка покоилась молча, и вряд ли сейчас бы пригодилась Богопротивнику. Тогда Хёггсен перекинул топор великанши в левую руку, а в правую взял Алый Стилет.

«Посмотрим, насколько крепко твое сердце, Черный Владыка!»

Тьяр вновь расхохотался. Из бездны Тьяргарда стали выбираться огненные демоны — бесчисленное воинство пламенеющей страны.

Конан подошел к лидеру наемников и взял Гретту за руку, передавая ей часть своей силы. Слезы Крома влили в ее тело необыкновенную мощь. Потом оба воина двинулись вслед за Хёггсеном, навстречу пылающему хаосу огня.

… Наемники замерли, встали как вкопанные стоундварвы и остановились даже мертвецы. Небо над их головами стало стремительно окрашиваться в огненные цвета — то наливаясь яркой желтизной костра, то алея медленно стынущими углями.

В ставке Вьяллара юная волшебница расплакалась.

— Что случилось? — спросил ее сын Родвара. — Неужели наше войско проиграло?

— Нет, — ответила Миррейа. — Намного хуже. Великое зло вступило в мир, и теперь никому не будет спасения. Нас всех спалит беспощадный огонь…

V

То была страшная битва. Хёггсен в одиночку уложил больше полусотни огненных демонов, прорубаясь к трону Черного Владыки. Убийственное оружие великанши разметывало в искры их тела, которые тут же гасли, превращаясь в кучи золы. Алый Стилет оказался пригоден не только для убийства Митры — он с легкостью обращал в пепел многочисленных слуг Тьяра.

Конан и Гретта бились плечом к плечу и тоже положили немало врагов, хотя их силы, конечно, не могли сравниться с мощью Богопротивника. Демонов было очень много, и они, несмотря на все усилия воинов, едва не прорвались во внешний мир из пылающих глубин Тьяргарда. Однако случилось то, чего не предвидел Пожиратель Душ — духи павших воинов встали в строю, не пропуская слуг Тьяра в подземное царство.

Паарадж и Синкху, Видар и Бор, Бели и Брокк, Олав и все остальные участники похода — все явились они, чтобы помочь друзьям уберечь мир от вторжения огненных монстров. Из предвечной лавы восставали все новые и новые противники. Их пламя разрослось чудовищным хищным пожаром. Они погребли одной пылающей волной Хёггсена, и северный бог исчез в потоке огня. Топор Модгуд мелькнул в последний раз, и его сожрало жадное пламя…

Но это был еще не конец. Гретта и Конан по-прежнему стойко обороняли врата от рвущихся наружу демонов пламени. Киммериец раскроил череп очередному врагу, Гретта срубила саблей его помощника. Взгляды двух воинов встретились на миг, и оба поняли, что нет во всем огромном многообразии миров силы, способной победить их двоих. Внезапно жаркие волны всколыхнулись. Это Хёггсен, объятый ярким пламенем, уже умирающий, но улыбающийся с новой надеждой, восстал из огня. Богопротивник размахнулся и метнул стилет прямо в сердце смеявшемуся на троне Тьяру. Оружие шемитов пронзило его жаркую грудь, и Черный Владыка начал таять густым дымом, испуская протяжный рев.

«Бегите!» — выдохнул северный бог, и море огня снова принял его в свои объятия.

Гретта и Конан повернулись и бросились назад, прочь из содрогающейся Огненной Страны, лишившейся своего господина. Провал закрылся за спинами воинов — призрачные руки покровительствовавших им духов сомкнули края разрыва и крепко-накрепко связали Цепью Рокка. Глубины Тьяргарда исторгли протяжный гул.

Свое великих воителей взошли на корабль, и Нагльфар отправился в обратное путешествие. Черные тени, слуги хозяйки Хель, расступились, пропуская плывущее судно…

… Толпы мертвецов повалились на снег. Взъерошенная земля опала. Стены Гаррада покрылись ветвями трещин, готовые рухнуть бесполезной грудой камней.

Наемники Родвара разразились торжествующими криками, и владыка Вьяллар, наконец, дождался заветного момента. Победа над огромным, войском нежити далась им с великим трудом, но все же они выиграли.

Реган побратался с королем горных карлов, которые помогли им совладать с войском Нидхеггсона, явившись в последний момент, когда уже казалось, что последняя надежда умерла…

Андвари, верховный стоундварв, вручил асиру новый молот взамен старого, сломанного. Так Ледяной Молот стал Каменным Молотом.

Тарн излечил свою ненависть к людям. Вдвоем с Карракхом, который увидел в жизни

новую цель, они собирались основать новое королевство, где бы жители были рады всякому чужестранцу.

Ингурд, Хьюки и Торрад снискали большую славу. Наемники не забыли и о вознаграждении — из сокровищницы Авара они неплохо пополнили свои кошельки.

После победы над войском мертвецов северяне вошли в темный город. Там в глубоких темницах, ожидая своего часа, томилось еще немало живых пленников, которых варвары выпустили на свободу.

Привычные краски молодого утра вновь возвращались на небосклон, сменяя жар тлеющего неба. В сиреневой вышине слабо мигали звезды. Скоро небо должно озарить сияние нового рассвета. Восход, призванный развеять последние остатки мглы из закоулков темного города…

Гретта и Конан возвращались из башни колдуна, держась за руки, точно до сих пор удерживая хрупкий баланс сил и, казалось, только в единстве этих двух людей мир еще до сих пор жив. К двум бывалым воинам подошел старик Тьяцци, и втроем они долго смотрели в светлеющее небо. Там, в недосягаемой выси, среди тающих звезд, плавно летел черный конь с седобородым всадником. На плечах старца все также сидели угрюмые вороны, а следом за скакуном в звездной дали, плыли два серебристых волка. Только теперь рядом со старым Харом, весело улыбаясь, шагал высокий беловолосый человек с тяжелой секирой на плече. Вскоре призрачная процессия медленно истаяла вместе с меркнущими звездами, но прежде Хёггсен успел помахать им рукой с высот светлеющего небосклона.

Гретта и Конан подняли руки и попрощались с северным богом…

— Былые властители простили Хёггсена, и братья, наконец, помирились, предав забвению многовековую вражду, — сказал Тьяцци. — Жаль, теперь они навсегда покинули этот мир.

— Нет, — уверенно сказал Конан. — Они ушли в высокие небесные чертоги, чтобы вернуться оттуда вновь, когда миру будет грозить опасность.

В подтверждение словам киммерийца высоко в небе ярко мигнула последняя выцветающая звезда.

* * *

Восходящее солнце окунуло прибрежные айсберги в пламя рыжего пожара. С Полуночи дул свежий ветер, наполняющий парус корабля. Плеск холодных волн ненавязчиво нарушал тишину. На их темно-синей поверхности купались тысячи ярких солнечных бликов.

Эорд Изгнанник с улыбкой стоял у штурвала корабля, наслаждаясь свежестью утра после душного мрака заточения в подземельях Утгарда. Конан понимал его как нельзя лучше — нет счастливее человека, вновь вернувшего свободу.

Гретта подставила лицо прохладному ветру, который с нежность коснулся ее щек. Потом бывший лидер наемников взглянула на варвара.

Тот вернул ей взгляд и о чем-то улыбнулся.

Небольшой корабль, плавно покачивающийся на волнах, нес их к огромным пространствам прекрасного мира.

Мира, очищенного от мрака и огня.

Мира, в котором еще не один век и даже не одно тысячелетие будут править люди и их

наставники, мудрые боги…

Эпилог

Так завершился поход наемников на Гаррад, где молодой ванахеймский чародей пытался возродить к жизни представителя мира раннего Хайборийского века, о существовании которого к тому времени успели стереться почти все достоверные доказательства.

Многие славные воины, такие как ванир Ингурд Снежный, асир Реган Каменный Молот и, конечно же, киммериец Конан, стали свидетелями уникальных событий, обозначивших смену эпохи.

Старое поколение богов, некогда правивших на Полуночи Хайбории, навсегда покинуло мир, чтобы уступить владычество молодому поколению — Митре, Иштар и Дэркето. И лишь только их более древние собратья, Асура и Кром, заставшие великую битву на Боргильдовом поле, будут хранить память о былых временах. Но, очевидно, старые боги, Хар и Хёггсен, который явился в мир в последний раз, чтобы вопреки своим былым планам спасти его от гибели, не исчезли бесследно. Свидетельство о существовании древних богов, которое вынесли участники знаменитого похода, пережило целую Хайборийскую эпоху, став национальным преданием новых северных королевств, которые были воздвигнуты после великой катастрофы. Однако ни в одной поздней летописи нет ни единого упоминания о том, как ярл Авар Нидхеггсон оживил Хёггсена Богопротивника, и о том, как владыка прошлого плечом плечу с Конаном и Гретой бился с огненными демонами Тьяра и остановил вторжение в мир сил великого зла. К сожалению, предания помнят лишь древние времена, факты о которых нередко явлены в искаженном свете — например, в летописях нет ни слова о том, что в предначальные времена молодой Кром помогал северным богам в битвах против древних великанов или о том, что Митра сражался на Поле Хрейдмара в рядах Игга.

Правду о последнем появлении старых богов в Хайбории, перед тем как они окончательно уступили право на царствие младшему поколению, помнят немногие. Свидетелями решающей битвы представителей древнего мира случилось стать киммерийцу Конану и его подруге Гретте.

Но для них это было всего лишь началом нового приключения.